

№ 7

Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ
с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ
АЗЕРБАЙДЖАНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Али САФАРОВ. Бурый медведь, серый волк. <i>Повесть</i>	3
Руфат МУСТАФАЗАДЕ. Зеленая скала. <i>Рассказ</i>	43
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. Операция «Джойстик». <i>Новелла.</i> Ассоциации. <i>Эссе</i>	69
Ирина ПЕРЕСАДА. Адвокат. Инопланетянин. <i>Рассказы</i>	100
Санан ИСМАЙЛОВ. <i>Рассказы</i>	124

ПОЭЗИЯ

Рашид КЕРИМОВ. <i>Стихи</i>	42
Саида СУБХИ. <i>Стихи</i>	64
Гамид АХМЕДОВ. <i>Стихи</i>	117

ПУБЛИЦИСТИКА

Ширин МАНАФОВ. Так ли уж армяне ненавидят турок?	34
Марат ШАФИЕВ. Из истории русскоязычной бакинской поэзии. Краткие размышления о большой Игре.	58
Ляман БАГИРОВА. <i>Литературные портреты</i>	81

2021

Главный редактор	– Солмаз ИБРАГИМОВА
Зам.главного редактора	– Елизавета КАСУМОВА
Ответственный секретарь	– Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ
Отдел прозы	– Надир АГАСИЕВ
Отдел поэзии	– Алина ТАЛЫБОВА
Отдел подписки и рекламы	– Джамиля ШАРИФОВА
Литсотрудники	– Ниджат МАМЕДОВ, Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА
Корректор	– Анна КУЗЁМКИНА
Редакционная коллегия:	<i>Почетный аскал «Л.А.» Сияуш МАМЕДЗАДЕ, Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ</i>
Литконсультант	– Натиг РАСУЛЗАДЕ

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве
печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 22. 6. 2021 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»НКРТ ММС
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

***Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.***

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала
обращаться в типографию «OL»НКРТ ММС

ЗЕМЛЯКИ

Из письма Чингиза Гусейнова

...в Ставрополе живёт наш русскоязычный земляк Али Сафаров... читал его интересную прозу (опубликована там же, в Ставрополе), в частности, роман о путешествии азербайджанца по России 90-х и нулевых, путевые заметки и т.д... Он, между прочим, правнук (родовое древо им выстроено отменно) великого нашего просветителя Гасанбека Зардаби, и об этом, к сожалению, мало кто на родине знает, – такое у меня уже было в Москве, когда в начале 80-х годов прошлого века познакомился с другим правнуком, на сей раз великой Натаван – Мехти Хасаевичем Уцмиевым, это так, к слову... А недавно познакомился с любопытной исторической повестью Али Сафарова «Бурый медведь, серый волк», посвящённой прелюбопытнейшей фигуре царского чиновника высокого ранга Лорис-Меликова... Время и события выписаны в повести правдиво, без нарочитой тенденциозности, столь важной, когда ведешь речь об инонационале: Али Сафаров как бы изнутри и психологически достоверно, глазами и языком самого Лорис-Меликова показал человека незаурядного, смекалистого в своих интригах, представиться либералом, но коварен и жесток по делам своим, образом мышления даже, демагогичен, ловко манипулирует в корыстных целях преданностью державе и престолу, ради личных интересов и служит русскому царю. Это портрет типичного приспособленца, актуальный и сегодня... Думаю, азербайджанскому читателю будет интересно и полезно познакомиться с психологией высокопоставленного русско-национального политика-чиновника...

от автора

Неожиданная и не поддающаяся логическому объяснению поддержка Россией Армении в её захватнической войне против Азербайджана привычно объясняется религиозным фактором: мол, русские – христиане и воюют на стороне своих единоверцев, тут всё кажется понятно. Но выполнение сходных религиозных обрядов вряд ли может оправдать убийство людей, выполняющих иные обряды и произносящих другие молитвы – заклинания. Всё это преподносится как естественное продолжение длящейся веками войны христианской России против мусульманской Турции. Только теперь вместо России выступает маленькая, «жертвенно-героическая» Армения, а место Турции занял Азербайджан, сути это не меняет, суть остаётся прежней: «справедливая» война «хорошего» агрессора против выбранной по своему усмотрению жертвы. Вся подмена происходит с целью представить Армению защитницей интересов христианского мира, хранительницей его ценностей, и дать возможность «хранительнице» и «защитнице» заняться грабежом ценностей Азербайджана (материальных, а не духовных) – нецивилизованного, мусульманского Азербайджана – «за гранью дружеских штыков» и при поддержке богатого западного мира. Но мир изменчив, и даже такие универсальные и проверенные, фундаментальные методы, как вероломность, коварство, обман и жестокость не всегда приводят к желаемому результату; в то же время это очень опасный путь, война цивилизаций пагубна не только для России, на территории которой планируется её проведение, и на судьбу которой армянским тузам наплевать с высоты Ара-рата, такая война может обернуться трагическими последствиями для всей западной цивилизации, на которую те же люди тоже плевать хотели ровно с той же высоты. Нет смысла тратить время на перечисление вариантов фатального развития событий, этих вариантов бесчисленное количество, а намерения «защитников христианства» самые радикальные, судя по всему, они готовятся к реваншу, и ничто не отвратит их от роковой попытки повторить войну, и на это почти согласна большая часть русского народа, пребывающего в историческом беспам'ятстве и послушного ловким манипуляторам.

Сейчас за осуществление сладкого плана мести принялись армянские мудрецы. И если мы обратимся к истории, то увидим, что использование русского военного потенциала против своих врагов, давно стало устойчивой традицией армянской элиты в России. Традиционно эта помощь не бескорыстна, достаточно вспомнить историю капитуляции имама Шамиля, переданного из рук в руки русским генералам армянским ставленником Лазаревым. Любой субъект исторического процесса, произвольно выбранный армянской элитой в качестве врага, обязательно становится и противником России, без принятия в расчёт её собственных интересов. Нравится носатым мудрецам убивать турок, так будь добр, господин генерал, обеспечь такую приятную возможность. Но, стоп, где подтверждения справедливости этих обвинений, может быть, я говорю просто как представитель народа, участвующего в конфликте, забыв об исторической правде? Тоже пытаюсь манипулировать сознанием чужого народа? Недавно я стал свидетелем омерзительного зрелища – в телестудии армянские активисты Багдасаров, Кургинян, Симонян, перебивая друг друга, кричали: «Как русский человек, хочу сказать...». Носатые «русские люди» доказывали, что освобождение от оккупации части чужих земель – это продолжение геноцида армянского народа, и призывали к реваншу. Так вот, я, человек всесторонне не русский, не имею желаний присоединиться к многоголосию спорщиков о карабахской проблематике, хочу предложить читателям прочесть мою повесть «Бурый медведь, серый волк». В этой повести я описал один из интереснейших и событийно насыщенных отрезков времени в русской истории. Это период после завершения русско-турецкой войны 1877 – 1878 годов, эпоха великих реформ в русском обществе, эпоха, когда титаны ходили по улицам городов, скакали по тропинкам горных ущелий, когда человек, внешне похожий на бурлака, изгнанного из артели за пьянку, но воспринимавший отзвуки процессов вселенского масштаба, этот человек, Фёдор Достоевский, ясно видевший среди живых людей нежить, бесов и ангелов, запросто ходил по Земле, так же, так же, как сейчас ходим и мы с вами, или как ныне ходят Веллер и Пелевин, выдающие себя за писателей. Это было необычное время, массовое помешательство овладело обществом, юноши и даже девушки из хороших, прочных, религиозных семей вдруг, в одночасье, массово помешались на царевубийстве. Вещь немислимая, ещё несколько месяцев назад он или она и подумать не могли, чтобы огорчить папеньку с маменькой непослушанием, а тут вещь – горше отцеубийства, убийство самодержца, отца многомиллионного народа. Что-то произошло в мире, и сам самодержец, горевший идеями изменения мироустройства, вдруг сдулся, поселил в Зимнем дворце молодую любовницу, прямо этажом выше покоев умирающей от чахотки жены. Вождь людоедского племени крепко подумал бы, прежде чем поступить подобным образом, а тут просвещённый, добрый по характеру человек... Легко можно понять природу чувств цесаревича, видящего мучительно, одиноко умирающую мать и весёлую и аморальную отцову любовницу. Это было время головокружительного взлёта выходца из среды армянских торговцев, Лорис-Меликова, получившего графский титул и возглавившего кабинет министров. Ему противостоял царедворец с говорящей фамилией – Победоносцев, схватка была не на жизнь, а на смерть, победил Победоносцев, и своей победой продлил существование империи на определённый срок. Справедливость требует отметить выдающиеся качества графа Лорис-Меликова, забравшего пистолет из рук стрелявшего в него в упор еврейского юноши Младецкого, отважно последовавшего на эшафот. Повторю ещё раз, это было удивительное время титанов, и для понимания происходившего подходит рассмотрение персоны графа Лорис-Меликова, что я и попытаюсь сделать в своей повести. Насколько это удалось не мне, а читателям разных национальностей. Я лишь хотел бы напомнить слова незаслуженно забытого русского мыслителя, Петра Демьяновича Успенского; цитирую по памяти и не ручаюсь за точность: «Трагедия человека заключена ещё и в том, что сам он, будучи существом высокой организации, является лишь клеткой примитивного организма нации».

АЛИ САФАРОВ

БУРЫЙ МЕДВЕДЬ, СЕРЫЙ ВОЛК

Повесть

Бабушкины сказки

Широкий плоский обруч, обтянутый красным бархатом, возвышался на голове бабушки Анаид подобно короне. Расположенный вертикально, он зрительно увеличивал рост бабушки и придавал величавость её и без того горделивой осанке. Черты бабушкиного лица усиливали сходство обруча на её голове с короной. Тёмно-голубые глаза, смотревшие пристально и властно, внушали повиновение, и бабушке никогда не нужно было повторять свои распоряжения служанкам: даже самые ленивые и изворотливые всё выполняли сразу и без прекословия. Достаточно было взгляда. Бабушкино лицо было слегка асимметрично, правая бровь изгибалась круче и располагалась выше левой, эта асимметрия придавала лицу высокомерное и требовательно-вопросительное выражение. К такому лицу корона бы подошла. Асимметричное расположение бровей передалось и мне по наследству от бабушки. Моя правая бровь тоже выше левой, и изогнута она круче левой. Бабушка не красила хной свои чёрно-белые волосы, как это делает большинство женщин её возраста. И сочетание трёх ярких цветов – снежное сверкание седины на фоне угольной черноты её густых волос и, совсем уж неожиданно, тёмно-голубой цвет весеннего неба, цвет её огромных, чуть миндалевидных глаз завершали эту палитру. В сумме всё это разноцветье придавало бабушкиному лицу необычайно живой и неповторимый вид. Её лицо, подобно пламени, было полно неуловимой внутренней жизни. Бабушка всегда поверх европейского платья носила цветастый азиатский халат. С нами, внуками, она говорила только на армянском, хотя в разговоре с моей мамой, своей дочерью, иногда переходила на русский, да и воспитатель наш, русский человек, Гаврила Васильевич, живший в нашем доме как член семьи, говорил с нами на русском, и бабушка считала это очень важным, чтобы мы с братом говорили на русском чисто, без акцента. Для этого, собственно, и был взят в дом Гаврила Васильевич. «Русский – язык господ, и дети должны говорить на нём без акцента». Так говорила бабушка Анаид. Тем не менее, единственная фраза на русском, обращённая к нам с Васей, была: «Ми нэ богатый, но ми отчень гордый», причём бабушка время от времени повторяла эти слова. Когда я чуть подрос и смог оценить её юмор, то понял, что она издевательски пародирует речь других тифлисских армян, претендующих на аристократизм и по этой причине пытающихся говорить в своих семьях на русском языке. На самом деле её армянский акцент был едва ощутим. К вопросу о внутрисемейном языке бабушка подходила очень серьёзно, когда дело касалось нас с братом Васей, бабушка говорила: «Русским языком они должны владеть лучше, чем сами русские, но думать, думать они будут на нашем языке, на армянском». С возрастом мы с братом поняли, что бабушка, когда шутит, никогда не смеётся, и мы всегда пребывали в недоумении, шутит она или говорит всерьёз. Сама она никогда не дони-мала нас воспитанием, не делала замечаний, не читала нравоучений, не бранила за баловство и лень, единственное бабушкино назидание было «Вы никогда не должны забывать, что вы армяне», лишь однажды пояснив: «Быть армянином – значит быть одним из тех, для кого светит солнце. Быть армянином – значит быть умнее, хитрее, дальновиднее и смелее простого человека».

достичь вершин власти... К тому же, твой папа никакого другого языка, кроме нашего, не знает. Он даже на грузинском еле говорит. А повелитель должен свободно знать языки подвластных ему людей. Ты сейчас учишь русский, а со следующего года поедешь в Москву, в школу, где армянских детей обучают иностранным языкам.

– Бабо, а у меня хватит хитрости и храбрости?

– У тебя? У тебя всего хватит, ещё и останется, ты и сам это чувствуешь. Так повелось с древности, что армянские юноши становились царями чужих народов. Было много армян, ставших греческими царями, но никогда, ни один грек не мог стать армянским царём.

– И я буду греческим царём?

– Ну, нет, Михо, сейчас эти греки – рабы турок, кто они такие, чтоб ты стал их царём, чем греки заслужили, чтобы мой Михо был их царём? Греки тебе не нужны. Есть две нации господ, это турки и русские. Турки – мусульмане, наши вечные лютые враги. У русских вера немного иная, не такая, как у нас, но они всё-таки христиане, хотя наша вера превосходит их веру, но сами они народ неплохой, добрый, честный и послушный... Да, у них нет таланта повелевать другими народами, и нет у них армянского подхода, но и не надо, они хороши на войне, вот пусть и воюют, а управлять, управлять они и своим-то народом не могут. Такого обычая, как у русских, нигде больше нет, – своими людьми торгуют, как скотом, зато кто к ним приезжает жить, сразу вельможей становится. Если француз, швед или немец остаётся жить среди русских, он сразу становится графом или маркизом. Его отец мыл в трактире полы, а в России он уже дворянин, и зовут его не просто по имени, а по отчеству, Ганс Карлович, он окружён богатством и почётом, у него в собственности двести душ крестьян. Пусть русский попробует, поедет в европейскую страну, да без денег, будет ли ему позволено на постоялом дворе, в номерах подметать, или просто выгонят прочь, посмотрим, кем он там стать сможет. Править русские не умеют, зато они хорошо умеют воевать, завоевали множество соседних земель и теперь не знают, что с ними делать. Как управлять этим пространством? У русских огромная страна, если её хорошо управлять, ставить наверху своих людей, она быстро окрепнет и благоустроится, превратится в нашу Великую Армению. Ты станешь повелителем русских и армян, никто тебе не сможет помешать. Сами они управлять не могут, а кто ещё есть? Поляки – заносчивые католики, русские не допустят, чтобы чванливый поляк ими управлял, остальные народы все мусульманские, не евреи же в России править будут. Грузины слишком ленивы, им бы вино пить и песни петь, а в хитрости и смелости им с нами не тягаться. Да, вера у них, как у русских, но чтобы править, одного совпадения обрядов мало, надо, чтобы люди верили в тебя. Нужен армянский подход. Главное – хитрость и смелость. И трудолюбие. Рано утром пойдешь на Тифлисский базар. Там всё ясно станет. Первыми приходят и становятся за прилавками наши торговцы, потом курды и татары, после них появляются грузины и русские. Грузинские торговцы ещё спят, когда армянские князья уже проснулись и своими делами занимаются.

– Бабо, а что такое армянский подход?

– Это тебе объяснять не обязательно, ты это должен ощущать без объяснений. Это в крови, это в душе. Всегда, с кем бы и о чём бы ты ни говорил, ты не должен верить ни одному слову собеседника и всё время соображать, как его обмануть. Управлять любой страной должен армянин. Строгий и справедливый, похожий на бога.

Так говорил моя никогда не ошибавшаяся бабушка.

Отец любил рассказывать о Германии и своих компаньонах в Лейпциге и в Петербурге и Москве, это было интересно слушать, но правда и сила были в словах бабушки Анаид, нашей бабо. Она рассказывала захватывающие истории о прошлых временах, об истории нашего великого народа, и это было интереснее всего.

Бабушка рассказывала:

– Над нашим народом тяготеет проклятие. Давно, сразу после потопа, самые урожайные земли принадлежали армянам, и не было более плодородных земель. Армянский царь Гайк поспорил с вавилонским царём Нимродом, чья земля лучше. Для разрешения спора отмерили по сто мер зерна и посадили это зерно. Каждый на своих землях. Условия были такие: тот, кто победит, чей урожай окажется больше, тот забирает весь урожай проигравшего. Когда собрали зерно, вышло, что выиграл Гайк, весь урожай Нимрода достался Гайку. Зимой в Вавилоне начался голод, Нимрод обратил к Гайку за помощью, попросил в долг, до следующего урожая, зерна, тот в ответ прислал ему большой груз камней, тысячу телег повелел загрузить камнями, сто телег мешками с солью, чтобы посолить камни перед тем, как их есть. И отослал Нимроду камни и соль. Нимрод, глядя, как пухнут от голода и умирают его люди, проклял Гайку и пожелал, чтобы земля его стала камнем и покрылась солью. С тех пор земля, на которой селятся армяне, быстро превращается в камни и покрывается соляной коркой, и эта земля уже не может прокормить живущих на ней, какими бы трудолюбивыми эти люди ни были. Сорок лет – и всё, нет земли, только камни и соль. Соль и камни. И враги нашего народа называют нас, армян, солёными, поэтому наш народ, как ни один другой, знает цену земле. Причина в этом злом проклятии вавилонского царя. Стоит армянину увидеть чужую, мягкую и плодородную, готовую родить землю, как он тут же влюбляется в неё и начинает страстно желать её возделывать. Горькая правда заключается в том, что эта чужая, мягкая, плодородная почва, если на ней селятся армяне, через несколько поколений превратится в несокрушимые камни и покроется солёной коркой. Посмотри на соседние страны, кто бы там ни жил, люди год из года возделывают землю и получают урожаи. Не то у нас. Земля, на которой живут армяне, начинает превращаться в камни. Отчаяние овладевает несчастными, многострадальными людьми, и они начинают искать новую землю. Но мы не воинственный народ, мы не любим воевать и убивать людей, и захватывать чужие земли. Наоборот, нам больше нравится растить урожаи и детей. Но проклятие превращает нашу землю в бесплодные камни. И мы как одержимые ищем, ищем новые, способные родить земли. Например, в Карабахе армяне живут по соседству с никчемным народом, татарами, которые называются Азери халг. И что? Там, где живём мы, камни, там, где эти никчемные людишки, – воткни в землю сухую палку, она зацветёт и через год даст урожай.

Прилипший учитель

Как и говорила бабушка, в конце следующего лета я поехал учиться в Москву. Школа, в которую меня определили, принадлежала московскому армянину, господину Лазареву, мне она не понравилась сразу, хотя это была армянская школа, армяне там вместе с русскими и иностранцами из Европы работали учителями, большинство учеников тоже были из армян. Учиться в этой школе мне было нетрудно, но очень неприятно. Секрет моего успеха в обучении заключался в том, что учить иностранные языки я начал, когда мне было три года. И в двенадцать, когда я поступил в Лазаревскую школу, я уже умел, благодаря моему учителю Гавриле Васильевичу, совершенно свободно говорить на чужом, русском языке, и знал многие слова французского и немецкого языков. Пока другие ученики начинали понимать, что это такое – владение иностранными языками, и что каждый народ описывает мир на свой лад и разными способами, я уже успевал выделиться среди детей своими знаниями. За мной закреплялась репутация первого ученика. Но порядки в этой школе вызывали у меня отвращение. Вся жизнь здесь строилась на доносах учителям на других учеников. Это вроде закономерно, нас ведь готовили к дипломатической службе, иными словами, к шпионажу, но всё же мне эта манера была неприятна. Мало того, что мне совсем не нравилось писать обязательные еженедельные рапорты

– доносы на других мальчиков, мои успехи в изучении языков были предметом зависти, и, как следствие, о малейших моих проступках тут же становилось известно директору школы господину Лазареву. Так прошло два года, и я понял, что обещания бабушки Анаид не суждено сбыться, вместо подвигов и славы меня ждала скучная, беспросветная канцелярская работа переводчика, в основном это работа с бумагами, где невозможно отличиться храбростью и находчивостью. Когда я это осознал ясно, решил спасаться, и плохо пришлось учителю немецкого языка. Немецкий мне давался нелегко, как и арабский, хуже, чем турецкий, фарси и французский, поэтому я невзлюбил учителя этого языка. Преподавал его немолодой уже Франц Людвигович Швеенфорд, почему-то по непонятным причинам не полюбившийся не только мне, но и всему нашему классу. Вот его-то я избрал жертвой моего устремления к желанной героической жизни. Накануне учитель химии рассказал нам рецепт универсального клея, которым можно склеивать всё со всем. Роковая идея приклеить Франца Людвиговича к стулу, сидящим на котором мы привыкли его видеть, пришла мне в голову сразу после того, как на уроке химии мы записали рецепт чудо-клея. Рецепт оказался замечательным. Я намазал клеем сиденье учительского стула. Старый учитель вначале не понял, что с ним приключилось. Не сумев подняться со стула и встать на ноги, он посидел немного, осознавая неразрывность своей связи со стулом. Хитрый старик, ничем внешне не выдав своего замешательства, продолжил сидеть на своём месте как ни в чём не бывало. Но рано или поздно надо было подняться, и он вновь попытался это сделать. Естественно, попытка не удалась. Большая часть мальчиков была в курсе дела, и скрытая борьба учителя со стулом вызвала приглушённый смех учеников, этот приглушённый смех окончательно вывел учителя из равновесия, и он отважился на решительную попытку избавиться от наваждения. Это привело к катастрофе. Учитель встал. Но встал он вместе со стулом, на котором сидел, являя миру новый, канцелярский вид кентавра. Наполовину человек, наполовину стул. Стоять приклеенным к стулу тем местом, на котором люди обычно сидят, весьма затруднительно, стул тянул назад, Франц Людвигович вынужден был, чтобы сохранить равновесие, податься вперёд, он покачнулся, тщетно пытаясь обрести устойчивое положение, но не устоял, беспомощно взмахнув руками, будто пытаясь взлететь, он не взлетел, а растянулся на спине, во весь свой немалый рост. Последствия падения на спину были ужасны: задние ножки стула подломились, а с головы учителя, стукнувшегося затылком об пол, слетел парик, прикрывавший его плешь. Франц закричал не своим голосом, всё произошедшее было так неожиданно, что класс охватил дикий хохот. Чтобы вообразить степень неистовости класса, надо рассмотреть произошедшее спокойно и в деталях. Прежде всего, что такое класс? Это двадцать своих нравных сорванцов, большинство которых воспитывалось в чадолюбивых армянских семьях, в лексиконе родителей этих мальчиков отсутствовало слово «нельзя». Усвоить смысл и значение ограничений им было нелегко. Мальчики в течение первых лет своей жизни никогда не слышали этого слова и не понимали его значения. Оказавшись в школе, дети вынуждены были подчиниться неестественному и нестерпимому для них порядку. Нельзя! Ничего нельзя. Нельзя бегать, нельзя прыгать, нельзя баловаться, бороться, нельзя веселиться, нельзя кричать, даже говорить на родном языке нельзя, всё запрещено, а надо, неподвижно сидя за партой, невзирая на нестерпимые муки вынужденного покоя и сосредоточения, ещё и запоминать трудно произносимые чужие слова. Как же надоели эти порядки, эта невыносимая могильная тишина. И вдруг какой восторг! Вопль поверженного символа ненавистного порядка – учителя, и хохот класса, истомлённого строгостью и тишиной. Шум привлёк в нашу классную комнату всех свободных от уроков учителей, они окружили лежащего Франца Людвиговича, но никто не спешил прийти ему на помощь. Видимо, не любили его не только ученики, но и коллеги учителя, раз никто не желал ему помочь. Скоро на шум появился и сам директор, господин Лазарев. В душе я торже-

ствовал, ясно было, что моё обучение в ненавистой Школе восточных языков закончилось. Причём вовремя закончилось. В ту пору я уже неплохо владел немецким и французским языками, не говоря о простом и доступном турецком и схожем с ним татарском, знал немало расхожих фраз на фарси и почти всю его богатую нецензурную часть. Больше этого, понимал я, для военной службы, о которой я тогда мечтал, мне было и не надо. Ясно, что из школы меня исключат, но что со мной будет дальше? Вначале, сгоряча, начальство армянской школы поддалось было требованиям оскорблённого Франца Людвиговича, и решено было отправить меня домой, в Тифлис. В Тифлис возвращаться я не хотел, но эта перспектива меня нисколько не пугала, ясно было, что финансовые пожертвования моего отца в бюджет школы с большим запасом перекрывают возмущение какого-то учительши. Помимо этого, известно было мне о высоких целях, которых хотел достичь Лазарев, используя свою школу. Он мечтал, что вся внешняя политика Империи будет осуществляться силами выпускников его учебного заведения. Что такое обида одного хитрого немца в сравнении с планом национального преобразования внешней политики Империи? Речь шла ни много, ни мало о том, что мы, армяне, будем решать, с кем воевать России, а с кем вступать в союз. Планы интересные и поистине величественные, для их осуществления армянская община готова была потратить существенные деньги. А я был лучшим учеником Лазаревской школы. Армянская община – это серьёзные, очень богатые и очень бережливые люди, по-настоящему, по-кавказски горячо любящие деньги. Ни о какой отправке назад, в Тифлис, речи идти не могло, я уже вполне понимал, что меня хотели припугнуть на будущее и использовать как послушное оружие для осуществления своих планов, не более того, и я, несмотря на юный возраст, уже способен был это понять. Повелевать судьбами стран и народов крайне заманчиво и выгодно, на мусульманском Востоке делать это несравненно легче, чем где бы то ни было в мире. Здесь так просто вызвать гнев важного вельможи, вывести его из себя, подтолкнуть к совершению необдуманного поступка или, наоборот, расположить к себе пустячным знаком уважения и фальшивым признанием выдающихся качеств незначительного человека. Пустые люди, волей судьбы наделённые властью, чувствительны к внешним знакам признания их значимости. Все эти захватывающие игры, великий азарт управления ходом истории, весь этот восточный базар, где продаются и обмениваются волшебные товары – сверкающие брильянты, мрачные, неприступные крепости, изящные наложницы, яркостью, хрупкостью и недолговечностью подобные бабочкам, стремительные, как вольный ветер, чистокровные скакуны, ловчие птицы, обитающие в заоблачных высях, тайны сералей, хранимые молчаливыми евнухами, у которых, казалось, заодно отрезали и их языки, магические кристаллы, в гранях которых отражены прошлое и будущее – всё это изобилие чудес было, тем не менее, малопривлекательно для меня. Военное дело, торжество победителя на поле боя, а не закулисный и сомнительный, всегда половинчатый успех дипломата за столом переговоров, вот что действительно манило, вот о чём я мечтал. Увидеть стоящего на коленях, молящего о пощаде, пятигорского черкеса, а лучше – турецкого пашу, униженно просящего о мире, выслушать этого, страшного для многих, свирепого вида человека, а потом срубить его голову с плеч – что может сравниться с этими ощущениями? Ощутить свою причастность к разгрому ненавистой дикой Азии, противостоящей человечности и прогрессу. К счастью, судьбу мою в тот момент решали люди, достаточно мудрые, чтобы отдать предпочтение моим природным устремлениям. Конечно, в ту пору я не мыслил в абстрактных категориях – Восток – Запад, Цивилизация – Дикость, НО НЕОСОЗНАННЫЙ Запад, и я отправился в Петербург, поступил там в Николаевское кавалерийское училище и испытал счастье, известное тем немногим, кому довелось в этой жизни обрести своё истинное место на земле.

Живая сталь

В училище готовили подпрапорщиков-кавалеристов. Срок обучения – два года, и это вполне соответствует той стремительности, что составляет сущность самой кавалерии. Если юноша за два года не станет кавалеристом, то это ему не суждено, и нечего морочить голову ни юнкеру, ни преподавателям. Стремительность здесь была возведена в ранг абсолютной добродетели. Стремительность во всём – на войне, в атаке, в быту, в ухаживаниях за дамами, в карьере и во всех остальных важных делах. Стремительность и субординация. Это было прямой противоположностью укладу жизни Лазаревской школы. Полагаю, что именно пребывание и учёба в столь не похожих по духу учебных заведениях способствовали моему становлению как политика, спасителя и предводителя армянского и русского народов. Подобно тому, как железо, будучи перемещённым из пламенной среды в среду прохладную, жидкостную, закаляется, приобретает кристаллическую структуру стали, моя человеческая натура, проделав сходный путь из одной среды в противоположную, приобрела необходимые стальные свойства: прочность и гибкость. Случайно срок обучения в Кавалерийском училище совпал со сроком моего пребывания в Лазаревской школе – два года. В свою очередь, период обучения в училище был разделён на две совершенно противоположные по своей сущности эпохи. Первый год обучения был годом полного подчинения юнкера воле старшего, корнета, и единственным неущемлённым его правом являлось сохранение чести и достоинства. Во всём выходящем за пределы этого жёсткого ограничения юнкер полностью подчинён воле корнета, «второгодника», включая самые нелепые требования. Команды, произнесённые деланно рыкающим, «командирским» голосом, как правило, начинались со слов «пулей полетели», например – «пулей полетели в канцелярию» – по какому-то важному для корнета «второгодника» делу, или «пулей назовите имя моей любимой». Зачем? Вопрос этот не то что не мог быть задан, он даже не подразумевался, он не мог существовать даже в фантазии. «Пулей назовите имя». А просто потому, что это имя нежно ласкает слух корнета. Все эти глупые и не нужные для непосвящённого в таинство Власти человека приказания были важнейшим моментом инициации вчерашнего мальчика из дворянской семьи в лихого командира, готового посылать на верную смерть подчинённых, и самому лихо, без раздумий, лететь навстречу остро заточенной стали вражеских клинков. В этом состоит высший смысл военной муштры. Здесь было продумано всё: несоответствие повелительного наклонения грубого обращения корнета к младшему юнкеру с подчёркнуто вежливым использованием местоимения «Вы», например: «Молодой, пулей полетели!», вопиющая глупость и самодурство приказов и строгий регламент их исполнения. Я бы сравнил, пожалуй, всю организацию обучения в кавалерийском училище с естественным процессом дыхания. Первый год – тяжёлый вдох, второй – лёгкий, с облегчением, выдох. Повиновение – вдох, Власть – выдох. Сейчас, оборачиваясь на пройденный путь, я понимаю, как удачно сложились моё обучение и моё формирование. Два года в Лазаревской школе – это тоже тяжёлый вдох, накопление нужных знаний, умения выведывать чужие тайны и хранить свои, затем лёгкий выдох – обучение верховой езде, джигитовке, владению шашкой, стрельбе и другими военным премудростям в Николаевском училище. За обучением последовали годы овладения практикой усвоенного материала – участие в войне на Кавказе. Отличившись в силу врождённых качеств на войне, сдав боевой экзамен на полях сражений, я мог продолжать овладение искусством войны. И здесь уместно вновь вспомнить мою дорогую бабушку Анаид, ведь бесстрашием в бою я отчасти обязан вере в её колдовское заступничество. Затем я был переведён в следующий «класс» – мне было поручено сопровождение почётного пленника, Хаджи Мурата, бывшего наиба Шамиля, добровольно перешедшего на сторону русских. И этот «класс» я закончил с отличием – используя знание татарского

языка, я выведал у Хаджи Мурата, так же свободно владевшего этим языком, всё, что было необходимо узнать о военной тактике горцев, об их взаимоотношениях, затем помог русским в непрестом деле использования этого знания. О непримиримой вражде Хаджи с Шамилем я знал и раньше, ещё до бесед с перебежчиком. Это, собственно, было общеизвестно. Но как только до меня дошли слухи о тайных намерениях Шамиля ослепить сына Хаджи Мурата, хитрый план мгновенно созрел в моей голове. Прежде всего, было понятно, что эти слухи о намерениях имама ослепить сына своего бывшего наиба исходят от какого-то постороннего источника, от кого-то, заинтересованного в прекращающейся вражде бывших кунаков. На самом деле ясно было, что ни Хаджи, ни имам Шамиль никогда в своих действиях не будут руководствоваться ни страхом, ни низким коварством. И то, и другое грозило утратой высокого звания джигита, рыцаря гор, а это звание и соответствующая ему репутация и для одного, и для другого были дороже всего на свете. Но страх перед ослеплением сына – это совсем другая степень ужаса, эта новая опасность способна лишит разума и совершать безумные поступки. Слух о жестоких намерениях враждующих исходил не от нас, не от командования русской армией, значит, был кто-то ещё, заинтересованный во вражде Хаджи с имамом Шамилем. А судя по многим признакам, эта ни на чём серьёзном не основанная вражда понемногу шла на убыль, на прекращение. Между Хаджи и Шамилем не было ни кровной вражды, ни династийных, ни крупных финансовых противоречий, а значит, существовала серьёзная опасность их замирения. Это замирение, видимо, беспокоило не только нас, командование русской армии. Но кого ещё? Ответ мне так и остался неизвестен. Сейчас я полагаю, что эта таинственная противоборствующая сила находилась за пределами Империи. Где? Можно только строить догадки. Раз в неделю я докладывал графу Воронцову обо всём важном, что удалось выведать у Хаджи Мурата. И я предложил графу использовать сведения, выведенные мной, для заключения мира с имамом Шамилем на наших, выгодных для Империи условиях. С этой целью до Шамиля было доведено, что Хаджи собирается ослепить Джамаль-ад-дина. И имам, узнав страшную весть, напугался. Известия поступали к имаму с самых разных сторон, угроза казалась всё серьёзнее и реальнее. Такой поступок – лишение зрения сына своего бывшего кунака, даже ставшего врагом, ну никак не соответствовал природе и характеру Хаджи, но горцы в психологии слабы, а страх за потомство присущ всем людям. Причём страх за близких тем сильнее, чем смелее по своей натуре тот, близкие которого подвергаются опасности. Видя, что страх за сына полностью овладел Шамилем, я решил использовать ситуацию в своих целях, через проверенных людей передал ему предложение одного высокопоставленного русского офицера за большое денежное вознаграждение убить перебежчика Хаджи Мурата и тем самым ликвидировать угрозу для Джамаль-ад-дина. Шамиль был ввергнут в тревогу за сына, дезориентирован, в итоге согласился, несмотря на огромный размер востребованной суммы. Моей целью, конечно, были не деньги, мне нужно было получить власть над Шамилем, испачкавшим своё имя, договорившись с иноверцами убить Хаджи Мурата. Этого договора с гяурами было достаточно, чтобы превратить повелителя Кавказа в послушного нукера. За молчание он будет готов на всё. Но вскоре после объявления согласия, прежде чем я дал приказ о ликвидации ставшего ненужным перебежчика, имам передумал, отказался участвовать в деле, то ли посчитав его недостойным и гнусным, то ли почувствовав ловушку... Договорившийся с ним вскоре исчез, и вместо него среди мюридов появился новый человек. Этот новый переговорщик не хотел денег, наоборот, он предлагал Шамилю выгодные условия, безопасный и почётный плен, да и не плен вовсе, а свободное поселение в одном из русских городов, и голову опасного врага впридачу, если Шамиль прекратит войну против русских. Измотанный страхом за судьбу Джамаль-ад-дина, имам всё же вновь отказался от союза с неверными. После этого, окончательного отказа Шамиля от соглашения с русскими Хаджи Мурат в моих гла-

зах окончательно потерял ценность, и я придумал новый план использовать его как инструмент воздействия на имама. Просто убить Хаджи, в знак дружбы с имамом. Убить человека, добровольно перешедшего на вашу сторону? Если Шамиль после ликвидации Хаджи Мурата заключит с нами мир, дело станет очевидным. На Кавказе, одержимом маниакальным бредом доблести и чести, как можно оправдать убийство человека, доверившегося вчерашним врагам? И как можно оправдать заключение мира с гяурами? Но главное затруднение даже не в оправдании действия, главное – как можно подтолкнуть имама, выше всего ставящего свободу, к сдаче в плен? Даже страх за сына не заставил Шамиля пойти на предательство своего бывшего наиба. Но я подумал так: что может быть для имама страшнее ослепления сына? Только гибель всего его народа, а точнее и вернее, гибель всех горских народов.

Один умный армянин, в интересах службы изучивший арабский язык и Коран, ротмистр Оганез Лазарев, в периоды затухания пожара войны в горах Кавказа поддерживал дружеские отношения с имамом и его мюридами. Лазарев принимал их у себя, сам делал визиты наибама имама, ездил с ними на охоту, участвовал в воинских забавах и состязаниях. Я решил использовать знакомство Лазарева с самим Шамилем. Для этого я поручил ротмистру разыграть такую сцену: подговорить двух подростков, чтобы на вопрос, где их отцы, они ответили, что их отцы погибли на пути газавата. Ясное дело, врать имаму нельзя, даже за большие деньги нельзя. Но за очень большие можно. И потом, смотря, что врать. Одно дело – скрыть место засады, где притаилась в ожидании смерти, или неверно указать это место, и совсем другое – сказать, что отец погиб в борьбе с гяурами, это ведь не ложь даже, а простое мальчишечье хвастовство. Мальчишки оказались там, где надо, в нужное время. Ротмистр, сопровождавший имама, спросил их, не сыновья ли они Казбека? Нет, ответили мальчики, мы не дети Казбека, и вообще не братья. Наши отцы – мученики за веру и погибли на пути газавата. Совершенно невинная ложь, вреда от которой никакого нет, а каждый получил за такую мелочь сто рублей. Немыслимо, хватит на калым за невесту, деньги как с неба. Услышав такой ответ, ротмистр рассмеялся и сказал:

– Не будь они аварцами, я бы усомнился в честности их мамаш. Ну, точно, оба как братья, на покойника Казбека похожи, большой был охотник до женского пола. Упокой Господь душу Казбека, однако, если дело так пойдёт дальше, то мне и воевать будет не с кем, придётся новое дело осваивать. В горах почти не осталось джигитов. За что царь будет мне платить, если переведутся абреки, и не нужно будет ни с кем воевать? Может, на старости лет просветительством займусь, я много карточных фокусов знаю, могу показывать, могу и обучать. Нынче просветительство в моде, каждый народец хочет просветителей иметь. А где армяне, там свет знаний и просветительство, там и прогресс. Представь себе, имам, Школа карточной игры и научных фокусов ротмистра Оганеза Лазарева. А? Звучит? Зачем мне с горцами, которые уже давно стали как братья, воевать? Куда лучше их детей полезным наукам обучать.

– Шайтан ты, Оганез бек, шайтан, ты ведь не просто так эту чепуху говоришь, какое-то коварство замышляешь, только не пойму, что.

– А что тут голову ломать, – отвечал Лазарев имаму со смехом, – хочу тебя к себе в школу заманить и в карты обыграть.

Но Шамиль не поддержал шутливого тона, остался хмурым. Лишь произнёс проклятие шайтану и пробормотал:

– Эти сироты мне не просто так встретились, их Аллах с какой-то целью мне на встречу послал.

Ротмистр ответил, что не стоит голову ломать, и продолжил грубой прибауткой о том, что раздумья делают с джигитом то, что джигиту самому положено делать с женщиной. Имам, не выносивший скверных слов, пришпорил коня и уехал вперёд.

А ротмистр, достигший своей цели, заставивший горца думать о бессмысленности войны против русских, предоставил ему в одиночестве поразмыслить на за-

данную тему. Ротмистр не спешил, он был умным человеком, к тому же обладающим терпением.

Начать сейчас разговор о бесполезности борьбы с Империей означало крах всей тонкой игры против простодушного имама, которую вели Лорис-Меликов и те, кто им управлял. Они, эти люди в Петербурге, умели ждать так же хорошо, как и действовать по-кавалерийски, стремительно и напролом. Прошло ещё три года, прежде чем Лазарев понял: пора действовать решительно. Конечно, в течение этого времени было сколько угодно моментов ликвидировать имама Шамиля, но эта ликвидация созрела идея о том, что его храбрость и его упрямство могут привести народ Дагестана к полному уничтожению. Всё это время рядом с ним находился верный друг и мудрый советник, Лазарев, уже успевший, несмотря на дружбу с мятежным имамом, стать полковником русской армии. Когда Лазарев понял, что подготовительная часть работы по сдаче имама в плен завершена, Шамиль оказался окружён войсками в Гунибе. Тогда, для переговоров с русскими, он призвал к себе полковника Оганеза Лазарева. В итоге многочисленных совпадений, казавшихся простодушному аварцу случайными, после прекращения войны устроилось сразу много дел – горы получили мир, Оганез Лазарев сменил полковничьи погоны на генеральские, а я на шаг приблизился к своей цели – спасению несчастной Российской Империи и превращению её в процветающее, живущее в мире и согласии, мощное Армянское царство. Капитуляция Шамиля была проведена Лазаревым безупречно, если бы имам погиб, Кавказ, охваченный жаждой мести, был бы ввергнут в войну ещё на долгое время. И это была бы война с неопределённым концом. Несмотря на огромное военное превосходство русских, ситуация в регионе менялась быстро, так, что ничего нельзя было ни исключить, ни предугадать. Одно было бесспорно: формирование военно-политического сословия из армян уверенно продвигалось к успеху.

Роль Толстого в покорении Кавказа

Близилась новая война с Турцией, Европа, напуганная русскими, разгромившими непобедимого Наполеона, до столкновения с русскими никогда не проигравшего ни одного, даже незначительного сражения, готова была поддержать кого угодно в войне с Россией, хоть ненавистную Турцию. Император Александр, не полагивший должного признания за внутренние реформы, жаждал славы Освободителя. Пусть не русского народа, но братских ему, славянских. При таком распылении сил имамат имел возможность долгое время сопротивляться Империи. Да, в Порте не было своего Бонапарта, но чтобы воевать с Россией, Наполеон и не нужен. Против России были готовы выступить силы куда опаснее Наполеона. Внутри самой Империи поднимала голову крамола, уже готовили свои омерзительные, противоестественно жестокие акты бомбисты, и незначительная неудача на войне могла роковым образом сказаться на исходе дел в самой Империи. Существовала ещё одна большая опасность: имамат после капитуляции Шамиля мог возглавить другой воин, а это означало бы продолжение войны с русскими. Остановить покорение Кавказа тоже было нельзя – враждебные Иран и Турция готовы были занять главенствующее место в регионе. Ситуация была опасной, и для спасения положения надо было действовать в духе кавалерийской гвардии – стремительно. Затягивать дело было опасно, итог перемен был абсолютно неясен, Хаджи Мурат, оказавшись он во главе сопротивления горцев, мог быть опаснее Шамиля. Шамиль постепенно был приучен умницей Лазаревым к мысли о неизбежности виктории русских. Планы и намерения Хаджи оставались тайной даже для меня, несмотря на длительное и доверительное общение с ним. Когда Хаджи Мурат увидел пистолет в моей руке, он удивился так сильно, что выражение изумления осталось на его лице, даже когда его голову, по моему приказу, уже от-

резали от тела. Голову я отослал Шамилю, в холщёвом мешке, приложив записку, написанную арабскими буквами на аварском языке: «Подарок от русского друга». Потом мной была придумана история, будто Хаджи Мурат пытался бежать, при этом убил нескольких казаков, охранявших его от покушений мюридов Шамиля. Многие, но далеко не все, и, конечно, не самые умные люди в Дагестане поверили в то, что человек пытался сбежать оттуда, куда пришёл сам, по своей воле, и где нашёл защиту от врага, искавшего возможность его убить. И для закрепления этой веры в мою выдумку я предложил устроить мне встречу с талантливым русским журналистом, графом Толстым. Это для меня было не простым испытанием, ввести в заблуждение профессионального выдумщика и сочинителя, привыкшего к размышлению и анализу, к тому же много видевшего в своей жизни и побывавшего на войне. Заставить его талант служить моим целям, способствовать распространению моей выдумки было не просто. Договориться с графом писать то, что мне надо, было невозможно, как большинство русских, он был фанатичным приверженцем того, что считал правдой, использовать графа можно было только «втёмную», только введя в заблуждение. И я рассказал выдуманную мной историю попытки побега Хаджи Мурата Толстому. Граф Толстой обладал замечательным талантом рассказывать истории настолько складно и убедительно, что даже нравоучительный тон, в который он порой впадал, не лишал его выдумки очарования жизненности и правдоподобия. Особый талант графа заключался в том, что, какие бы небылицы он ни рассказывал, люди верили ему, о чём бы он не повествовал – о том ли, что женщина, к которой остыл любовник, в отчаянии бросилась под поезд, или о том, как лев подружился с собачкой, уготованной ему на съедение. И хотя все знают, что покинутая женщина не бросается под поезд, а просто начинает искать нового «человека» для удовлетворения своей потребности в полиандрии, а голодный лев пожирает всех попавших к нему в клетку зверушек, люди по необъяснимой причине зачитывались выдумками графа, и мой невероятный рассказ, пересказанный Толстым, был принят читающей публикой за правдивое описание событий на Кавказе, хотя, конечно, нелепость моей фантазии очевидна. Никто не будет сдаваться в плен, чтобы потом убивать людей, согласившихся его приютить и охранять от преследователей. Но талант есть талант, люди поверили Толстому. Выдумка о попытке бегства из спасительного плена, якобы предпринятая Хаджи Муратом, утвердилась в сознании людей во всей Империи и даже за её пределами, в Европе. Сочинения графа Толстого имеют всемирную популярность. Управлять гениями не сложнее, чем управлять простыми людьми. И я сумел использовать дарование графа в своих интересах. Для успеха в жизни не надо обладать выдающимися качествами и даже не обязательно верить в свою избранность, важно лишь иметь удачливость и не принимать чужую гениальность всерьёз. Ну, и, конечно, нужен армянский подход. Надо отдать должное Толстому, даже я, сам придумавший историю с побегом Хаджи Мурата, впоследствии почти поверил, будто он хотел бежать из-под покровительства русских. Когда Шамиль сдался и отправился доживать свой век в Калугу, бесконечная война на Кавказе закончилась. Для меня её главным итогом было то, что в глазах царя я приобрёл репутацию самого распорядительного и верного его слуги. Ещё я хотел рассказать ему всё, как было на самом деле, достигнуть этой цели удалось лишь после высочайшей аудиенции. Мне в этом святом деле очень нужна была аудиенция у Государя, и я использовал все свои связи, все бывшие в моём распоряжении деньги для получения этой аудиенции. Чиновники, взявшие устроить мою встречу с императором, отсутствием аппетита не страдали, и я платил даже больше, чем они требовали. Разговор с русским царём повергает человека в странное, не сравнимое ни с каким иным, состояние. Так, словно говоришь одновременно с огромным количеством своенравных людей, полных ощущения собственного превосходства, одновременно прямодушных, но себе на уме, сочетающих в себе качества, несовместимые в обиходе, открытость,

искренность и простота вместе с непостижимой глубиной и значимостью мыслей, выраженных ясными словами. Рассказ о действиях армян по покорению Кавказа царь благосклонно выслушал, пару раз даже сдержанно, но с одобрением посмеявшись. Если ты можешь заставить человека смеяться, значит, половина дела по его подчинению своей воле ты уже сделал. Скоро все свои чувства он будет приводить в согласие с твоими. Он будет и печалиться, и радоваться по твоей, скрытой указке. Путь к неограниченной власти в Империи наметился для меня. И я ещё раз убедился в мудрости моей бабо. Всё решают хитрость и смелость. После замирения Шамиля, хотя этот успех никто напрямую не связывал с моим именем, мой авторитет в армии стал непререкаем. Офицеры знали, что Шамиля в плен сдал Лазарев. Моя дружба и моё покровительство Лазареву были очевидны и всем известны. Передача Лазаревым Шамиля в плен русским послужила росту уважения армии к нашей национальности. Славные дела нашего храброго Бебутова получили достойное продолжение, ненавистное слово «армяшка» исчезло из лексикона русских офицеров. Его заменило наше гордое родовое имя – армянин. Мы, офицеры – армяне, покорившие Кавказ, теперь постепенно придавали этому имени его изначальный, истинный смысл – «тот, для кого светит солнце». Параллельно росту уважения и авторитета, естественно, росли и зависть, и ненависть к нам. Но главное было сделано – Государю понравилось совещаться со мной. Во время первой аудиенции я прямо, без обиняков начал разговор о предстоящей очередной схватке русского буро́го медведя со свирепым серым турецким волком. После ликвидации Хаджи Мурата и пленения Шамиля можно было, без оглядки на Кавказ, теперь пребывающий в успокоении, не опасаясь удара в спину, вступить за славянских братьев, томящихся под тяжким турецким игом. Кавказский фронт превращался в спокойный, надёжный тыл. Момент для начала рискованной акции был подходящий, печальные результаты отмены крепостного права сильно разочаровали Государя, чаявшего увенчаться венцом Освободителя, а взамен получившего ненависть аристократов, посчитавших себя ограбленными, и с другой стороны – мужиков, почувствовавших себя обманутыми в своих ожиданиях. Для оправдания перед историей и современниками у Александра оставался только один шанс воплотить в жизнь другую народную мечту: захват Царьграда – Стамбула, возвращение ему имени Константинополь, установление контроля над проливами, изгнание турок со всеми последующими последствиями. За такой успех народ простил бы неудачные реформы, Турция была слаба, как никогда раньше, можно было нападать, не опасаясь поражения. Государь, в душе большой романтик, испытывал влияние привлекательных, но опасных и сомнительных идей славянского братства. Сколько бы раз ни выступали славяне против России на стороне её врагов, царь продолжал пестовать идею объединения всех братских народов под сенью крыльев двуглавого орла. Разубеждать его было не только бесполезно, но и опасно, разгневавшись на критику его любимой идеи, Государь мог выместить свой гнев на моём народе. Я же, зная благородство царя и видя его решимость встать на защиту славян, попробовал использовать монаршую волю в своих интересах, напомнить царю и об армянах, христианском народе, тоже угнетённом мусульманами. Очень осторожно начал пропагандировать идею уничтожения турок. Мои слова упали на благодатную почву. Столкнувшись с внутренней оппозицией, император решил подбросить оппозиционерам внешнего врага, способного сосредоточить на себе всенародную ненависть. Требования к кандидатам на роль такого супостата были просты. Он должен был быть слабым настолько, чтобы победа над ним не стоила большой крови, но чтобы вид имел грозный и отталкивающий – нужно было, чтобы этого слабого и безопасного врага было не жалко. Далеко за такой кандидатурой ходить не надо было. Турция! Помимо прочих удобств, Турция годилась для отправки туда неудобных мятежных жителей Кавказа. Оказалось, царь хорошо осведомлён об участии армянских офицеров в покорении Кавказа. Больше того, идея переселения надёжных,

преданных армян на Кавказ вместо выселяемых в мусульманскую Турцию мятежных горцев оказалась близка Государю. Нужно было только организовать приток эмигрантов – армян из мусульманских стран – в Россию. Для этого нужно было сделать одно нетрудное дело – повернуть обстоятельства так, чтобы жизнь армян в мусульманском окружении стала невозможной, повторю ещё раз, сделать это было совсем несложно, и большая работа в этом направлении была уже проделана. Армяне широко использовались в военных действиях против Турции. Переселение кавказских мусульман в обратном направлении уже шло к тому времени вполне энергично. Прекрасная и выгодная операция – переселение народов, правда, не без риска. Лично мой риск был невелик, и я отчётливо его понимал, имя опасности – Англия. Англия не допустит славян до господствующего положения в мире взамен цивилизных европейских народов: германцев и британцев. Риск реальный, нешуточный, но не мой. Риск этот для русских, риск для англичан, а я армянин. В любом случае погибнут турки, ну, а это уже успех. Можно было рисковать. Нужно было внушить царю необходимость переселения. Очередной аудиенции добиться было уже несложно. Положительных результатов от этой аудиенции было больше, чем я ожидал: моё назначение командующим корпусом вторжения, обещание принять и обеспечить земельными наделами армян из Турции и Ирана, а главное, выяснение позиции Государя по плану армянизации юга России. Уже перед окончанием аудиенции я сказал: «С виду мы, армяне, похожи на кавказцев, но души у нас русские». «Я предоставлю тебе возможность показать свою любовь к России, ты будешь командовать нашей армией в Турции», – услышал я в ответ. Лучшего исхода встречи с императором невозможно было представить. Я получил возможность заниматься главным делом моей жизни – уничтожением турок, не отвлекаясь на второстепенные задачи вроде установления законности среди кавказских зверей. Кому и для чего нужна законность среди зверей? Звери они и есть звери, пусть грызутся. Трудно описать то полное ощущение удовлетворённости, что охватило меня по окончании аудиенции. Мне предстояло воевать против армии, в которой армяне занимали вполне определённое и немаловажное положение – инженеры, артиллеристы, врачи, люди, получившие образование в Европе, христиане, ненавидящие своё высшее командование – турок. Воевать против армии, большая часть которой готова выполнять твои приказы и сочувствует твоей победе, игнорируя приказы своего командования, нетрудно. С самого начала нашего вторжения поддержка христианской части населения проявила себя по-разному, иногда даже в комической форме. Как всегда, когда русская армия входила в пределы турецких владений, колонны наших солдат сопровождали толпы армянской детворы. Дети кричали хором: «Христиан, христиан», стараясь подражать марширующим солдатам. Эти сорванцы, смуглые, черноволосые, пытающиеся маршировать своими босыми ногами в ногу с обутыми в сапоги солдатами, выглядели смешно и трогательно. Тут главное было не поддаться духу комичности ситуации, не уверовать в близость лёгкой победы, серьёзно подойти к формированию и решению боевых задач. Занятие стратегических пунктов, подъём русского флага над турецкими фортификациями не были главной нашей задачей. Это были цели второстепенные, не имеющие решающего значения. Жизнь показала, что переход приграничных крепостей из рук в руки не оказывает решающего влияния на соотношение сил. Главное значение имело то, сколько аскеров нам удастся убить, и сколько своих солдатиков мы потеряем при этом. Очень эффективный способ уничтожения живой силы противника был изобретён несколько десятков лет назад, выпускником нашего кавалерийского училища поручиком Дороховым во время разгара Кавказской войны. Поручик Дорохов организовал туземных добровольцев, готовых воевать под русским знаменем и в составе подразделений регулярной армии, и в иррегулярных образованиях. Они называли себя охотниками, в противоположность своим противникам, туземцам, которых они называли зверями. Сохраняя преимущества регуляр-

ной армии по части организованности, дисциплины и снабжения, охотники налетали внезапно, по-партизански, создавали мгновенное численное превосходство и тут же, перебив максимальное количество джигитов, или зверей, как их называли русские охотники, исчезали, не тратя сил на закрепление и развитие своего достигнутого благодаря внезапности успеха. Тактика охотников включала также отслеживание малочисленных групп живой силы туземцев вне зависимости от их вовлеченности в боевые действия – это могли быть и просто пастухи или члены сельскохозяйственных артелей, даже не имеющие при себе оружия. Отсутствие оружия не обеспечивало безопасности туземцам, наоборот, безоружные звери уничтожались охотниками при каждой возможности, при каждой встрече. Туземные крестьяне знали, что даже случайная встреча с охотниками для них обозначает смерть. Имя поручика Дорохова осталось в истории благодаря литературе: во-первых, когда он был тяжело ранен, его место во главе охотников занял другой выпускник нашего училища – поэт, иногда подписывавший свои произведения псевдонимом МюлерМонтов¹, что в расшифровке значило Михаил Юрьевич Лермонтов. Второе соприкосновение с литературой произошло, когда уже упомянутый мной талантливый русский литератор, граф Толстой, использовал образ лихого командира Дорохова в качестве литературного прототипа одного из героев своего романа «Война и мир». Граф изменил лишь одну букву в фамилии, он поменял «р» на созвучное «л». Дорохов был переименован в Долохова. Использование охотников в войне против туземных партизан выявило много полезных моментов такой тактики – внезапность их появления держала противника в постоянном нервном напряжении, сковывающем боевой дух противника; опасаясь за свои семьи, звери не решались на вылазки, сидели тихо по своим саклям, а разношерстность состава подразделений охотников обеспечивала возникновение очагов полезной ненависти среди выступающих против нас племён. На Кавказе это были, с одной стороны, кабардинцы и черкесы, с другой – оказавшиеся благодаря умелой политике среди их кровников аварцы, лезгины и даргинцы. Отдельно от остальных стояли татары Кавказа, кумыки, балкарцы, карачаевцы, очень умело прячущие своё хищничество под маской миролюбия и склонностью к юмору, способные обмануть любого заезжего на Кавказ человека своей фальшивой приветливостью и широкодушием. Кроме того, плодотворным оказалось использование против турок курдов, подлившее масло в огонь взаимной ненависти этих воинственных народов. Отношение турок к курдам получило своё выражение в турецкой пословице: «Если в пустыне встретишь змею и курда, убей курда и подумай, что делать со змеей». Такое отношение усугубилось после рейдов наших охотников по тылам турецкой армии. Правда, надо признать, что и курдам, и армянам, в большом количестве воевавшим в составе охотников, их безжалостность в отношении турок обошлась высокой ценой после окончания войны и ухода регулярных русских войск. Турки отомстили в обычной своей манере, учинив резню. Людей убивали просто по национальному признаку, не вдаваясь в их отношение к турецким властям и турецким законам. Резня армян получила мировой резонанс и была осуждена, в отличие от резни курдов, мало кого заинтересовавшей. Невелика беда, мусульмане уничтожали мусульман, дай им бог силы, – так на это реагировала мировая общественность. Впрочем, и в этом, если посмотреть прагматично, можно отыскать полезное начало: после актов мести многие выжившие армянские семьи устремились на Кавказ, откуда, в свою очередь, шло изгнание кавказских народов в мусульманскую Турцию. Сейчас ещё рано оценивать эти перемещения народных масс, тут многое зависит от дальнейших действий русского высшего класса, от последовательности его национальной политики. Но и мы, российские армяне, должны осознать свою историческую роль в то роковое время перемен. Какое место мы займём среди других народов Империи, сумеем ли стать

¹ Авторский домysel.

хозяевами огромной, но слабо управляемой территории, или будем довольствоваться ролью одного из многочисленных окраинных народов – киргизов, татар, мордвы и им подобных чухонцев и малороссов? Сейчас ясно лишь, что мировое общественное мнение на нашей стороне. Хорошо осознавая, что из всей беседы, как правило, больше запоминаются первые и заключительные фразы, я уже прямо перед уходом сообщил Государю, что имею возможность получать информацию о состоянии дел в турецкой армии непосредственно от офицеров этой армии армянского происхождения. При этом упор я делал на страданиях христианских народов оттоманской империи, видящих в русском царе своего спасителя. Я хорошо знал, как импонирует царю роль защитника слабых своих братьев. В этом разговоре я коснулся также темы мухаджирства – переселения мусульманских народов России Кавказа и вообще южной России в Турцию – и отметил выгоду замены переселённых в Турцию мусульман преданными, надёжными армянами, уже сейчас готовыми всеми возможными способами служить русским интересам в случае нашего вторжения в Турцию. Создание буфера из армян на юге России было промежуточной целью по созданию естественного армяно-русского государственного образования. Направив движение в нужном направлении, я подстраховался и в скором времени закрепил достигнутый успех беседами с императрицей. Тема о страждущих, о помощи жертвам произвола была очень понятна религиозной, мягкосердечной, вдобавок болезненной императрице. Потеря двух детей – горячо любимого сына и дочки, запрет врачей на телесную близость с супругом, всё это привело её нервы в крайнее расстройство, женщина в возрасте около пятидесяти, находясь в таком угнетённом положении, просто нуждается в объекте ненависти. Большой глупостью и роковым упущением было бы не воспользоваться этой ситуацией. И я воспользовался. Императрица с пониманием вникала в мои рассказы о зверствах турок над беззащитными братьями славянами и беззаветно преданными императору армянами. Император готовился к справедливой братозаступнической войне, Мария Александровна поддерживала эту благородную готовность. Уместно отметить вредоносную деятельность ещё одного русского писателя, Фёдора Достоевского. Не знаю, с какой целью этот журналист всё время выступал с критикой панславистской идеи. Действовал ли он бескорыстно, или скрытые противники этой вполне привлекательной идеи каким-то образом смогли заинтересовать его материально, этого я, даже при всех моих возможностях, уже никогда не узнаю. С одной стороны, в деньгах он нуждался в крайней степени, страсть к азартной игре владела этим человеком, а способом заработка, кроме журналистики, он не имел. С другой стороны, кто бы стал оплачивать направленность его публицистики? Ясно, что в Турции, погрязшей в отсталости, никто не станет давать деньги на столь пустые, с точки зрения диких людей, предметы, как настроение общественного мнения, его морально-нравственные ориентиры. Скорее всего, этот человек, Достоевский, писал то, что действительно считал верным. А надо отметить, что его болезненный, полный боли и тревоги взгляд обладал способностью проникать в самую сущность вещей, в теневую область человеческих душ. Этот взгляд видел многое, о чём большинство людей даже не задумывается. А видел он и описывал вещи, весьма вредные, способные даже помешать войне с Турцией. Вот, например, что он писал в своих статьях о славянах, за которых Россия должна была начать войну: «Не будет у России и никогда ещё не было таких ненавистников, завистников, таких клеветников, даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобождёнными».

Особенно поражала эта способность Достоевского, характерная для некоторых эпилептиков, видеть и понимать недоступное обычным людям в контрасте с подчеркнутой, какой-то выпяченной грубостью и простотой его лица. Ни изысканности, ни тайны в этом лице не угадывается, смотри, сколько хочешь, ничего интересного нет в этих заурядных чертах. Простое, беспородное лицо и душа, прикреплённая к

этому лицу, скорее всего, мужицкая, самая простая, приземистая. Но это – обман зрения, его сочинения передают поразительные тайны бытия. Но, к счастью, его идеи и его открытия большой популярностью не пользовались ни в народе, ни у высшего начальства, так что помешать войне с Турцией этот злобный эпилептик не мог. Император готовился двинуть войска на Турцию.

Колдовская сила

Иззят-паша делал всё, чтобы не допустить встречи султана с колдуном Гасаном. Да и сам султан Абдул-Гамид не очень хотел встречи с джадугяром, опасаясь его неограниченной власти над событиями и судьбами. Даже если молва преувеличивает его магическую власть в десятки раз, всё равно ясно, что он волен распорядиться любой жизнью по своему усмотрению, невзирая ни на какие обстоятельства, ни на власть, ни на богатство, ни на положение в обществе. Султан признавал только один способ общения с другими людьми: беспрекословное ему подчинение, ну и, как ответное действие, раздача покорной челяди подарков – бакшишей. Абдул-Гамид не был примитивным жестоким тираном по своей природе, вид чужих страданий – физических или нравственных – был ему не приятен, даже противен. Он просто не понимал, как может осмеливаться кто-то страдать в этом прекрасно устроенном мире, где всё происходит по воле Всевышнего, где он, Абдул-Гамид, – султан! Воистину, лучший из миров. Его благодарные молитвы Аллаху были глубокими и искренними. По этой причине христиане, поклоняющиеся распятому мученику, вызывали брезгливое раздражение Абдул-Гамида, которое он если не скрывал, то не любил демонстрировать из дипломатических соображений. У христиан сильные армии, а история показывает, что с теми, кто лучше вооружён, не следует пускаться в религиозные споры. Но в последнее время мир стал обнаруживать склонность к изменению. И надо было жить в этом меняющемся мире. Мало того, что мир менялся, он делал это неправильно, независимо от воли султана. Уже не отдельные люди, целые народы отказывались от подчинения естественному порядку вещей. Безумие доходит до предела, люди идут на смерть, хватаются за оружие, убивают ни в чём не повинных стражей законности и порядка, и сами готовы на смерть из-за капризов своей глупости. В мире творилось непонятное, примером вопиющего безумия стали восстания вассальных народов, но не только восстания – глупость проявляла себя во всём. Помимо бунтов, были и другие, совершенно непонятные случаи нарушения порядка и логики. Например, поданное несколько лет назад прошение Иззят-паши наградить русского генерала, занимавшегося выселением мусульман из России. Тогда султан пошёл на уступку, наградил орденом «Меджидие» этого палача мусульман, а потом награждённый генерал вторгся со своим армейским корпусом во владения султана. Хорош орденоседец, зачем было награждать вражеского военного, который впоследствии напал на Турцию. Ясно, верный своим привычкам Иззят получил взятку от гяуров, но что на самом деле стояло за всей этой вознёй, зачем генералу христианской страны понадобилась тогда награда султана, очевидно, способная скомпрометировать его в глазах царя Александра? Поразмыслив над этим вопросом, султан решил поручить Иззяту его ликвидировать – на всякий случай, мало ли что этот удачливый полководец задумал. Каким способом устранить русского генерала, султан предоставил решать камергеру самому. Через несколько дней после приказа о ликвидации генерала с красивым, запоминающимся именем – Лорис-Меликов – султан поинтересовался судьбой человека, которого он приказал ликвидировать. И всё, и точка, чего тут рассусоливать. Но выполнить приказ оказалось непросто. Русская армия наступала, турецких агентов в русском командовании практически не было, в то время как турецкий штаб был полон русскими агентами. Тогда Иззят, добившись аудиенции у султана, рассказал об опасности, с которой ему пришлось столкнуться

при попытке ликвидации русского военачальника. Он поручил это дело сильнейшему джадугяру в султанате, – Гасану. Обычно человек, попавший во власть чар этого колдуна, умирал через несколько дней. С генералом ничего подобного не вышло. Оказалось, что этот генерал находится под защитой таких мощных демонических сил, что теперь опасность угрожает всем, попытавшимся навести на него порчу. Опасность очень велика, о ней необходимо знать самому Абдул-Гамиду. Нельзя действовать без его согласия. Надо сообщить всё, как есть, скрыть от султана ничего нельзя, последствия утаивания подробностей происходящего могут быть роковыми не только для султана, но и для всей Турции. Узнав о ситуации, султан, ввиду её необычности, решил побеседовать с колдуном. Отвечать на вопросы султана джадугяр Гасан начал издали, иначе разговор и не получился бы. Султан не любил темы о колдовстве, и все во дворце избегали её. Ввиду непопулярности темы многие моменты требовали предварительного разъяснения.

– Большинство людей исполняют написанное в книгах их судеб просто, без вмешательства ангельских или демонических сил. Но есть и такие, в исполнение судеб которых вмешиваются ангелы или шайтаны, таких сразу можно узнать по постоянной удачливости или, напротив, обилию несчастий в их делах. Вмешиваться с колдовскими обрядами в судьбы таких людей, находящихся под покровительством сверхъестественных сил, всегда опасно. – Так начал свой доклад султану колдун Гасан и продолжил: – Когда я, с соблюдением необходимых ритуалов, разорвал и сжёг портрет этого генерала и совершил другие необходимые смертоносные обряды, в волшебном кристалле должен был появиться бледный призрак человека, обречённого на скорую и неотложную встречу с Азраилом. Но вместо человеческого образа в глубине кристалла обозначился другой, и даже не человеческий, образ.

В бездонной глубине перспективы под тревожный, резко обрывающийся на высокой ноте звук внезапно обозначился образ одной из самых опасных демонесс, любимой наложницы шайтана, имеющей десятки тысяч имён, самое известное из которых – Изида, богиня рождения, смерти и колдовства. Какое обличье она бы ни принимала, любой, даже не очень опытный джадугяр, сразу узнает её по пронзительному взгляду синих глаз и высокомерному изгибу правой брови. Явившись Гасану, дьяволица начала угрожать ему и его повелителю – султану за враждебное чародейское воздействие на её фаворита генерала Лорис-Меликова, опекаемого ею. Гасан не был новичком в чёрной магии и прекрасно понимал, что угрозы Изиды – не более, чем начало торга. Но знал Гасан и её магические возможности и поспешил спросить о её требованиях. Требования оказались неожиданно минимальными – оставить в покое Лорис-Меликова, прекратить чародейство против генерала. Гасан, никак не обнаружив радости по поводу мизерности требований дьяволицы, спросил, что она даст за изменение отношения к генералу. Поразительно, но Изида сразу согласилась на огромные преимущества для Гасана. Она сама, по своей инициативе, вызвалась навести чуму на весь враждебный султану народ, обещала устроить охоту на главного врага султана – русского царя – и даже оторвать ему ноги, ступавшие порочными путями. Гасан, скрыв удивление по поводу такой дьявольской щедрости Изиды, поинтересовался с подчёркнутым безразличием, чем эта щедрость вызвана, и, сменив наигранное безразличие на иной тон, выражающий подозрение, поинтересовался, нет ли тут собственного желания Изиды покарать русского царя по какому-то своему, личному поводу. Изида, одобрительно улыбнувшись настолько, насколько можно говорить об одобрительном выражении её искажённого вечной высокомерной гримасой лица, спокойно пояснила: русский царь, один из избранников удачи, давно вызывал у неё зависть и раздражение, ей давно хотелось насладиться видом его страданий, ибо для дьявола нет зрелища привлекательнее, чем страдания находящегося под ангельской защитой человеческого существа. Сейчас царь Александр лишился той могучей защиты, что оберегает всех монархов, помазанников бо-

жиих. Этот старый развратник вызвал гнев божий, очевидно и сознательно сводя в могилу свою супругу. Она умирает от чахотки, вызванной превращением её дома, царского дворца русских царей, в общежитие для бастардов, детей царской любви. Уподобившись мусульманскому падишаху, православный царь поселил свою наложницу рядом с царицей, Марией Александровной. Смех и детская беготня бастардов омрачили последние дни умирающей царицы – мученицы. Её апартаменты расположены прямо под комнатами, где живут дети её мужа, которых царица Мария смиренно называла «Сашины дети, желающие моей смерти» и молила своего бога за здоровье и за спасение души неверного мужа, и даже за его детей. Но как только царица умрёт, и её молитва за здоровье императора Александра оборвётся, православный бог отзовёт весь легион ангелов, охранявших царя. Дьяволице, конечно, приятно видеть страдания императрицы, но больше её страданий она хочет насладиться видом страданий баловня судьбы, русского царя. И никто из демонов тоже не станет на его защиту, скорее, наоборот. Глупого царя тут же настигнут не менее глупые, чем он, террористы, до сих пор неудачливые в силу молитв православной императрицы. Я давно уже лишила русских юношей рассудка и направила их охотиться на своего царя, как на дикого зверя. Пока бомбы взрываются невовремя и пули летят мимо, лишь в силу молитв умирающей праведницы. Глупый сладострастник с короной на голове не в силах связать свою неуязвимость с молитвами покинутой, но любящей супруги, которую он загоняет в гроб. То, что разрешено султану, строго запрещено христианскому царю, сообщила Изида. Он не только потерял защиту своего бога, но и лишил её своих потомков в нескольких поколениях. Но наказания будут не только потомки царя, весь его народ понесёт наказание. Теперь все эпидемии, раньше миновавшие Россию, обрушатся только на неё. Раньше чума свирепствовала в Европе, лишь слегка касаясь России, теперь всё будет наоборот. Сбудется пророчество поэта и охотника на людей, которых он называет зверями, МюлерМонтова – *чума от смрадных, мертвых тел начнет гулять среди печальных сел, и станет глад сей бедный край терзать...* Кара вначале придёт в виде чумы. Сбудутся пророчества МюлерМонтова. Страдания брошенной умирать в одиночестве царицы распространятся на весь народ, в гордыне объявивший себя богоносцем. Если ни одного человека не будет рядом с умирающей императрицей Марией, кара обрушится на весь народ. Сейчас придворные дамы спешат заработать расположение новой избранницы императора Александра, бегут от одра умирающей с постыдной поспешностью, оставляя её одну перед внушающим ужас мраком небытия. Они боятся немилости своей новой госпожи. Люди, объявившие сыновей других народов зверями, а себя – охотниками, уже никак не защищены общим для всех всепрощающим Господом. Но если ни одного человека не окажется рядом с умирающей, проклятие и наказание не минуют всех людей Империи, поделённых на зверей и охотников. Сейчас многие озабочены, как бы угодить той, безжалостной и аморальной, которая наверняка станет следующей женой императора, и никто не вспоминает об одинокой, умирающей императрице Марии Александровне. Союз абсолютной власти императора и абсолютной вседозволенности его новой супруги принесёт свои ужасные плоды очень скоро, в результате погибнет несметное, измеряемое миллионами, количество жертв. Потом, окончательно впав в безумие, люди начнут охотиться на своего монарха, а убив божьего помазанника, императора, они начнут рушить божьи храмы, множа свои мерзости, с восторгом упиваясь своей непотребностью, начнут поклоняться шайтану, занявшему место божьего помазанника, и чума, война и голод распространятся среди поклоняющихся шайтану. Есть ещё одно обстоятельство, сохраняющее жизнь императора Александра. Успешное его убийство должно носить ритуальный характер, для этого оно должно быть осуществлено под руководством женщины, по взмаху её платка, подобному тому взмаху платка, что вызывает заражённых чумой из их нищих хижин. Для этого лучше всего мне самой

вселиться в избранную мной одержимую бесовской силой женщину. Это не так просто. Необходимо, чтобы эта новая жрица, моя помощница, обладала выдающимися качествами. Таких людей немного, особенно среди женщин.

Лисий хвост, волчья пасть

Турки сдались, ушли и оставили свою крепость Карс, за это царь пожаловал мне титул графа и саблю с надписью «За храбрость» и с литой, из золота рукояткой, которую так приятно держать в руке. Золото узнаваемо на ощупь, так, словно это сама царская милость превратилась в металл, и вот она у меня в руке, золото не спутаешь ни с железом, ни с медью, ни с одним из металлов. Кажется, единственный взмах этой тяжёлой сабли повергает в прах тысячи турок. Если считать по справедливости, половина моих наград должна бы достаться Ашоту, взорвавшему пороховой погреб в крепости. Ашот, прошедший военное обучение во Франции, лучший артиллерист в армии Мухтар-паши, блестяще провёл диверсию. Вот что значит быть настоящим сыном своего народа, иметь армянский подход, всегда и во всём помнить об интересах своего народа и руководствоваться ими и только ими во всех делах. Родиться армянином – небольшая заслуга, это всего лишь шанс стать настоящим человеком, не больше того. Если тебя родила мать армянка от армянина, то ты должен каждый день подтверждать свою принадлежность к числу лучших людей на Земле. Остаться армянином до конца, сохранить высокое имя непросто, сделать что-то, что добавит славы и пользы всему народу, – твой долг. И если ты не чувствуешь в себе никаких талантов, это нестрашно, служить народу можно, просто уничтожая его врагов. Это необязательно делать явно и с риском для себя, можно, и даже нужно, действовать скрыто и осторожно, это и называется армянским подходом – достигать высоких целей обыденными средствами. Улыбаться в лицо врагам, говорить им приветливые слова, методично истребляя, – это значит быть настоящим армянином, одним из тех, кому светит солнце. Теперь в моей жизни наступил именно такой период. Помимо других поощрений, Государь назначил меня начальником Карского края, а это и есть та скучная, кропотливая и неинтересная работа, где требуется систематический, аккуратный труд по разбору бытовых дрязг турок и армян. Разговаривая с турками на их языке, я никогда не оскорблял их религиозных и национальных чувств, зачем? Мои верные охотники армяне и курды уничтожали турок столько, сколько могли, выстрелы их оружия гремели по всей Турции и не смолкали ни на мгновение, а моё дело было грозить охотникам страшными карами за нападения на мирных жителей, принимать жалобы и не лениться изображать гнев по поводу несправедливостей оккупационных властей. Но как бы ни тупы были турки, постепенно и они начинали понимать, что на самом деле охотники никакого наказания за уничтожение мирного населения не несут. Я действовал осторожно, но, к сожалению, и среди турок попадаются не совсем глупые. Было объявлено, что охотники, виновные в убийствах мирных жителей, будут отправляться в Сибирь на вечное поселение. На самом деле их просто переселяли вдоль Черноморского побережья, на Кавказские Минеральные Воды и за Кубань, в благодатные места. Но долго выдавать поощрительное переселение за наказание не удавалось, причём по вине наших же хвастунов. На словах сосланные в вечные сибирские снега, они сообщали своим бывшим соседям, что теперь живут возле моря и имеют выгоду от портовой торговли и другие преимущества. Запретить армянам хвалиться своим достатком и выгодными приобретениями – дело бесполезное, но эта ситуация порождала недовольство турок, кроме того, родственники убитых охотниками «зверей», смирившиеся с тем, что хоть их близкие и погибли, но убийцы наказаны по справедливости, и отказывались от мести, но поняв, что они сами стали всего лишь жертвами обмана и никакого наказания убийцам не последовало, становились опасными мстителями, причём мстить

они хотели теперь не одним только убийцам своих близких, но всем, связанным с русской государственной властью, в первую очередь мне. Для устранения этой опасности я передал взятку чиновникам из Стамбула, внёс деньги в личную казну султана Гамида. Взамен я потребовал вторично наградить меня орденом «Меджидие», ношение которого меняло отношение ко мне турок от самого враждебного до уважительно-раболепного. У меня уже был этот орден, и я знаю, как обладание им влияет на турок. Думаю, это был единственный случай в истории, когда главнокомандующий корпусом вторжения мог похвастаться орденом страны, подвергнувшейся нападению, и это был замечательный пример настоящего армянского подхода. Хотя все, конечно, знали, чего стоят ордена султана, всё-таки вручение ордена мне на какое-то время уменьшило опасность покушения на мою жизнь какого-либо мусульманского фанатика. Сами собой, без моего участия, пошли слухи о моих тайных контактах с султаном. Друзья по Кавказу, Лазарев, Назаров, Тер-Гукасов, Туманов и другие армянские офицеры, узнав о моём награждении турецким орденом, прислали поздравительную телеграмму, назвав моё награждение самым ярким примером успешного армянского подхода, известного истории. А ведь действительно я, как никто другой, много сделал для того, чтобы подтолкнуть двух монархов к большой войне, и сумел при этом получить высокие награды от верховных властителей воюющих сторон. Конечно, многие туземцы вынашивали против меня планы мести, самые разнообразные. Так, мне стало известно, что люди султана обращаются к колдунам, чтобы силой их чар меня ликвидировать. Дело о моей ликвидации с помощью колдовства было поручено камергеру Иззят-паше, известному своими связями с самыми тёмными личностями, но я с помощью своих агентов при дворе, прежде всего, Нудар-паши, контролировал действия врагов. Внезапная смерть Нурланы катын, известной в Стамбуле ведьмы, напугала многих при дворе, знавших о посланном ей предупреждении и запрете чародейства против христианских военачальников. Колдунья, известная своим упрямством, игнорировала запрет, да ещё и хвасталась этим. Устрашающий ночной вой, распространявшийся во владениях внезапно умершей Нурланы, заставил трепетать не одну ведьму в Стамбуле. После этого ни одна из наложниц шайтана не осмеливалась колдовать против меня. Стихли колдовские бубны и заунылые звуки чарующего плача зурны дворцовых ведьм. Лишь шипение слова «Исида, Исида» распространилось в наступившей тишине. Колдуньи были повергнуты в трепет, поражение врагов было полным и всеохватывающим, враги были сражены и на поле брани, и в колдовских сферах, всюду.

Когда чума от смрадных, мертвых тел начнет бродить среди печальных сел, чтобы платком из хижин вызывать ...

Экспедиционный корпус Лорис-Меликова, щедро напоивший сухую землю Турции кровью её защитников – аскеров, вернулся в Россию в компании с чумой. Мрачная картина, изображённая за полвека до возвращения экспедиционного корпуса из турецкого похода в гениальном провидческом произведении МюлерМонтова «Предсказание» обрела своё воплощение – чума пришла и стала гулять среди печальных сёл и начала вызывать из хижин их обитателей взмахом своего белого платка с вышитым на нём черепом и перекрещёнными костями. Правда, чума пришла ещё до падения короны царей, с которого начиналось пророчество поэта, звучавшее дословно так: «*Наступит год, России чёрный год, когда царей корона упадёт ...*», но эпидемия предварила жуткое убийство царя. Обезумевшие юноши из православных семей, воспитанные на вере в бога, преданности батюшке-царю и матушке-России, почтительные сыновья горячо любимых родителей, никогда не огорчавшие папеньку с маменькой даже пустячным непослушанием, вдруг, по непонятной причине, в одночасье превратились в иступлённых бесов, одержимых сатанинской страстью царе-

убийства. Царь, живое воплощение русского духа, человек, несущий непосильное бремя общенародной судьбы, – и вдруг его хотели убить! Убить царя? Зачем? Чтобы осчастливить народ, душа которого воплощена в самодержцѣ? Это вроде убийства своих родителей с целью достижения семейного счастья. Ни здравый, ни даже больной ум не может вместить идею цареубийства. Обречь на сиротскую долю сразу миллионы соплеменников и единоверцев, совершить это максимальное злодеяние ради сомнительного удовольствия ощутить петлю у себя на шее? Страшно подумать о таком исходе событий. Они называли себя народовольцами, и интересно понять, волей какого народа руководствовались цареубийцы? Того ли народа, в среде которого всегда трудно было отыскать готового исполнять роль палача, для казней осуждённых и признанных законом злодеев, того народа, среди которого не было желающих лишать жизни осуждённых, убивать даже за деньги и с одобрения властей и церкви, среди этого народа желающих казнить было так сложно отыскать, что государственный палач Иван Фролов успешно использовал свою монополию, каждый раз от казни к казне требуя повышения своего гонорара. Но царь ощущал себя загнанным зверем среди любившего его некогда народа. Как это могло произойти, непостижимая тайна. **ВДРУГ, ВНЕЗАПНО, ВСЁ ИЗМЕНИЛОСЬ В ЖИЗНИ ЦАРЯ.** Ненависть поселилась там, где была любовь. Это нужно было постараться, запутаться в делах любовных на склоне лет, имея идеальную супругу, почтительных детей, абсолютную власть. Люди – все, даже цари, вопреки поговорке, ищут добра от добра. Царь наделал глупостей. Начать с того, что женился по любви на девушке сомнительного происхождения. Любовь, ненадёжная порука, исчезает внезапно и бесследно, а родословная остаётся. Зачем он женился на ней? Хотел сделать счастливой девчущку из Дармштадта? Воплотить в жизнь сказку о Золушке? Нелепо, он тогда в финальном акте посидел бы лучше возле умирающей императрицы, в предсмертной тоске протирающей руки в пустое, чёрное безлюдье. Что, он не знал, как ей надо, чтобы в последний момент её жизни муж был рядом? И если сам не догадывался, разве не с кем было посоветоваться? Ведь недалеко, в том же городе, жил человек, постигший тайны мироустройства, истинный мудрец, знающий сокровенные тайны жизни. Уж он точно отговорил бы царя от вторжения в чужую страну под предлогом защиты своих будущих завистников и ненавистников. Он нашёл бы слова, чтобы показать мерзость предательства Золушки, оставшейся верной своей сказочной роли, своей любви. Правда, вид у вдохновенного пророка, способного дать спасительный совет, конечно, был неказистый, тот ещё видок, похож он был на бурлака, выгнанного из артели за пьянку, да и вообще эпилептик. Глаза – страшные, глаза одержимого пророка, видящего истинное положение вещей, порой в яркой вспышке предстающее перед ним. Официальные советники у императора были, конечно, не чета этому эпилептику – солидные, мордатые, в вицмундирах, с орденами и в бакенбардах. Вот они-то и советовали напасть на слабую страну – соседку. Можно пожить, ничем не рискуя, да и оправдание есть: братья страдают под гнётом басурман – супостатов. Но, увы, мир – это калейдоскоп стремительно меняющихся иллюзий, страдающие братья во всех последующих войнах будут воевать против ненавистной им заступницы – России, а Турция слаба лишь в военном отношении. В оккультном лучше было бы туда не соваться, последствия вторжения оказались роковыми. Александр был убит террористами, трещина пробежала по монолиту Империи, и создававшаяся тысячу лет Империя вступила в двухсотлетний период саморазрушения.

Саша, Маша и диктатор

Удача есть удача, она не зависит от человеческой воли, и я просто попал на счастливую волну. Государь уверовал в мою способность управлять событиями и противостоятъ бедам. Не успев вернуться из Турции, я был брошен в водоворот совер-

шенно иной баталии. Государю угодно было направить меня на борьбу с чумой, грозившей охватить всю Империю. Чума, чума накрыла державу, победившую в войне. Царь не захотел внять и этому, ясному и грозному предупреждению, посланному свыше, он не отвратился от своих пагубных страстей. Что ж, мученица скончалась в одиночестве, и её молитва за монарха прервалась. Пошла на убыль и смертоносная зараза, но это было случайным совпадением. Сам царь после смерти праведной мученицы был уже обречён, он был взвешен на тех весах, где с глубокой древности взвешиваются цари, и найден слишком лёгким. Предупреждения сверху закончились, и убийцы вскоре настигли монаршего безумца. А спад эпидемии был ошибочно засчитан при дворе как мой очередной административный триумф. Говоря откровенно, накануне я испытывал потребность проведать умирающую императрицу, но сумел преодолеть этот порыв. Зная характер любовницы Государя, княгини Долгоруковой, я чётко понимал, что она не простит мне этого поступка, а ведь предстояло подписание моего проекта конституции, и влияние этой женщины на Государя трудно было преувеличить. Если покойная супруга с восторгом принимала все решения обожаемого мужа, то нынешняя избранница могла создать затруднение при приёме конституции, руководствуясь хотя бы примитивным женским тщеславием: «Какая конституция, когда у тебя есть я, никакой конституции нам с тобой не надо. Это раньше нужна была конституция, при ней теперь всё будет по-другому, у меня есть штучки получше твоей дурацкой конституции, вот, посмотри-ка. Что, нравится? По глазам вижу, как нравится, нравится».

Между тем Конституция была обещана мной руководителям Исполнительного комитета Народной Воли, тем людям, которые вычеркнули моё имя из списка генерал-губернаторов, приговорённых к «казни». Так они называли свои противозаконные злодеяния. Я обещал им конституцию и послабления наказаний, ведь революционеров вешали – умных, благородных людей, получивших, к тому же, хорошее образование. Вешали по пустяковым поводам, например, за пожертвование денег на пропаганду крамолы. Шутить эти люди не были расположены, за невыполнение обещаний следовала смерть. Они вообще любили убивать, не меньше, чем царская власть. И у тех убийство было в широком ходу, и у других. Дал свои деньги на распространение крамольных идей – пожалуй на виселицу. Яркий пример тому – казнь Лизогубова. При таких нравах в ближайшее время в Империи не должно было остаться приличных людей, только палачи и доносчики, но прочную власть на палачах и доносчиках не построишь. Государству для существования нужны труженики-созидатели и герои-защитники, а из палача и доносчика ни героя и ни труженика произвести невозможно. Если некого казнить и не на кого доносить, они быстро превращаются в малоподвижных бездельников весом в десять пудов и больше. Смягчение нравов было необходимым условием продолжения существования державы. Нужна была конституция, почвой для её принятия можно было сделать прекращение террора. Я не успел лишь на день, только на один день, эти безумцы убили уже согласившегося на конституцию императора. Ну, пусть не конституцию, а как бы конституцию, отдалённое её подобие. Эх, ему бы править в мусульманской стране, там его страсть к многожёнству не была бы наказана так строго, как это произошло в России. А в России должен править армянин. В наших семьях глава – женщина, и это исключает такую мерзость, что произошла между Сашей и Машей, Александром Николаевичем и Марией Александровной. Взял и поселил любовницу этажом выше брошенной, умирающей, некогда любимой жены, так и чернокожий людоед из Африки, вся одежда которого – кольцо в носу, не поступил бы, постеснялся бы. Но православный русский царь не постеснялся. Неужели он думал после этого счастливо жить с молодой? Постарел, тяжело стало бегать по девочкам? Решил своей пустой головой сократить дистанции между постелями? А тяжело бегать, так не дистанции укорачивать, тут уже и не бегать, постыдиться надо. Эх, да что говорить, всё погубила его

запоздалая блудливость. Мало того, что императрицу поселил под покоем любовницы, он ей каждый день письма писал. Во дворце все письма, считай, на стене написаны, в тайне сохранить написанное невозможно. А он так старательно описывает то, что знать никому не положено. То ли угасающую страсть подогревает, то ли... Сколько работы было проделано, сколько препятствий преодолено. Теперь ясно – мои противники постараются меня убрать, им не объяснишь, не докажешь, что время предъявляет новые требования к тем, кто хочет повелевать. Повелитель должен быть не только строг к народу, но и хитёр, должен выглядеть добряком, причём добряком надо выглядеть в первую очередь, а строгим – во вторую.

Символом власти раньше был скипетр, пришедшая из тьмы веков палка, которой властитель погонял людей и живших с ними в союзе волков. У кого скипетр, тот и властитель. Теперь место скипетра заняла маска, прячущая лицо повелителя. Повелителем стал тот, кто умеет прятать лицо и надевать соответствующую моменту маску. Мои противники продолжали хвататься за скипетр, за палку, за отживший своё символ. И это странно, ведь среди них были очень умные люди, и они должны были понимать, что только умеющий скрывать своё лицо, умеющий обманывать толпу может рассчитывать на власть. Но теперь, когда не стало поддерживающего меня монарха, это уже было неважно, ясно, что для моих врагов самым простым и надёжным путём является моё устранение, простое убийство. Понимая своё положение, я жил в ожидании покушения.

Когда я увидел идущего мне навстречу невысокого человека в кургузом пальто светло-бежевого цвета, прячущего руку в кармане своего нелепого пальто, я сразу понял – иудей, сейчас он будет стрелять. Если бы я попытался спастись, убежать, это бы не дало мне ничего, кроме позора. Но я вспомнил бабушкины слова о том, что ни клинок, ни пуля мне не причинят вреда, и не отшатнулся от направленного в меня пистолета. Я вывернул этот ствол из руки иудея, а тыльной стороной левой руки вlepил ему затрещину. Тут же подскочил одетый в партикулярное жандарм, вдвоём мы скрутили мерзавца и передали другим жандармам. В те годы террор ещё делал свои первые неуверенные шаги.

Человек опытный, изодранный стрелял бы в голову, а этот направил ствол мне в бок. Впрочем, стреляй он не в бок, а в висок, результат был бы тот же, бабушкина защита всё равно отвела бы пули. И вот тут я смалодушничал, нарушил запрет на ненужную болтовню, сказал, что меня пуля не берёт. Ясно, что эти мои слова никто всерьёз не принял, но всё равно мне следовало вести себя сдержанней и осмотрительнее. При таких обстоятельствах первые мгновения всегда очень много значат. Я присоединился к допросу покушавшегося на мою жизнь, когда жандармы уже поработали с ним, а проворные и гостеприимные черти уже начали его знакомить с основными достопримечательностями места, куда он определился на вечное пребывание. Фамилию, место жительства и сословную принадлежность он уже назвал, спрашивать об остальных участниках преступления было бесполезно. Среди представителей иуд иного племени немало храбрецов и упрямцев, один из них, судя по всему, сидел передо мной. Пытать его было бы бесполезно, однако мне очень любопытно было узнать, кто подготовил покушение на меня. Многие заставляло думать, что в числе причастных к покушению есть важные чины жандармерии, большая часть генералитета придерживалась консервативных взглядов и, соответственно, видела во мне врага. Вот кто действительно боялся реализации моих либеральных помышлений. Честно говоря, я был уверен в причастности Победоносцева к покушению. Так или иначе, дело не обошлось без участия русских националистов, ни на миг не забывавших о моём армянском происхождении. Для этих людей подчинение любому иностранцу было невыносимым оскорблением. Только по этой одной причине они готовы были на государственные преступления, лишь бы ограничить мою власть. Но кроме национальной ненависти было ещё одно основание подозревать Победоносцева –

его идейное со мной несогласие, нежелание проводить предлагаемые мной реформы. Понимание неизбежности и необходимости реформ только усиливало ненависть ко мне Победоносцева и других консерваторов. Да, реформы назрели и необходимы, но хитрый армянин использует их в своих интересах, и поэтому нам эти реформы не нужны ни в коем случае. Простая мысль о том, как желательно для Победоносцева было бы моё физическое устранение, делала ясным его причастность к покушению.

Спрашивать Младецкого напрямую было бесполезно, и я, взяв пистолет, из которого он пытался меня застрелить, и, не имея конкретного плана ведения следствия, спросил его, тот ли это пистолет, из которого они убили князя Кропоткина? Пистолет я взял механически, возможно, чтобы подчеркнуть теперешнюю разницу наших положений. Я с оружием, а он арестованный. Младецкий тут же соврал, что пистолет он украл из полицейского участка и не знает, кого убивали из этого оружия раньше. Украсть пистолет из полицейского участка, не подняв при этом шума, без стрельбы, втихомолку, невозможно, это не булку в кондитерской украсть, ясно, оружие террористу дали сами полицейские вместе с конкретным заданием использовать его против меня. Видимо, этот Ипполит Младецкий был не только невезучим человеком, но вдобавок и не очень умным, потому что надеялся, что жандармы помогут ему как-то выбраться из его нынешнего безвыходного положения. Отказавшись признать, что пистолет ему дали жандармы, Ипполит этим самым подтвердил своё с ними сотрудничество, в противном случае он не упустил бы возможности оговорить их. Зачем идущий на виселицу будет выгораживать полицейских? Он, наоборот, постарается максимально оговорить их. Значит, он каким-то образом надеется на их помощь, не желает давать против своих возможных спасителей показаний. Утвердившись в этом подозрении, я так и спросил Младецкого, абсолютно уверенный, что отрицательно он ответит только в том случае, если действительно получил пистолет от жандармов. Я стремился скрыть напряжение, с которым ждал ответа. Младецкий ответил отрицательно. Для меня это значило, что Победоносцев и другие консерваторы причастны к вооружению террориста, пытавшегося меня застрелить. Стало ясно, что консерваторы не останутся ни перед чем. Раз они вооружили моего убийцу, они не допустят приёма конституции любой ценой. В моём воображении возникла мрачная картина – вереница людей, устремлённых на тот свет: умирающая от чахотки императрица, император, на которого, как на зверя, охотятся сами обречённые на казнь безумцы-самоубийцы, по-нищенски худая, как сама смерть, страшная востроносая баба – чума, платком вызывающая из убогих хижин умирающих больных с гнойными бубонами. Сколько сил, затраченных впустую, сколько невероятно сложных комбинаций осуществлено, всё впустую. Чего стоило выйти на контакт с Исполнительным комитетом Народной Воли, договориться о взаимном ненападении с этой шайкой психически больных людей, помешанных на убийствах. Они провозглашали борьбу за свободу и равенство, но я-то понимал, что на самом деле они жаждут только крови. Они и сами не способны были осознать свою истинную, скрытую страсть. На убийство никакая свобода, никакое равенство не могут вдохновить, кем бы обречённый ни был, хоть трижды тираном. Ничья смерть никого не может сделать свободным. Договориться с этими одержимыми убийством человекоподобными существами очень трудно. А установление дружеских отношений с переселяемыми в Турцию чеченцами и черкесами? А турки, почтительные и послушные, передававшие благодарственные сообщения царю о моём справедливом правлении, после того, как мои охотники вполночь сократили их количество на занятых нашей армией территориях? Всё это не свалилось с неба, это всё было результатом моей целенаправленной работы, результатом моего армянского подхода. И вот, похоже, что все приложенные мной усилия, все достижения оказались впустую – конституцию, спасительную для России, задушат Победоносцев и его единомышленники, а я, уже не молодой человек, оказался без покровительства монарха, не способный диктовать свою волю в политике.

Убийца-неудачник

Известие о покушении на меня быстро распространилось по городу. Государь император повелел мне явиться во дворец, где я был встречен как вернувшийся из военного похода триумфатор. Признаться, эта неуместная, никак не соответствующая печальному положению вещей атмосфера триумфа смутила меня настолько, что, рассказывая о случившемся, я в очень сдержанной манере просто пересказал Государю полицейский протокол о случившемся. Кажется, Государь остался недоволен сухостью моего рассказа, но, впрочем, никоим образом не дал мне почувствовать своего недовольствия. Так, легчайший флёр неувливаемого настроения. Я же больше следил за реакцией княгини Долгоруковой, но, к моему огорчению, не обнаружил в её настроении явных признаков сочувствия пережитому мной. Реакция княгини не была оживлённее, чем нежели я бы рассказывал о поломке колеса моей кареты. С тяжёлым чувством оставил я Государя, почти лишившись надежд на быстрое подписание моего проекта свода законов, в который я замаскировал некое робкое подобие свода основных государственных законов. Приехав домой, я обнаружил, что меня дожидается незванный гость, молодой писатель Всеволод Гаршин. А пришёл он просить меня спасти того мерзавца, что накануне покушался на мою жизнь. Действительно, правы те, кто говорит о загадочности русской души. Просить человека хлопотать о помиловании того, кто хотел его убить! Такое, конечно, мог придумать только русский! Зачем же я буду спасать желавшего моей смерти? Гаршин без умолку молот чепуху о необходимости прервать цепь насилия и зла, и что только я сейчас могу это сделать, если ходатайствую перед императором о сохранении жизни этому террористу. Я заочно знал этого Гаршина, одно время, имея в виду ненормальный интерес русских к художественной литературе, я счёл необходимым заочно ознакомиться с наиболее модными её представителями, способными распространять крамольные идеи, Гаршин входил в их число. Сейчас, разговаривая с ним, я своим безошибочным национальным инстинктом ощутил, что вдобавок ко всему я говорю даже не с русским, а с турком. Этот турок уговаривал меня спасти человека, желавшего моей смерти. Интересная ситуация, даже комичная. Все доводы, которые приводил этот писатель в защиту террориста, работали, в моём понимании, против негодяя, но я нисколько не пытался возражать, наоборот, руководимый моей давней любовью к игре кошки с мышкой и желанием проверить мою национальную интуицию, подсказывавшую, что я говорю с турком, хорошо выучившим русский язык, я невзначай перешёл на турецкий. «Что вы изволите сказать, Михаил Тариэлович? – переспросил Гаршин. – Вы говорите на татарском? Вас, вероятно, ввела в заблуждение моя внешность? Да, действительно, мои предки были татарами, этот язык сходен с турецким, но я, увы, не владею языком своих предков. Говорят, моя фамилия свое начало берёт от прозвища – Гарыших, что значит смешанный, так называли людей с татарской кровью». «Жаль, – ответил я, – мне так нравится этот язык, и я с удовольствием продолжил бы наш важный разговор на татарском или на турецком, я свободно владею обоими». Мне было приятно ощущать, что жизнь vykреста из иудеев, пытавшегося меня убить, теперь зависит полностью от меня, ведь мне ничего не стоило просто своей властью отменить казнь, и приятно было ощущение верности моего национального инстинкта, я безошибочно ощутил врага там, где его, казалось, быть не могло. Убедившись в своей способности распознавать врагов, я поднялся с места, давая понять, что аудиенция закончена. И на прощание, прямо глядя в глаза этому дураку, пишущему книги для других полоумных, я сказал: «Чагырылмамыш гонаг татардан писту (незванный гость хуже татарина), – пояснив: – Я сказал, что приятно было поговорить на прекрасном татарском языке. С утра буду заниматься уговорами Государя о помиловании Младецкого. Почти уверен, что мои доводы убедят нашего милосердного и разумного Государя точно так же, как ваши доводы убедили меня».

Казнь

Как всегда во время публичной казни вся площадь была заполнена людьми. Я пришёл рано, так, чтобы спокойно рассмотреть не только участников спектакля, но и зрителей. Меня удивило присутствие на казни Достоевского, помню, в тот день я впервые заметил несоответствие незначительности его лица и высоты лба. Лицо самое заурядное, без всяких признаков утончённости и не освещённое незримым светом яркого ума, но лоб мыслителя. Зная нервный склад этого человека, я никак не ожидал увидеть его на казни. Но потом я подумал, что он, как писатель, охотится за впечатлениями. В конце концов, как бы он ни жаловался на скудность своих гонораров, платят ему совсем не плохо. Я, человек абсолютно не жадный, но и я столько бы не платил. Говорят, Толстому платят щедрее, да и Тургенев получает прилично. Но всё это говорит лишь о неумении управлять финансами, ни о чём больше. Платить за фантазии – это очень глупо, как же нужно не ценить деньги! Выдумки ничего не стоят. Вон и Николай Некрасов неплохо гребёт деньгу на своих вредных, крамольных виршах. Но Николай Алексеевич, бог с ним, он вообще везунчик, ему и в карты прёт, как реке в половодье, и бабы крепостные у него всегда хороши были, удача во всём: и в любви, и в картах. А он, старый лис, за освобождение крестьян ратовал в своих стихах. Да будь все эти Фёклы и Марфы свободны, ты бы, Николай Алексеевич, на бусах и серёжках разорился бы ещё в давние времена. Вон теперь уже некоторые бабы французские духи стали требовать за согласность, вот она, свобода, до чего доводит! Никаких гонораров на их цацки и духи близко не хватает. Слякянка французских духов стоит куда дороже, чем бутылка водки. Но наш пострел везде поспел, мне докладывали, что денежные дела у моего старого друга сейчас наладились. Но и неудивительно. Потом я повстречал Гаршина, аж мне плохо стало. Поставь этого татарина рядом с Младецким, никто не угадает, кого из них сегодня должны повесить. Младецкий был, конечно, бледен, и взгляд у него выражал страх, но Гаршин! Его чёрные, полные боли и ужаса глаза метались с невообразимой скоростью по нежиловому, застывшему в восковой неподвижности жёлтому лицу, на котором уже запечатлелось прикосновение смерти. Не только своим неживым оттенком запечатлелось, но прежде всего застылостью черт. Гаршин был абсолютно жёлтый и был похож на ходячего мертвеца, хотя я, конечно, никогда не видел человека, восставшего из гроба, но если бы я собрался описать такого, то, имея две натуры на выбор, на помощь воображению призвал бы зримый образ Гаршина, а не Младецкого. Увидав меня, Гаршин бросился ко мне. И я, человек военный, чьё ремесло – смерть, почувствовал себя нехорошо.

«Умолял на коленях, в прямом смысле, я на коленях умолял, а в ответ слышу: – Чем горячее ты за него просишь, тем мне очевиднее его злодейство. Пусть спасибо скажет, что нынче четвертование отменено. По мне, так заслужил четвертование», – сказал я Гаршину, якобы передавая свой разговор с Государем, взял его за локоть и склонил свою голову ему на плечо. Гаршин заплакал неожиданно и навзрыд. В этот момент я встретился взглядом с одним из филеров, охранявших порядок на плацу, я знал его в лицо. В ответ на вопросительный взгляд соглядатая так же молча, движением глаз, я ответил, что не надо вмешиваться. Потом, пройдя вперёд, обменялся поклонами с Достоевским. Не казнь, а собрание столичных писателей. Мысль моя снова вернулась к слабости и неспособности столичного общества к настоящей, полноценной жизни со всеми её печальями и радостями. Вообще, в русском быту сочинители занимают непропорционально большое место. Люди, народ подхватывает их ненатуральные, искусственные мысли и присваивает эти мысли себе. К чему это ведёт? Толпа людей с искусственными, навеянными чужими фантазиями мыслями крайне опасна. Попав под влияние, скажем, Достоевского, каждый может копировать его эпилептические припадки, но кто может видеть взаимодействие космиче-

ских первостихий, их борьбу между собой и согласное влияние на существование человека, на его жизнь? Для этого надобен талант ясновидения, достигающийся едва ли одному из ста миллионов. В результате остаются одни вредные мысли, и они заразны. Это подобно распространению чумы, с которой я недавно столкнулся в Ветлянке. Можно даже сказать, что отсутствие сочинителей, этих ненужных, бесполезных людей свидетельствует о духовном здоровье нации. Если взять в качестве примера наш великий народ, то мы видим, что за семь тысяч лет его писаной истории никто из армян не опустился до создания книг о частной жизни людей. Не мужское это занятие. Мужчина должен защищать принадлежавшие его народу земли, возделывать их, вести заморскую торговлю, умножая национальное богатство, на всякий случай собирать сведения о соседях, об их сильных и слабых сторонах. К перу и чернилам можно прибегать лишь для составления перечня богатств, описания великих дел своего народа и написания завещаний потомкам. Описывать жизни отдельных людей, дела личные, дела семейные – занятие пустое, недостойное. У грузин, народа, отдалённо напоминающего наш народ, писателей тоже, как и у русских, очень много, и это одна из причин их отставания в развитии по сравнению с нами. Писатели мешают победному шествию нации. Взять хотя бы день казни Младецкого. Посмотрите, сколько писак собралось на Семёновском плацу в этот день. Слетелись, как вороны, учувшие мертвечину. Пришёл эпилептик-националист Достоевский, приплёлся Гаршин, татарин, не знающий своего языка, жалкий человек, ничтожный настолько, что полезное и нравоучительное зрелище казни, порождающей богатые переживания и важные изменения в душе каждого нормального человека, повергло его в состояние безумства, из которого он впоследствии так и не смог выбраться и в результате так и погиб сумасшедшим, через семь лет совершив самоубийство. Да и его старший коллега по перу, Достоевский, описатель несчастий и унижений, крушений судеб Достоевский тоже недолго протянул после зрелища казни. Ну, эти, туда им и дорога, от них столько вреда, не перечать! Особенно жида, с их хитростью и жадностью на всё готовы, чтобы сбить христианина с пути истинного. Вот недавно я сам крамолу разоблачил, такую, что впору четвертованием наказывать, а спрятана так, что сразу и не распознаешь. Кто-то, я пока не выяснил, кто, придумал переиздать «Мёртвые души», и в этом, вроде, ничего плохого нет, книга цензурой разрешена и не раз уже издана. Но иллюстрации! Смотреть страшно. То, что в Чичикове сразу вороватый министр финансов Абаса проглядывает, это не очень хорошо, а что у Манилова лицо армянское, и бакенбарды, как у меня, это даже неплохо, пусть люди посмеются и послабление либеральное ощутят, это даже полезно, либерализм, но без баловства, приветствовать надо, пусть люди поймут, что у штурвала государства – мечтатель, фантазёр, шутник, можно сказать, но ведь в Ноздрёве только слепой Государя Императора не различит! И фуражка офицерская с белым холщовым верхом. Это уж никуда! Страстность, чисто ноздрёвская, изобличается иллюстрацией, а Государев темперамент для кого у нас тайна? Гладиатор, чисто гладиатор в спальне Долгоруковой, как на арене Колизея. А вместо стального шлема на голове – холщовая фуражка, тут не спутаешь. Хорошо, мне Салтыков-Щедрин подсказал, со смехом, но я издание крамольной книги остановил. Правда, её уже несколько экземпляров издать успели, ушли в продажу, говорят, до пятидесяти копеек цена доходит! ПРЕДВИЖУ дальнейшее подорожание. Казнь Младецкого стала важной временной вехой в жизни нашей Империи. Через год после казни страшные потрясения ждали державу. Череды неудавшихся покушений на Государя завершилась его убийством. Чародейство джадугяра Гасана обошло все препятствия – и охранительные молитвы праведной, уже покинувшей этот мир, навсегда умолкшей императрицы, и помазание божье – всё было преодолено яростью Исиды, сумевшей отыскать себе соответствующее по значимости воплощение, симметричное, но с противоположным знаком – сестру милосердия и учительницу, аристократку, дочь губернатора, она точно соответствовала

всем характеристикам Исиды, но с точно противоположным знаком. Софья Перовская – зеркальное отражение демонессы, Софья Львовна была, как это случается почти всегда, погублена пустячным вначале грешком, овладеть её душой Исиде удалось через незначительный грех – дочернее непослушание. За упрямым непослушанием последовала любовная страсть к убийце Желябову и следом – дальнейшее подчинение силам тьмы. Исиде для убийства божьего помазанника нужен был падший ангел, и она нашла его, точное своё отражение, но с душой противоположного, белого цвета. Почти все участники заговора были схвачены, не без помощи, как это водится, предателя, пытавшегося предательством спасти свою совсем ещё юную жизнь. Едва ли существует документ более печальный, чем его прошение о помиловании. Девятнадцатилетний мальчишка, совершивший цареубийство, повлекшее за собой цепь колоссальных трагедий, цареубийство, ставшее истоком великих рек крови, этот несчастный, запоздавший в умственном развитии ребёнок, Рысаков, просит сохранить ему жизнь, взамен обещая хорошо себя вести и не допускать больше ничего подобного. Больше – никаких цареубийств, хватит! Я всё понял и больше ни одного царя не убью. Кажется, только прочитав это прошение, понял я всю силу власти Исиды, всю неспособность человеческого существа противостоять этой силе. Охота на русского царя-батюшку – явление, подобное крестовым походам детей, преследованию ведьм в Европе, аутодафе, бунту боксёров-фокусников в Китае и сходных массовых безумств, порождаемых Исидой. Ну, а в России, можно ли было противостоять этой силе? Остался бы живым царь Александр, не пойдя он войной на Турцию в 1877 году? Миновала бы Россию та страшная востроносая кикимора со своим роковым платком, которым она вызывала свои жертвы из их убогих хижин? И, наконец, главное, удалось бы сохранить бесценные армянские жизни, если бы не рейды моих охотников по турецким тылам? Теперь, когда человек с говорящей фамилией Победоносцев возобладал надо мной в борьбе за власть в Империи, мне остаётся только искать ответы на множество вопросов, которые задала жизнь. И помилуй меня Господь от нахождения этих страшных ответов, к которым подводит опыт. Простой, житейский и политический. Причиной моего политического и жизненного краха стала смерть Государя Императора. И вот ещё один вопрос – могли ли эти люди, консерваторы, непреклонные защитники режима самодержавия, помешать случившемуся первого марта тысяча восемьсот восемьдесят первого года? Если могли, то почему не помешали? Имела ли горечь потери отца привкус сладости расплаты за страдания матери? Ну, хорошо, пустые обвинения скрыты за этим вопросом, только очень циничный, нехороший человек может задаться подобным вопросом. Ладно. Но Победоносцев, был ли он настолько любим удачей, чтобы террористы убили императора за день до подписания им моего проекта либерализации власти, которого Победоносцев боялся, как жених кастрации? Сейчас, оборачиваясь назад, я понимаю, как много было допущено мной, лично мной, роковых ошибок, вместе с тем мысль о бессилии человека перед судьбой и колдовской силой Исиды внушает утешительную горечь – всё равно сделать было ничего нельзя. Нельзя было спасти шестидесятидвухлетнего государя, загнипнотизированного несбыточной мечтой – любовью на склоне лет. Нельзя было хотя бы облегчить страдания восхитительно праведной супруги его, старенькой Золушки из Дармштадта. Также нельзя было удержать души бомбистов, Софьи Львовны и Андрея Ивановича Желябова, от порыва прочь из их молодых тел в тот мир, где никого не надо убивать, где нет ни бомб, ни террора. Впрочем, то, что я мог сделать для прекращения террора, я всё-таки сделал, хоть и с запозданием, но сделал. Я отложил на целых шесть дней казнь Софьи Перовской и её любовника Желябова с тем, чтобы дать им обратиться ко всем, вставшим на путь террора, с увещанием оставить этот путь. Но сжигавший их огонь был негасим. Они не оставили дороги в ад, не встали на путь примирения, они предпочли сгореть и от сотрудничества с законом отказались. Конечно, будь у меня прежние мои дик-

таторские полномочия, думаю, после такой удачи, как случайный арест Желябова, мне удалось бы переломить ситуацию, разгромить всё змеиное гнездо и, как минимум, сохранить жизнь Государя Императора. Особенного ума тут не надо было, дело обошлось бы без тяжёлой артиллерии армянской хитрости, простой житейский расчёт, этого бы хватило, чтобы раздавить змеиное гнездо, всё было очень просто. И вопрос не в том, как нужно было действовать, это слишком очевидно, вопрос заключается в том, насколько цесаревич и Победоносцев были заинтересованы в сохранении драгоценной жизни монарха. Подспудно в душе цесаревича владычествовала обида за преданную мамá, а о Победоносцеве и говорить нечего – для него смерть Государя означала переход власти от меня к нему. Этот переход уже начал осуществляться, я уже не мог предпринять необходимых мер по спасению жизни Государя. Я – охотник, и знаю, что при исчезновении главара стаи его место занимает волчица, всегда более хитрая, более смелая и более жестокая, чем самец. Нужно было начать переговоры с Перовской о прекращении террора в обмен на жизнь её любовника, Желябова. Я сумел бы обмануть женщину, и Победоносцев знал это. Знал и сумел доказать царю и цесаревичу, что негоже доверять «армяшке» дела максимальной важности. Я понимал, что двадцатисемилетняя женщина, спящая в одиночестве – удобный объект для манипуляций. С ней нетрудно будет договориться, одиночество – огромная сила, и её одиночество в тот момент должно было помочь. С другой стороны, это её молодое, но зрелое одиночество так легко трансформируется в отчаянную ярость и храбрость, что путь от доброй сестры милосердия до той свирепой кикиморы с белым платком в руке будет краток и стремителен. Появление кикиморы, взмахнувшей колдовским платком, сломало судьбу всей империи. Ещё раз напомним слова гениального охотника: *«И станет смерть среди бедных сел гулять, чтобы платком из хижин вызывать»*. Не только из хижин, но и из карет. Возможно, самые тяжёлые потери понёс я сам. Взошедший на престол наследник не подписал приготовленные мной к подписанию бумаги об изменении политического уклада, главное же, мне не удалось создать в России армянское военно-политическое сословие, подобное турецким янычарам или японским самураям. Больше того, возникла прямая опасность замирения Анкары с Москвой, замирения, несущего огромную опасность не только для армянского народа, но и для всего мирового правопорядка и равновесия сил с центром в Европе. Мне не удалось увлечь армянских юношей большой политической игрой, их влекла торговля, а вспышка воинственного честолюбия наших великих героев – Бебутова, Лазарева и других – угасла, кажется, навсегда. Но, несмотря на очевидное, надеюсь на возврат героического народного духа, дремлющего, но бессмертного.

06. 02. 21

ШИРИН МАНАФОВ

ТАК ЛИ УЖ АРМЯНЕ НЕНАВИДЯТ ТУРОК?

Альтернативная история: Армения и Турция 100 лет назад.

Военный союз Турции и Армении. Невероятно? 100 лет назад уже было.

Между армянами и турками сто лет назад были тесные, союзнические отношения, и дело дошло до военно-политического союза. Ровно сто лет назад отмечен очень интересный эпизод в истории «многострадального» народа. Все сто лет эта история замалчивалась, в советских учебниках о ней ни слова. Ни в советский, ни в постсоветский период ни в учебниках, ни в прессе Армении нет ничего об этой очень интересной и трогательной истории – о роли турецкой армии в спасении армян от ужасов гражданской войны.

Пашина в своем выступлении на российском ТВ 29 сентября заявил о том, что противостояние с Турцией носит для армян экзистенциальный характер. Призывает Россию принять меры против Турции, которая оказывает поддержку Азербайджану в борьбе за Карабах. Многие армянские эксперты так же усердно муссируют тему экзистенциальной угрозы, которую несет для маленького и гордого народа Турция, тем самым вводя в заблуждение российскую аудиторию. Турки, мол, ненавидят армян, мечтают их уничтожить, для армян Турция смертельный враг и все в этом духе. Заявляют о прямо-таки генетической ненависти турок к армянам, доказательством чего являются события в Турции в 1915 году. Но именно в тот период происходили события, которые свидетельствуют о союзнических отношениях армян и турок. Стоит отметить, что инициатором и сторонником сближения Армении и Турции в 1920 году была партия националистов Дашнацютюн. В 1920 году никакой экзистенциальной угрозы для армян турки не представляли, что зафиксировано в ряде документов и отражено в работах ряда армянских историков. Подлинная история вхождения республик Закавказья в советскую Россию не просто искажена, а полностью стерта из памяти, подменена фальшивкой об армяно-турецкой войне, которую якобы остановила доблестная 11-ая Красная армия в 1920 году.

Настоящая история установления советской власти в Армении была заменена на абсолютно лживую версию, которая исказила, изуродовала армянское самосознание и привела нацию к трагической убежденности в том, что ненавидеть турок – гражданский долг армянина.

Книга советского военного историка А. Б. Кадишева – убедительное опровержение этой лживой версии. Эта книга не такая уж и редкость, она есть в библиотеках многих военных учебных заведений РФ и СНГ.

Пытаясь защитить памятник гитлеровскому пособнику Нжде в центре Еревана, премьер Пашина уверял, что речь не о предателе и фашисте, а о защитнике родины от турецкой оккупации в 1920 году, когда была так называемая армяно-турецкая война, и турки вошли на территорию Армении.

Изданная в 1960 году книга А. Б. Кадишева «Интервенция и гражданская война в Закавказье», рассчитанная на офицерский состав советской армии, предоставляет подлинные документы о том, с кем и за что боролся дашнакский полковник Гарегин

Нжде в 1920 году, а также с неожиданной стороны освещает любимую тему Пашиняна о экзистенциальной угрозе. Никакой армяно-турецкой войны не было. Была армяно-большевистская война 1920-21 годов. В 1920 году Арменией управлял кабинет министров из членов дашнакской партии во главе с премьером С. Врацяном.

«К осени 1920 года Армения получила от Антанты и США вооружение, снаряжение и обмундирование, были закуплены для нее и самолеты, – пишет Кадишев. – Дашнакские части в пограничной зоне – 6830 штыков, 1130 сабель, 66 пулеметов, 26 орудий, 3 бронепоезда. Численность различных банд в тылу – 7450 штыков и 3 пулемета».

Автор приводит отрывок из книги Г. Гарибжаняна «Коммунистические организации Армении в борьбе за победу Советской власти»: «Дашнакская газета «Арач» писала 20 ноября: «Для своего спасения у Армении есть только один путь – найти общий язык непосредственно со своим соседом – Турцией. Если армянский народ хочет жить и обеспечить свое государственное и физическое существование на продолжительное время, то он должен иметь не русскую, а турецкую ориентацию».

Полевые командиры, в том числе и дашнак, полковник Нжде, были согласны с позицией дашнакской партии и правительства, опубликованной в их газете. И в отношении советской власти, и в отношении Турции.

Кадишев: «Представитель Советской России в Армении Лэгран 20 ноября писал в Наркоминдел, что, по имеющимся сведениям, дашнаки путем максимальных уступок стремятся добиться самостоятельного соглашения с турками, чтобы таким образом остаться у власти».

Турецкая армия 7 ноября 1920 года беспрепятственно заняла город Александрополь (ныне Гюмри – **Ред.**). А боец с турецкой оккупацией Нжде в это время воевал с частями большевиков. Нжде и Дро были одними из главных руководителей вооруженного сопротивления 11 Красной Армии. В Зангезуре располагался отряд Нжде, который принял участие в начавшемся 10 октября 1920 года Зангезурском восстании против вошедших в Армению частей 11 Красной Армии.

Кадишев: «7 ноября турки заняли Александрополь (Гюмри). Дашнакская армия отошла на Каракалис, Баш-Абаран и Эривань. В этот период Советское правительство предложило Турции приостановить наступление, а Армении – ввести Красную Армию для защиты от турок. (журнал « Вопросы истории», №9, 1951 г. – **Авт.**) Но дашнакское правительство отклонило предложение о помощи Красной Армии».

Несмотря на это, части 11 Красной армии входят в Армению. Реакция была бурной, из книги Кадишева: «Восстание в Зангезуре охватывало все новые районы. Дашнаки убивали большевиков, сочувствующих советской власти. Восстание руководилось из Эривани. Разведсводка от 28 октября 11 Красной армии сообщала: «Появление этих сведений в сводке Главкома Армении окончательно подтверждает руководство и организацию Зангезурского восстания армянским правительством, на службе которого состоит Нжде».

При этом в книге ни одного эпизода борьбы дашнаков с турками. Отношение городского населения к правлению дашнаков высказано предельно ясно в оппозиционной газете «Мшак».

А.Кадишев: «3 декабря 1920 года армянская буржуазная газета «Мшак» писала: «Армянской армии почти не существует больше. Крах государства полнейший. Бумажные деньги потеряли всякую ценность. Грабит всякий, кто может, начиная с министров. Партия дашнакцутюн совершенно дискредитирована. В Армении нет такого человека, кто не проклинал бы ее».

Занятие Гюмри турками сыграло положительную роль. Кадишев сообщает, что сюда не вошли части 11 Красной армии, при этом турки не позволили дашнакам провести мобилизацию для борьбы с советскими частями, население было обеспечено продовольствием.

В первые годы установления советской власти в Армении местные историки если и писали о геноциде, то геноциде, учиненном дашнаками в собственной стране и о ведущейся в Армении гражданской войне. Вхождение турецких частей в Гюмри спасло местное население от голода и от мести дашнакского правления. Гюмри был центром майского восстания в Армении против дашнаков.

Ситуация в Армении описана в приведенной в книге Кадишева ссылке на доклады 2 конгресса Интернационала, изданные Коминтерном в Петрограде в 1920 году. Из доклада 2-го конгресса «Преследование большевиков по всей Армении»: «В Александрополе дашнаками расстреляно около 100 человек и арестовано 2500. Рабочие организации разгромлены. В Карсе расстреляно 50 и арестовано около 100 человек. В районе уничтожено много деревень и убито много восставших крестьян. То же происходило и в Делижане, Ново-Баязете и других местах».

«Прежде всего дашнакское правительство пыталось захватить Александрополь как центр и наиболее опасный очаг восстания... Дашнакское правительство стянуло к Александрополю войска численностью в 1000 человек с 6 пушками. Командовал ими главарь маузеристов, начальник 4 бригады Сепу. Часть этих войск состояла из турецких беженцев – армян...»

В Гюмри жило много армян, выходцев из Турции. Пятью годами ранее эти люди нашли приют в Армении, бежав от «ужасов геноцида», и теперь они платят «благодарностью», атакуя население одного из городов спасительницы Армении.

«В ночь на 14 мая дашнаки ворвались в город и захватили его. Восстание было обезглавлено», – из книги Кадишева.

Турецкие армяне Александрополя восстают против «родных» дашнаков и не оказывают никакого сопротивления турецким «оккупантам» на всем протяжении их пребывания в Гюмри и его окрестностях. Очень странный геноцид и очень странное поведение «жертв геноцида». В этот период из Армении исчезает, казалось бы, очень сейчас нужный Андраник. Главным спасителем становятся премьер дашнаков С. Вранцян и Нжде – ярый сторонник союза Армении с Турцией против советской России.

В Армении на тот период находилось до 300 тысяч беженцев из Турции, и они принимали участие в событиях: одни на стороне восставших, другие на стороне дашнаков. Такая неблагодарность невероятна для бежавших от «геноцида» в отношении страны, спасшей ее от того самого «геноцида».

Далее автор пишет: «Конница турецких армян наступает на дашнаков». То есть, турки и турецкие армяне всего через пять лет после «геноцида» выступают единым фронтом против дашнаков... Значит, есть глубокие причины этой неблагодарности, враждебности беженцев к дашнакскому правительству.

Читаем в книге А. Кадишева: «Начальник АРА (Американская администрация помощи) Герберт Гувер в своих мемуарах писал, что «дашнакское правительство получило в 1918 году из США займов на более чем на 28 миллионов долларов. Дашнаки услужливо помогали американцам хозяйничать в Армении, превращать ее в плацдарм для осуществления империалистических планов США на Кавказе и Ближнем Востоке». 28 миллионов долларов в 1918 году равноценно 800 миллионам в 2018 году. И при этом высокая смертность от голода как в самой в Армении, так и в армянских провинциях Турции, что и привело к претензиям к правительству дашнаков.

Кадишев: «По официальным данным, в течение шести месяцев 1919 года в Эчмиадзине только от голода погибло 4000 и в Эривани – 14000 человек». Он приводит данные из донесения уполномоченного американского Красного Креста от 14 апреля 1919 г. в американское посольство в Константинополе. «По данным этого документа, на 950 000 жителей Армении приходится 300000 беженцев. В Караклисе ежедневно от голода умирало до 30 беженцев, в Александрополе – до 200-250. В Игдыре целая семья из 12 человек вымерла за одну неделю... В одной из деревушек близ Еленовки 15 младенцев было брошено беженцами, так как не было пищи для всех».

Особое внимание обращено на выводы доклада Красного Креста: «Данный продовольственный кризис сводится к тому, что армянское правительство находится в слишком большой зависимости от американской помощи вместо получения таковой от собственного богатого класса». Это прямое обвинение власти в сокрытии американской помощи от населения.

С появлением турецких войск в Гюмри налаживается поставка продовольствия в этот город. Это не первый случай, когда пребывание турецких войск оказывало помощь армянскому населению, ранее турки остановили военные действия между Грузией и Арменией. Стоило уйти туркам в 1918 году, и вновь резко обострились отношения между Арменией и Грузией.

«5 декабря 1918 года, после ухода турок меньшевистские войска Грузии заняли Ахалкалаки. Претендуя на этот район, дашнаки потребовали, что бы меньшевики вывели отсюда свои войска до разрешения вопроса об этом районе. В то же время в район Богдановки Ахалкалакского уезда вступил эскадрон дашнакской конницы... Военные действия вызвали новый взрыв шовинизма как в меньшевистской Грузии, так и в дашнакской Армении». И как следствие – провал в экономике, голод. Это при фантастической по размерам американской помощи Армении продовольствием и займами в размере 28 миллионов долларов.

Что символизирует памятник Нжде?

Памятник гитлеровскому прихвостню. Но не только это возмущает РФ, весь СНГ. Памятник Нжде – символ отдаления от России, именно так воспринято в Москве. 1920 год – слишком близкая история, чтобы не знать истинных мотивов инициаторов установки этого памятника.

Экс-президент С. Саргсян не учел, что памятник Нжде – это и символ стремления дашнакской партии к сближению Армении с Турцией в 1920 году. Полковник Нжде был одним из активных сторонников совместной с Турцией, Грузией и Азербайджаном борьбы против советской России. Это особенно явно проявилось во время наступления 11 Красной армии на Тифлис.

Нжде и другие полевые командиры ударили в спину большевикам и сорвали первую атаку 11 Красной армии на Тифлис. Дашнаки, в частности, Нжде, воевали за перспективный, с их позиции, союз Турции с республиками Закавказья в борьбе против Ленина.

Это поразительно для власти страны, которая всего пять лет назад пережила «армянский геноцид». К тому же приняла 300 тысяч «жертв геноцида» из Турции. Настолько Нжде был верен этой исторической комбинации – федерации Армении, Грузии, Азербайджана с Турцией – и настолько был уверен в ее жизнеспособности, что памятник Нжде – скорее символ турецкого влияния, возрождения турецкой империи, благодарности за спасение от голода 1920 года, чем символ армянского национализма. Каким его хотел представить Серж Саргсян? Он подарил Еревану загадку – что на самом деле символизирует памятник Нжде.

Часть ереванской элиты рьяно отстаивает памятник Нжде потому, что это символ другой истории, другого пространственно-временного континуума, другой версии «Армения от моря до моря». Версия такая: Армения от моря до моря в составе союза с Грузией, Азербайджаном и Турцией. В полной мере эти замыслы дашнакской партии, Нжде и других командиров раскрылись во время Тифлисской операции.

«Тифлисской группе 11 Красной армии была поставлена задача форсировать реки Куру и Храм и на рассвете 16 февраля 1921 года овладеть Пойлинским и Красными мостами».

До наступления на Тифлис, Красная армия взяла с боем Эривань. Затем началось наступление на Тифлис, без зачистки тыла от бандформирований.

Одной из причин возникших проблем при наступлении, по словам Г. К. Орджоникидзе, было то, что «не была ликвидирована крупная вооруженная группа Нжде, скрывавшаяся в Зангезуре». Что и не позволило 11 Красной армии взять Тифлис.

О провале наступления на Тифлис Кадишев пишет: «К западу от Эривани дашнаки начали наступление на Аштарак, Эчмиадзин, который заняли 17 февраля. В течение 16 и 17 февраля на ближайших подступах к Эривани шли ожесточенные сражения.... 17 февраля командующий войсками советской Армении Молкачанов телеграфировал Реввоенсовету 11 армии, что контрреволюционное восстание дашнаков приняло угрожающий характер. Есть основания думать, – сообщалось в этой телеграмме, – что руководящее влияние идет из Турции и Грузии. В Александропольском уезде на помощь повстанцам выступило 2000 кавалерии турецких армян. Для подавления восстания пришлось снять часть сил с тифлисского направления».

Напомним, в Александрополе все это время находятся турецкие войска. Откуда эти две тысячи всадников из турецких армян? Они выступили при поддержке турецких войск, что было бы невозможно, если армяне пережили бы «геноцид». Всего пять лет назад был «геноцид», и вот уже все забыто, и турецкие армяне воюют за «турецкую ориентацию». Армяне в 1920 году не воспринимали события 1915 года в Турции как геноцид.

Еще одно доказательство: турецкие армяне выступают против своих «освободителей» – 11 Красной армии. Турки собирают кавалерию из числа армян-беженцев, живущих в Александрополе.

Не могли турецкие армяне пойти войной против Красной армии, если всего пятью годами ранее был бы «геноцид армян» в Турции. Да еще выступить на стороне турков, если бы считали их кровными врагами. Такое возможно только при одном условии – как минимум, эти две тысячи всадников из числа турецких армян ничего не знали о «геноциде» 1915 года.

Версия об исходящей от турков экзистенциальной угрозе лишается своего базового аргумента. Речь о кавалерии численностью в две тысячи всадников, что говорит о большой поддержке среди турецких армян планов по созданию федерации Армении и Турции. Две тысячи всадников – это, безусловно, регулярные войска. Никакие не добровольцы или отряд армянского полевого командира. Если кавалерия, то далеко не все армяне бежали из Турции «босиком в зимнюю стужу по перевалам». А если так называемые беженцы, то часть людей перебралась со средствами и с намерением не воевать с Турцией, а жить в союзе с ней, в общем государстве.

Турецкие войска, часть турецких армян-беженцев, Нжде и другие главари банд, дашнакская армия и Кабмин дашнаков во главе с премьером Врацяном боролись за общую цель – присоединение Армении к Турции на правах созданной Нжде Зангезурской автономии. Трагедия современной Армении в незнании правды о 1920 годе, в пребывании в лживой версии истории. Реальные события описаны Кадишевым.

Части 11 Красной армии из Армении направляются на Тифлис. Дашнаки тут же поднимают восстание, и 18 февраля гарнизон 11-ой армии вынужден оставить Эривань. Читаем в книге А. Кадишева: «Дашнаки, захватив Эривань, создали «Комитет спасения родины» во главе с тем же Врацяном. После занятия дашнаками Эривани военный представитель Турции в Эривани капитан Бахаэддин на устроеном дашнаками митинге поздравил их от имени турецкой армии и заверил, что турецкие войска будут переброшены через Ахалцих в Азербайджан на борьбу с Советской властью».

Кроме историков, никто из наших современников-армян не знает этого эпизода. Но каждый раз, глядя на памятник Нжде, армянские историки – специалисты по советскому периоду – прячут улыбки, вспоминая офицера турецкой армии, которого пригласили выступить на митинге по поводу создания независимой Армении как дружественной Турции страны. Могло ли такое произойти всего через пять лет после «геноцида»? Конечно, нет.

Не так уж и сложно найти книгу военного историка А. Б. Кадишева, где описан тот самый митинг дружбы и военного сотрудничества Армении и Турции, на котором было публично объявлено о единой стратегии – создании федерации с участием Турции и республик Закавказья. С политической и экономической позиции – вполне жизнеспособная конструкция, если бы не возражения единственного союзника Ататюрка – Советской России, которой так же, как и Турции, нужны были бакинская нефть и черноморские порты.

Заметьте, что «Комитет спасения родины» дашнаки создали не во время «армяно-турецкой войны», а во время наступления 11 Красной армии на Тифлис, когда этот самый Комитет возглавил восстание против оставшихся в Армении частей 11 Красной армии.

Причина восстания – до последнего дня пребывания турецких войск на территории Армении у Нжде и других лидеров дашнакской партии и правительства дашнаков была надежда на вовлечение Турции в борьбу с большевистскими войсками и изгнание из Закавказья частей 11 Красной армии. Турция не предала своего союзника – Россию, и турецкие войска в Армении не принимали участия в боевых действиях ни на стороне дашнаков, ни Красной армии. Но скрытая поддержка дашнаков была, производилась доставка в Армению оружия Антанты через Турцию и снабжение оружием тех же 2000 кавалеристов из числа турецких армян.

Описывая восстание и краткое возвращение к власти дашнаков, автор ссылается на ряд работ, в частности, на работу А. М. Акопяна «Гражданская война в Армении в 1921 году». Позднее гражданская война была названа армяно-турецкой войной 1920-21 годов, которой не было. Наоборот, было сотрудничество. Никакого сопротивления среди властных структур, буржуазии и населения идее создания федерации с Турцией в Армении в тот период не было. Лидеры дашнакской партии, Нжде и другие боевые командиры оттого и бились с большевиками яростно, что была надежда на вовлечение Турции в активные боевые действия против Красной армии.

Турецкие войска покинули Армению только после полного разгрома частями 11 Красной армией дашнакских боевых отрядов. В составе 11 Красной армии находилась так называемая 1-ая Армянская бригада, которая принимала активное участие в усмирении дашнакского восстания. Но турки, несмотря на посулы Франции, обещавшей Турции за участие в борьбе с 11 Красной армии вернуть Фракию и Смирну, не нарушили договора с советской Россией. Турция рассчитывала на победу над Красной армией усилениями трех закавказских республик. Этого не произошло.

История военно-политического сотрудничества дашнакского правительства и Турции в 1920 году подтверждает, что не было никакой из глубин веков идущей вражды между армянами и турками. Это сотрудничество в 1920 году считалось турками, армянами, азербайджанцами и грузинами перспективным вариантом развития в рамках федерации республик Закавказья и Турции.

Азербайджанские, грузинские, турецкие историки зафиксировали 1918-1921 годы как период борьбы двух моделей: Кавказ с Россией или с Турцией. Позднее армянские историки преподнесли этот период как безоговорочную поддержку Арменией предложения о вхождении в состав будущего СССР. Тогда как Армения оказала сопротивление частям 11 Красной армии.

Только безграмотный экс-президент С. Саргсян, перенапичканный штампами об армяно-турецкой вражде, мог поставить памятник полковнику Нжде, воевавшего за армяно-турецкую федерацию. Только еще более примитивный Пашинян мог говорить о экзистенциальной угрозе. Поставить памятник человеку, которого объективные историки считают одним из самых активных сторонников в 1920 году армяно-турецкого военно-политического союза! Пашинян не намерен сносить этот памятник, он не понимает, что на самом деле происходило в 1920 году, и насколько близки были в тот период Армения, Турция, Азербайджан и Грузия к созданию кон-

федерации. А если Пашинян знает о реальных событиях 1920 года, то тогда его защита памятника Нжде – это приглашение Турции к диалогу. А его слова об экзистенциальной угрозе – блеф, попытка «втолкнуть» в Карабах Москву и заставить сыграть в свою игру.

Когда будет опубликован сверхсекретный для армян документ о выступлении в Ереване на митинге турецкого офицера, у многих возникнет интерес к подлинному 1920 году, в котором могла стартовать совсем иная история Армении, всего Кавказа – история сотрудничества с Турцией, когда Кавказ мог оказаться в совершенно ином государственном образовании, лучше или хуже СССР – никто не знает, но то, что это была бы иная история и иные стереотипы – несомненно. Рядом с лидером дашнакского правительства Врацяном на митинге в Ереване в 1921 году стоял турецкий офицер Бахаэддин, который выступил с вдохновляющей речью. Глядя на памятник Нжде, ереванцы рано или поздно вспомнят и о выступлении турецкого офицера, и о намерении дашнакского правительства подписать договор о дружбе и сотрудничестве с соседней Турцией.

Для Армении советской мифологией была сочинена совершенно искаженная версия событий и примитивная интерпретация событий 1920 года.

Кадишев пишет о пребывании в зоне «турецкой оккупации» в Турции и Армении 571 тысячи человек. Ни слова о притеснениях этих людей. Ни одного примера боевых действия дашнаков против турецких войск. Наоборот, много примеров сотрудничества и помощи. Именно в Александрополе американцы открыли приют для армянских сирот-беженцев. Причина: нет боевых действий там, где турецкие гарнизоны. Здесь не появлялись ни части Красной Армии, ни Нжде и прочие полевые командиры дашнаков.

Если бы в обращении армянских историков к событиям 1920 года было стремление вырваться из ловушки советских штампов и изучить 1920 год без этих навязанных мифов «про 11 Красную Армию – освободительницу от турецкого ига», Армения не попала бы в карабахскую ловушку.

Из книги Кадишева: «Турки все же захватили часть территории Грузии и Армении площадью в 24 9967 кв. км с населением 571560 человек». Которых спасли от ужасов гражданской войны. Причем, немалую часть населения. Плотность населения – 23 человека на 1 кв. км. Общая численность в Армении по Кадишеву на тот момент была 900000 человек, из них 300000 – беженцы. То есть, как минимум, треть населения Грузии и Армении была под охраной турецких войск, спасена от участи вовлечения в ужасы гражданской войны. Люди не убегали из городов, занятых «угнетателями», скорее, наоборот, собирались под их охрану. Важная деталь: из книги Кадишева видно, что большая часть беженцев-армян перебралась именно в Александрополь, под охрану гарнизона турецких войск.

Так ли армяне ненавидят турок?

Для незнающих своей подлинной истории начала 20 века армян прочтение книги Кадишева – шок. В ней реальная история Армении 1917-21 годов. Книга кандидата военных наук предназначена для офицеров и потому лишена пропагандистского блефа. Турки, армяне и турецкие армяне, в том числе Нжде, Дро и другие лидеры дашнакской партии сообща боролись за присоединение Армении к Турции, создание государства от Черного моря до Каспийского моря.

Армянские отряды воевали за этот союз страстно, до последнего дня. И это через пять лет после «геноцида»? Шок в том, что премьер С. Врацян, дашнакская партия, турецкий офицер Бахаэддин и командующий Восточным фронтом турецкой армии Кязым-паша – исполнители единого плана. Такое в страшном сне не могло присниться современным армянским националистам. Но было целью дашнакской пар-

тии в 1920 году. Поэтому против этого плана воевали курдские отряды – против Нжде и других полевых командиров, что и отмечает Кадишев. Курдов не устраивал союз Армении с Турцией. С позиции дашнаков образца 2000 года дашнаки образца 1920 года – предатели. С позиции дашнаков 1920 года дашнаки 2000 года – враги армянского народа. Разгром в Карабахе доказал, кто из них прав.

В книге Кадишева изложена объективная история, его книга не такая уж и редкость, была во многих библиотеках военных частей, гарнизонов, учебных заведений, домов офицеров. Конечно, это потрясение: идеолог армянского превосходства Нжде боролся вместе с турками за независимость от советской России и за союз с Турцией.

«Позабыв» о турецких войсках в Армении, армяне атаковали части 11 Красной армии и сторонников советизации среди армян. Дашнак Сепу безжалостно расправился с пробольшеvistки настроенными армянами во время их выступления в Александрополе. Сепу потребовал от Ревкома 11 Красной армии выдать главарей большевистского восстания в Александропольской области.

Поэтому во время штурма Тифлиса 17 февраля в Реввоенсовет 11 Красной армии пришла телеграмма из Армении от командира оставленной в Армении военной части красных. Сообщалось, что «контрреволюционное движение дашнаков приняло угрожающий характер. Есть основания думать, что руководящее влияние идет из Турции и Грузии. В Александропольском уезде на помощь повстанцам выступило 2000 кавалерии турецких армян».

Мало того, что армяне Армении поддерживали турок, так еще и турецкие армяне тоже были с ними заодно и прибыли подавлять восстание пробольшеvistки настроенных армян.

Эти 2000 всадников из числа турецких армян никак не вписываются в блеф о «геноциде». Парни пришли из Турции и прибыли оттуда воевать за общее с Арменией дело – выгнать красных и создать союз с Турцией и республиками Закавказья. Очень странно такое читать современным армянам. Но это реальная история: всего через пять лет после «геноцида» турецкие армяне присылают отряд кавалерии на подмогу дашнакам в борьбе с 11 Красной армией и с армянами – противниками союза Армении и Турции.

Для армян, воспитанных как С. Саргсян или Н. Пашинян в ненависти к туркам и азербайджанцам, то, что изложено в книге Кадишева, вызывает шок и потрясение. Но слов из песни не выкинешь. Армения боролась за военный союз с Турцией.

Нжде – неудачная кандидатура. Творцу теории армянской исключительности сотрудничество его родной партии дашнаков с Турцией никак не помешало стать идеологом этой самой забавной исключительности в истории. Гораздо лучше смотрелся бы памятник премьеру дашнацкого правительства С. Вранцян рядом с тем самым турецким офицером Бахаэддином, выступившем на ереванском митинге. Рядом стоило поставить фигуру американца Герберта Гувера, благодаря которому Армения в 1920 году получила заем от США в размере 28 миллионов долларов.

Вот такой памятник был бы в полном соответствии с правдой истории. Хочется верить, что подлинная история событий 1920-21 годов неминуемо станет известна в Армении, – история о той самой турецкой ориентации, о которой думали премьер Вранцян, Нжде и Гувер и Кязым-паша, командующий Восточным фронтом.

Экзистенциальную угрозу для армянского народа несут бредовые измышления Пашиняна о взаимной ненависти армян и турок, армян и азербайджанцев. Всем певцам экзистенциальных угроз стоит найти и прочитать книгу А. Кадишева, после прочтения которой совершенно естественным будет предложение о возведении в Ереване памятника армяно-турецкой дружбе и сотрудничеству.

РАШИД КЕРИМОВ

Памяти друга

А ветер все воет и воет,
Поземка метет и метет,
Как будто мы снова с судьбою
Грыземся всю ночь напролет.

За окнами стужа свирепа,
Особенно мрачной порой
Знакомы нам грохот на небе
И шепот молвы за спиной.

Росли мы, мудрея при этом;
С трудом, но изгнал я червя,
Что ползал, под сердцем пригретый,
Глодая его втихаря.

Внезапен был взрыв небосвода,
И, перелопатив умы,
Менялась на свете погода,
А с нею менялись и мы.

Ветра карабахские дули,
Машины нещадно трясло,
Как роем летящие пули,
Снежинки врезались в стекло.

На сердце тревожно и вьюжно,
Туманен вдали горизонт.
Мы мчались, когда было нужно
Доставить патроны на фронт.

Напрасно беснуется вьюга,
Опять там забрезжил рассвет.
Тебя лишь, погибшего друга,
Со мною теперь уже нет.

Лишь ветер по-прежнему воет,
Поземка метет и метет,
Но чудится: вновь мы с тобою
Несемся всю ночь напролет.

РУФАТ МУСТАФАЗАДЕ

Зеленая скала

Рассказ

1

2018-ый год. Баку.

Гасан проснулся ночью в холодном поту. Ему приснился сон-кошмар, в котором он, как и двадцать пять лет тому назад, в далёком 1993-м году, бежал из родного села Кельбаджарского района. Во сне Гасан увидел Айгюн, любимую девушку, слёзно умолявшую не оставлять её, взять с собой. «Не переживай, любимая, скоро увидимся в Гяндже», – во сне, как и наяву, сказал ей Гасан... а потом вдруг разверзлась гора Муровдаг и Айгюн исчезла, оставив после себя лишь белую шерстяную шаль.

Гасан проснулся и уже не пытался больше заснуть. Он встал, прошёл на кухню своей холостяцкой квартиры, отпил холодной воды. Немного успокоился, после чего картинка из далёкого прошлого снова ожила, предстала перед его глазами, но уже в виде чёрно-белого кадра из старого документального фильма.

Ему двадцать лет, ей – восемнадцать. Он приходит попрощаться, смотрит в последний раз в её чёрные, словно угольки, глаза...

Да, они с Айгюн не были даже обручены и жили каждый в своей семье: Гасан, круглый сирота, жил с дядей, его женой и детьми, а Айгюн жила со своими родителями, людьми обеспеченными – конечно, по местным деревенским меркам.

После того, как армянские войска начали наступление на Кельбаджар, дядя Гасана, хоть и не бессребреник, но человек довольно равнодушный к материальным благам, погрузил всё самое, как он считал, необходимое во внедорожник «Ниву», и семья оставила дом, закрыв дверь на простой незатейливый замок.

Отец же Айгюн никак не мог расстаться со своим внушительным стадом: коровами и баранами.

– Мы на вертолёте прилетим, если что, не волнуйтесь, – хмуро сказал он, когда Гасан с дядей всё же заикнулись о том, чтобы Айгюн ушла вместе с ними. – Не полагайся незамужней девушке покидать дом одной, без матери и отца...

С тех пор прошло двадцать пять лет... Уже работая в полиции, через своих знакомых в Министерстве национальной безопасности Гасан выяснил, что Айгюн и её родители так и не улетели на вертолёте и что их точно нет среди более пятисот мирных жителей Кельбаджарского района, убитых в ходе оккупации армянской стороной. «В лучшем случае они попали тогда в плен», – пришёл к заключению он, однако от этой мысли ему, наслышанному об издевательствах армян над пленными, стало физически больно за бедную Айгюн.

Но время, если не лечит, то притупляет боль...

«Сегодня я, наконец, увижу родные места и, может, даже узнаю, что же с ней произошло», – Гасан тяжело вздохнул и посмотрел на часы: он ждал машину, которая должна была довезти его до северного подножья Муровдагского хребта, отделяющего Азербайджан от его собственной территории, находящейся под армянской оккупацией.

Да, сегодня был особый день. Гасан, отставной майор полиции, на свой страх и риск намеревался проникнуть за линию фронта, чтобы соприкоснуться со своим прошлым, не оставившим его в покое все последние двадцать пять лет...

Машина подъехала вовремя. Гасан вежливо поздоровался с водителем, нанятым им по Интернету, но затем полностью ушёл в себя и за все шесть часов пути не проронил ни слова. Он даже старался не смотреть по сторонам... Обхватив голову руками, он почти всю дорогу сосредоточено повторял в уме: «Ашот Ованесов, Ованесов Ашот, родился в Ереване» – свою «легенду», своё новое имя. У подножья Муровдага Гасан вышел из машины и пошёл лесной тропой. Здесь уже можно было встретить армянских пограничников, и поэтому Гасан был одет, как обычный армянский военнослужащий, в военную форму цвета хаки. Благодаря этому камуфляжу он сливался с окружающим его лесом, к тому же такая одежда спасала от холода гор, пронизывающего насквозь. Ему предстояло пройти много километров по диким местам, горам, снегу и бездорожью...

Однако Гасан давно готовился к этому дню. А после того, как вышел в отставку, уже и думать не мог ни о чём, кроме как о «возвращении домой». Гасан неплохо владел армянским языком, ещё с тех кельбаджарских времён, но тем не менее в последний год усердно занимался с педагогом армянского – азербайджанцем, беженцем из Еревана, преподавателем одного из бакинских вузов – чтобы ещё лучше вжиться в свою «легенду», говорить по-армянски чисто, на ереванском диалекте. Естественно, что Гасан не распространялся о своих планах. Добродушный педагог, скорее всего, даже не догадывался, зачем Гасану, бывшему полицейскому, вдруг понадобилось поработать над своим армянским произношением... А вот Айдын, старый знакомый по службе в полиции, доставший для Гасана армянский паспорт и армянскую сим-карту, знал, конечно, всё! «Я найду данные человека, похожего на тебя, и сделаю точную копию армянского паспорта. Так что можешь не волноваться, если тебя будут пробивать по компьютеру. Хорошо, что у тебя типичное лицо. Не обижайся, но есть много армян с такими лицами», – сказал он и спустя некоторое время передал Гасану документ с лицом, так похожим на лицо Гасана... «Ашот Ованесов, – прочёл тогда Гасан. – Родился в Ереване». «Совсем обычный армянин, работает учителем истории в ереванской средней школе. Ну, что скажете, Гасан-муаллим, похож на вас?» – спросил Айдын, и Гасан пригляделся ещё внимательнее. Да, действительно, Ашот Ованесов был довольно похож на него. Правда, чуть полнее и чуть постарше, с мешками под глазами, но ... Гасан, бывало, и сам на себя был похож меньше, чем на Ашота Ованесова!

Густой туман в горах постепенно рассеялся, и пошёл сильный дождь. Однако для Гасана это было, скорее, на руку. Он специально и выбрал «время тумана и дождя», потому что при такой погоде было очень маловероятно, что его заметят. Хотя и был риск, что он сам заплутает и окажется лицом к лицу с врагом! Но Гасан свободно ориентировался в окружающей местности, годы подготовки не прошли даром. Он прекрасно знал, что армяне не в силах контролировать всю прифронтовую зону. «Не попасть бы на мины» – это было для него намного большей угрозой в кельбаджарском лесу! К счастью, Гасан благополучно спустился с горы. Ещё несколько километров, и он оказался в так хорошо ему знакомых местах. Дождь прекратился, Гасан отбросил в сторону дождевик, впереди виднелись первые сёла родного Кельбаджарского района... Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что они, эти сёла, не имеют ничего общего с его воспоминаниями. Вместо обжитых домов показались одни развалины. Да, после многочасового перевала взору Гасана предстала выжженная земля, цинично названная армянами «поясом безопасности» Нагорного Карабаха. Площадь всего этого пояса почти в два раза превышала площадь самого Нагорного Карабаха, ради «безопасности» которого этот пояс создавался!

Вокруг была тишина. Гасан чувствовал себя если не в полной безопасности, то вполне свободно, как вдруг услышал шорох, а потом увидел, как что-то «дёрнулось» в районе сельского кладбища. «Птичка? – предположил Гасан. – А вдруг человек?» Он решил на всякий случай не оглядываться, и ускорил шаг.

Гасан прошёл, почти пробежал несколько километров, когда окончательно решил, что если это и был человек, то, скорее всего, соотечественник-азербайджанец, раз предпочёл не показываться на глаза «армянскому солдату». Гасан слышал о беженцах из Кельбаджарского района, время от времени навещавших свои сожжённые в пепел дома и могилы давно умерших родственников. Как же им удавалось сюда проникать? Да, некоторые рисковали, как Гасан, но он слышал и истории о тех беженцах, которые предпочитали договариваться с армянскими пограничниками и военными патрулями! Да, эти люди были согласны заплатить оккупантам лишь за то, чтобы взглянуть на развалины собственных домов! С другой стороны, Гасан понимал их чувства. Ведь он сам долгие годы страдал от щемящего чувства невозможности – невозможности вдохнуть родной воздух и физически прикоснуться к собственным корням!

На подступах к родному селу Гасан снял военную форму и аккуратно сложил её в рюкзак. Здесь уже было не так холодно, хотя и день близился к закату. И Гасан пошёл вдоль реки Тертер! Когда-то они с Айгюн очень любили приходить сюда. Да, многое изменилось с тех пор, однако река текла, как и прежде. Гасан будто снова услышал нежный голос Айгюн, переливающийся в унисон с журчанием бурного ручья.

А вот и родное село! Вернее, родные руины. Гасан никогда бы не узнал это место, не будь, как и прежде, двух горбообразных холмов вокруг. Да, холмы по-прежнему были зелены и полны жизни, резко контрастируя с безжизненным селом, изуродованным взрывами, временем и мародёрами.

А раньше, в сущности, не так давно, здесь жило около тысячи человек. В основном, азербайджанцы, но жили и русские, и курды. Единственная армянская семья – тётя Рита и дядя Левон, бездетные муж и жена, благодаря которым Гасан так хорошо говорил по-армянски, почти так же хорошо, как по-азербайджански, умерли загадочной смертью ещё в начале 1988-го года. Уже тогда отношения между народами были испорчены, и даже у них в селе появились первые азербайджанцы-беженцы из Армении, что очень расстроило дядю Левона, но ещё не была пройдена точка невозврата!

Гасан, рано оставшийся без родителей и воспитывавшийся в семье дяди, довольно часто забегал к соседям-армянам. И они всегда встречали его по-доброму, с улыбками на лицах. Дядя Левон, мастер на все руки, шутник и остряк, просто обожал рассказывать ему анекдоты, сначала на армянском, а потом переводил их же на азербайджанский язык, в то время как тётя Рита, школьная учительница, говорила с ним, в основном, по-русски, читая ему стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многих других. И, странное дело, дядя Левон и тётя Рита никогда не говорили Гасану ни о «великой Армении от моря до моря», ни об «армянском геноциде, единственном в своём роде», ни о «самом древнем и многострадальном народе в мире, первым принявшем христианство». Да, это были замечательные, добрые, по-настоящему мудрые люди, и Гасан их очень любил...

«Может, и хорошо, что они не увидели всего этого. Ведь дальше было намного страшнее». Гасан прошёл мимо останков собственного дома и дома дяди Левона и тёти Риты, достал мобильный телефон и начал снимать на камеру то, что осталось от родной деревни. Да, вокруг были одни развалины. «А вот раньше здесь был сельсовет, здесь, вроде, была школа, а здесь, за углом, мастерская дяди Левона»... Мастерская дяди Левона... Гасан задумался, и время как будто бы замедлило свой ход... Гасан словно воочию увидел коренастую фигуру дяди Левона, склонившуюся над разными деталями, а потом вдруг услышал его последние, сказанные Гасану слова: «Приходи к нам завтра утром, поговорим»... Но завтра ... так и не наступило, вернее, наступило «неправильное», жестокое завтра... На следующий день в условленный час Гасан обнаружил дядю Левона и тётю Риту мёртвыми в их же собственной спальне. Следов насилия не было, и Гасан подумал даже, что они просто спят...

Однако неестественная тишина подтолкнула его к страшной догадке...

Гасан слишком погрузился в свои воспоминания и не сразу заметил, когда с горбообразных холмов стали спускаться вооружённые автоматами люди. «Армяне! Кто же ещё! Вот я дурак! И зачем я снял военную форму?!» – Гасан не успел укрыться, как вдруг раздались звуки автоматных очередей. И стреляли прямо в него! «Я – армянин, я безоружен. Пожалуйста, не стреляйте», – успел по-армянски выкрикнуть он, а после того, как всё стихло, с поднятыми руками пошёл навстречу стрелявшим в него людям...

2

Четыре человека, вооружённых автоматами, смотрели на него настороженно, не спуская с глаз. И пальцы они по-прежнему держали на спусковых крючках. Казалось, вот-вот опять раздадутся выстрелы, но это уже будут последние выстрелы для Гасана... Что делать? Солдаты, а это, судя по всему, были не пограничники, а военный патруль, молчали, поэтому Гасан заговорил сам, стараясь как можно чётче выговаривать слова.

– Я – армянин и я безоружен, – повторил он.

Один из четверых зашевелился.

– А что ты здесь делаешь? – спросил он, вероятно, главный, их командир.

– Что? Это ведь наша земля, ара, – ответил Гасан. – Я тут гулял и немного заблудился, – секунду спустя добавил он.

«Главный» подозрительно посмотрел на него. Да, Гасан говорил правду с армянской точки зрения: армяне считали эту территорию исконно своей, впрочем, как и половину земного шара... Но, с другой стороны, сюда они практически никогда не заходили, ведь здесь не было золота, как в западной части Кельбаджарского района, где они незаконно эксплуатировали рудники.

– Обыскать его! – рявкнул «главный», и три человека обшарили карманы Гасана, сняли с него рюкзак, достали паспорт и мобильный телефон...

Паспорт, как и обещал Айдын, не вызвал подозрений, Гасану быстро вернули его обратно. А насчёт мобильного телефона Гасан и не волновался. Ведь там он не держал ничего компрометирующего, ничего такого, что могло бы бросить тень на его армянское происхождение. Готовясь стать Ашотом Ованесовым, Гасан предусмотрительно удалил всю информацию, в том числе и все азербайджанские контакты из своего телефона, а затем добавил из Интернета даже несколько армянских номеров для правдоподобия собственной «легенды». Оставался только один вопрос: «Зачем Ашоту Ованесову, школьному учителю из Еревана, вздумалось снимать на камеру развалины азербайджанского села? Зачем?»

И его спросили как раз-таки об этом!

– Слушай, ара, – с расстановкой проговорил командир военного патруля. – А что такого интересного ты там увидел, что начал снимать? Можешь объяснить, а?

– Много чего, дорогой. Посмотри, – ответил Гасан просто для того, чтобы выиграть время. Ничего не приходило ему в голову, кроме «исконно армянских земель»...

И армянский командир «нажал на видео». Он стоял прямо напротив Гасана, поэтому Гасан, конечно, не мог смотреть своё видео вместе с ним, а мог только наблюдать за его реакцией.

В первые минуты лицо «главного» было непроницаемо. Но вдруг...

– А, понятно, ара, так бы и сказал, – он неожиданно рассмеялся, оставив Гасана в полном недоумении. «Что же такого смешного в этих кадрах?» Гасана так и подмывало об этом спросить, но в таком случае он точно выдал бы себя. Поэтому Гасан прикусил язык...

– Ашот-джан, так значит, ты учитель истории из Еревана и пишешь историю Арцаха, дорогой? – несколько минут спустя Гасан уже сидел в патрульной машине, везущей его в центр Нагорного Карабаха, город Ханкенди. Ему удалось найти общий язык с армянскими военными, в особенности с их командиром, непонятно как, но благодаря своему «печальному» видео. «Надо будет внимательно просмотреть потом, что я снял, когда останусь один».

– Новейшую историю Арцаха, – с выражением ответил он. – Я пишу про то, что именно произошло во время и после того, как мы смогли вернуть наши земли.

– Бог тебе в помощь, ара! Можем помочь тебе чем-нибудь? – «главный» спросил больше из вежливости, но Гасан «зацепился» за его слова.

– Очень прошу тебя, брат, помоги мне с государственным архивом! – слёзно попросил он. – У меня было разрешение на посещение, но я его, к сожалению, потерял. Помогите мне, а! Я же никому не скажу, что вы в меня стреляли, – Гасан рассмеялся, – или расскажу об этом так, как вы хотите...

Благожелательность «главного» мгновенно улетучилась.

– А у тебя точно был пропуск? Не врёшь? – недоверчиво спросил он.

– Конечно, не вру. У меня и сейчас он есть, только электронный, – с этими словами Гасан показал фото в своём смартфоне. Да, Айдын сделал для него и разрешение на посещение архива, но посоветовал не распечатывать, держать только в электронном виде...

– А, понятно. Тогда без проблем, брат, – черты лица командира патруля разгладились, он взял рацию-телефон, связался с кем-то «наверху», и спустя некоторое время патрульная машина доставила Гасана в Ханкенди, прямо к зданию Архива... Было уже около шести часов вечера. Времени до окончания рабочего дня оставалось совсем немного, поэтому Гасан, не мешкая, запросил документы по родному Кельбаджарскому району... Да, разумеется, даже ему, армянину, предоставили не всё, но...

Досье. 1993-й год, март-апрель, Кельбаджарский район. Наступление армянских войск. Более пятисот мирных жителей убито, тысячи захвачены в плен. Это всё он и так знает. А есть ли информация по конкретным людям? Кто именно попал в плен, имена и фамилии? Нет, к сожалению, нет никаких имён. Хотя ... вот тут пишут о головах мелкого и крупного рогатого скота, «изъятого» у местного фермера. Кто же, интересно, этот местный фермер? Отец Айгюн? Или такой же бедолага, который никак не мог принять, поверить, что ему что-то угрожает на родной земле...

Итак, мирные жители взяты в плен, но никуда не увозятся из-за «нестабильной политической обстановки» и остаются в оккупированном Кельбаджарском районе. Что же с ними происходит дальше? Немного покопавшись, Гасан находит сообщение-телеграмму, предупреждающую армянских командиров о том, что вскоре в район оккупации должны прибыть с инспекцией международные гуманитарные организации, в том числе и представители Международного Комитета Красного Креста. «Что нам делать? Куда спрятать пленных?» – вопрошают армянские командиры. «Убейте и закопайте!» – получают они приказ¹. «Убить и закопать», – Гасан даже не замечает, как на его глаза наворачиваются слёзы. Значит, вот что, скорее всего, произошло с несчастной Айгюн. Знать бы, где она похоронена... В слезах Гасан переворачивает одну страницу за другой... Все командиры рапортуют об «успешном выполнении приказа», все ... кроме одного... «К сожалению, скрыть всех пленных не получилось. Одной мо-

¹ Министерством национальной безопасности Азербайджанской Республики 6-7 апреля 1993-го года были зафиксированы подобные радиопереговоры армянских командиров, в которых речь шла о том, чтобы «срочно убить и закопать граждан Азербайджана, взятых в плен и в заложники, в том числе стариков, женщин и детей», в связи со скорым прибытием в зону оккупации международных организаций.

лодой девушке удалось сбежать, мы её, конечно, поймали, но было уже поздно, её обнаружили представители Красного Креста и взяли с собой», – Гасан прочитал это сообщение, и ему захотелось верить, что спасённой девушкой была Айгюн... Ему очень захотелось верить, что это была она... «Нужно запросить информацию у Красного Креста! И как я раньше не подумал об этом?»

4

Гасан вышел из Архива. Да, был уже вечер, и он чувствовал себя очень уставшим. Этот невероятно длинный день вместил в себя и виденный им сон-кошмар, и шесть часов пути на машине, и утомительный горный перевал, и многокилометровое пешее путешествие по родным местам, и, наконец, долгожданную встречу с развалинами родного дома. Да, дом был весь в развалинах, но Гасану всё равно стало легче, когда он его увидел... И он успел снять его на камеру. А потом ещё в Гасана стреляли, заподозрив, что он шпион. К счастью, всё обошлось. Он даже сумел с выгодой выйти из этой ситуации и в результате его довели до Ханкенди и допустили в Архив!

«Что же делать дальше? Может, поспать? А завтра с утра – в обратный путь. Больше мне здесь делать нечего». Гасан зашёл в гостиницу, снял номер на одну ночь, но заснуть так и не смог из-за стресса и тяжёлых воспоминаний и решил пройтись по вечернему Ханкенди (Степанкерту)...

Да, в последний раз Гасан был здесь ещё мальчиком, более тридцати лет тому назад. С тех пор изменилось всё! Тогда это была Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской республики СССР, теперь же ... на каждом углу Гасан видел флаги Армении и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах).

Хотя ни одна страна в мире НКР так и не признала, кроме, конечно, самих непризнанных государств: Абхазии, Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республики. Гасан часто слышал (читал в Интернете) призывы армян «признать Карабах», адресованные лидерам мировых держав, и смеялся над абсурдностью и нелогичностью этих обращений: «Вы же сами НКР не признаёте, то есть вы сами понимаете всю незаконность этого образования, так чего же вы ждёте от всех остальных?»

«Попробуют только азербайджанцы отвоевать Карабах силой, так мы сразу его признаем!», – грозились в Армении, однако в Азербайджане прекрасно понимали, что всё это чистый блеф. Ведь «признать Карабах» значило для Армении расписаться в собственной оккупационной сущности, то есть официально признать, что нормы международного права для неё – пустой звук!

Да, по всем законам и нормам международного права Нагорный Карабах принадлежал Азербайджану. Самопровозглашение 2-го сентября 1991-го года «Нагорно-Карабахской Республики» противоречило Конституции СССР, так как территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. А впоследствии, когда Азербайджан стал независимым, его административные границы не могли быть изменены, согласно доктрине *uti possidetis juris*¹, как и границы какого-либо другого государства, обретшего суверенитет.

¹ *Uti possidetis* (лат. «поскольку владеете») – принцип, сложившийся в международной практике, который означает, что новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Единственным исключением в международной практике стал случай республики Косово, независимость которого от Сербии признало большинство стран ООН. Однако правительства США, Великобритании, Италии и других государств, а также секретариат ООН сразу же оговорились, что ситуация в Косове является уникальной и не должна рассматриваться в качестве прецедента для иных самопровозглашённых образований.

К тому же армяне захватили Нагорный Карабах и так называемый «пояс безопасности» силой и тем самым попрали все принципы защиты территориальной целостности стран и недопустимости насильственного изменения границ ...

Усталость всё-таки взяла своё. Гасан вернулся в гостиницу. Но прежде чем лечь спать, он решил просмотреть видео, снятое сегодня на камеру телефона, видео, чудесным образом рассмешившее армянского командира и тем самым, вероятно, спасшее Гасану жизнь! Что же могло быть там смешного? Гасан включил камеру...

Развалины вместо домов. От его дома остался только фундамент, а дом дяди Левона и тёти Риты вообще сравняли с землёй. Вот школа, тоже вся в руинах. Бывшая мастерская дяди Левона. Голые стены. Что же тут смешного? И тут ... Гасан разглядел в самом низу стены мастерской небольшой рисунок, эмблему: скрещённые друг с другом кинжал, перо и лопату... Эту эмблему – символ армянской партии «Дашнакцутюн», экстремистской организации, во время второй мировой войны активно сотрудничавшей с нацистами, не гнушавшейся ничем: преступлениями, террором, убийствами ради «счастья армянского народа», и сыгравшей ключевую роль в разжигании Нагорно-Карабахского конфликта, – он видел сегодня тысячу раз на бумагах и документах в государственном Архиве...

Но какое отношение мог иметь дядя Левон к этой партии? Неужели и он был её тайным членом? Нет, этого не может быть! Дядя Левон был добрым, совсем не таким человеком!

Ошарашенный Гасан принялся раз за разом пересматривать видео, нажимая на «повтор», и вдруг увидел Айгюн... Красавица Айгюн была везде: и в его доме, и в доме дяди Левона и тёти Риты, и в школе, и в бывшей мастерской. Айгюн, словно птица, пролетела над всем селом. Нет, её армянский командир уж точно не мог увидеть. Ведь это была не его боль...

5

Проснувшись, Гасан почувствовал сильный голод. Что было неудивительно, ведь вчера за весь день он практически ничего не ел, не считая взятых с собой из Баку двух-трёх бутербродов.

Гасан вышел на улицу, увидел кафе-ресторан под названием «Миацум»¹ и зашёл туда, пусть название и было неприятно его глазам и уху...

Кроме него, в кафе сидело человек десять. Самые обычные на вид люди. Парень с девушкой что-то обсуждали, отчаянно жестикулируя руками, в то время как двое мужчин средних лет говорили о курсе армянского драма по отношению к доллару, это Гасан слышал отчётливо и ясно. На другом же конце кафе сидела женщина с двумя детьми. Дети баловались, время от времени подбегали к Гасану, что-то лепетали и убегали обратно. Обычные дети... Неужели и они вырастут слепыми националистами, плачущими о геноциде и мечтающими о возрождении «великой Армении», самовлюблёнными фальсификаторами, игнорирующими здравый смысл, законы и Международное право?..

Вскоре принесли меню. В меню кафе «Миацум» значились «национальные армянские блюда» на армянском языке, но почти все слова, понятное дело, были тюркско-азербайджанские: долма, кюфта, хаш и бозбаш. «Надо же, и бозбаш² себе присвоили, несмотря на всю скабрёзность его звучания на армянском». По правде говоря, Гасан вообще не понимал смысла споров о том, кто «изобрёл» какое-либо кулинарное блюдо. «Да какая разница, кто? Это же не наука! Какая разница, кто первым додумался заворачивать мясо в виноградные листья?»

¹ «Миацум» (арм. «воссоединение») – идея присоединения Нагорно-Карабахской автономной области к Армении.

² Боз (арм.) – женщина лёгкого поведения, проститутка.

В ожидании заказа Гасан достал мобильный телефон и снова, в который уже раз, просмотрел снятое вчера видео. Кто же мог нарисовать эту эмблему – кинжал, перо и лопату – кроме самого дяди Левона? Кто? А может, этот рисунок пририсовали совсем недавно? Исключено! Рисунок выглядел старым, изрядно потёртым временем. Его точно нарисовали лет тридцать тому назад, не раньше. Гасан вдруг вспомнил, что после смерти дяди Левона он однажды заходил в мастерскую и ... вроде видел эту эмблему, но по молодости и незнанию не придал ей никакого значения.

Гасану наконец принесли «армянский бозбаш» и «армянскую долму». Он быстро всё съел, после чего решил просмотреть армянские новостные сайты. Ничто не выводило Гасана из равновесия ... пока он не узнал себя в бегущей строке: «Вчера в поясе безопасности Арцаха азербайджанской армией была предпринята провокация, в результате которой пострадал наш соотечественник: профессор истории Ашот Ованесов, в последние годы занятый написанием фундаментального труда об истории Арцаха. К счастью, его состояние в данный момент не вызывает опасений».

Гасан прочёл это короткое сообщение несколько раз – и в мозгу отозвались бодротатые анекдоты про армянское радио. «Не Арцаха, а Нагорного Карабаха, не пояс безопасности, а оккупированные территории, не азербайджанской армией, а армянской, и не провокация, а вооружённое нападение, а почти всё остальное – правда». Гасан усмехнулся, но в следующую секунду осознал всю серьёзность своего положения. Про Ашота Ованесова, его легенду, написали в Интернете, хорошо хоть без фото. Но ... в любом случае он засветился ... О нём узнали! К тому же военный патруль в курсе, что Гасан вчера был в Архиве. А в Архиве он оставил свои паспортные данные, как, впрочем, и в гостинице. Что, если им всерьёз заинтересуется служба национальной безопасности Нагорного Карабаха? Пробьют паспорт по компьютеру... но на этом не успокоятся – и выяснят в конце концов, что историк Ашот Ованесов с утра был на работе в ереванской школе! Нет, нужно бежать отсюда как можно скорее!

Гасан быстро поднялся, чтобы покинуть кафе «Миацум», а вместе с ним и Ханкенди, и всю территорию, контролируемую Арменией, как тут в кафе вошли два человека в строгих деловых костюмах.

– Ашот Ованесов? – обратился к нему один из них. Гасан кивнул.

– Пожалуйста, следуйте за нами, – тоном, не допускающим возражений, произнёс второй.

6

Гасан был готов к худшему. «Меня раскрыли. Но нужно отпираться до последнего. Я – Ашот Ованесов и точка. Понятия не имею, кто там вместо меня учителемствует в ереванской школе!»

Однако на деле всё оказалось не так страшно.

– Ашот-джан, мы от правительства. У нас есть информация, что вы пишете «историю Арцаха», – на улице люди в костюмах уже вели себя по-другому, даже начали улыбаться.

– Новейшую историю Арцаха, – облегчённо выдохнув, уже привычно поправил Гасан.

– Конечно. Так вот, вы, само собой, слышали о Тигранакерте?

– Да, – опять кивнул головой Гасан. Он, разумеется, слышал, читал в Интернете, что не так давно на территории, оккупированной Арменией, в местечке Шахбулаг Агдамского района Азербайджана армянские учёные-археологи успешно раскопали останки «своего» древнего города.

– Мы имеем в виду второй Тигранакерт! – важно добавили люди в костюмах.

«Всего лишь второй? Да вы их тут тысячи найдёте!» – с сарказмом подумал Гасан.

– И вы, конечно, знаете, – продолжали «армянские двое из ларца», – что сегодня вечером на месте раскопок состоится научная конференция, на которой, помимо наших учёных, будут и учёные из Франции и США, а также многочисленные журналисты. Мы не знали, что вы сейчас в Степанакерте, иначе заранее предупредили бы вас. Выступите, пожалуйста, с небольшим докладом, минут на пять-десять.

– А о чём? – озабоченно спросил Гасан.

– О чём хотите! Можете и о книге, которую вы сейчас пишете. Но тема: великая Армения. Будьте, пожалуйста, в гостинице, мы за вами заедем ровно через час.

Люди в костюмах ушли, Гасан же в смятённых чувствах остался стоять перед кафе «Миацум». «Что делать? Может, бежать?» Только ...за час он не успеет добраться до Муровдага! А его побег, отсутствие в гостинице однозначно вызовут подозрение. Начнут копать и тогда вскроется всё! «Что ж, поеду, посмотрю, что это за древний город, – решил Гасан. – А речь произнесу как-нибудь. Ведь быть армянским историком – легко, проще простого! Нужно только, не стесняясь, говорить, что всё началось с армян: первые люди на Земле – конечно, армяне, первый язык – разумеется, армянский, и армяне же построили египетские пирамиды. История человечества с армянской точки зрения очень проста: всё началось с армян и везде были армяне»...

Гасан погуглил, и оказалось, что второй Тигранакерт¹, как назло, находится к юго-востоку, а не к северо-западу от Ханкенди, в районе оккупированного азербайджанского района Физули. «Эх, жаль, что армяне не нашли древний город где-нибудь на севере, у подножия Муровдага, или в самом Кельбаджаре, тогда я бы ушел сразу после конференции! А так придётся в любом случае возвращаться в Ханкенди»...

Сидя в гостинице, Гасан ждал, когда за ним заедут. Оставалось ещё полчаса, и Гасан решил поискать в Интернете информацию об Айгюн. Да, он и раньше регулярно набирал её имя и фамилию в глобальной сети в надежде, что что-нибудь всплывёт, но теперь у него были дополнительные данные: участие Международного Комитета Красного Креста в спасении пленной девушки в Кельбаджарском районе.

Гасан набрал в поисковике: «Айгюн Мамедова, спасена Красным Крестом в 1993-м году в Кельбаджарском районе», однако ничего по теме не вышло. Гасан несколько раз попробовал переформулировать запрос, но всё было безрезультатно: никакой информации про Айгюн не появлялось.

«Остаётся только написать письмо непосредственно в Международный Комитет Красного Креста, – решил Гасан. – Кто знает? Может, помогут». Гасан быстро набрал текст и приложил к нему фотографию Айгюн, которую он хранил в своей электронной почте. По правде говоря, это была не настоящая её фотография, это был фоторобот, который он составил ещё лет двадцать тому назад и лишь недавно раскрасил благодаря современным техническим средствам. Ни одной настоящей фотографии Айгюн у него никогда не было. В 1993-м году люди в их деревне фотографировались только по праздникам и держали свои фотографии в семейном альбоме.

Гасан только успел отправить письмо, как услышал шум тормозов резко остановившегося автобуса. За ним приехали, чтобы отвезти в древний Тигранакерт...

7

В автобусе Гасан сразу же забрался в самый конец, подальше от крикливых журналистов и учёных, буквально одержимых «идеями древности» собственного народа.

«И почему армяне так озабочены тем, что хотят доказать всему миру свою древность? Какое это имеет отношение к миропорядку, международному праву? В

¹ Авторская фантазия. Древний город Тигранакерт «найден» армянами пока только в Агдамском районе.

международном праве же нет понятия исконности. Древность – не аргумент в международных спорах. Иначе весь мир стал бы ареной бесконечных войн! Какая разница, кто был первым? Да и доказать это на самом деле невозможно! Нужно жить настоящим и будущим, а не туманным прошлым».

Прошлое... Гасан опять вспомнил про эмблему дашнаков на стене мастерской дяди Левона. «Кто же её нарисовал? А вдруг сам дядя Левон?» – Гасан неожиданно даже для самого себя подумал об этом. «А что? Это ведь было давно, а я был молод и зелен. Возможно, дядя Левон и тётя Рита только казались мне хорошими»...

Да, тогда было советское время, многое замалчивалось... Советский народ ничего не знал ни об армянских националистах, ни об армянском терроризме. А сейчас скрывать нечего, даже статьи есть в Интернете: «Армянский терроризм», где всё расписано вдоль и поперёк... Если коротко, то только в 70-80-х годах двадцатого века армянскими террористами АСАЛА (Армянская Секретная Армия Освобождения Армении) и ДжСАГ (Бойцы за справедливость в отношении геноцида армян) было совершено более двухсот терактов на территории Европы, США, Ближнего Востока и даже Австралии¹. В 1977-м же году армяне совершили теракты в самой Москве, и власти советской Армении приложили титанические усилия, чтобы избежать резонанса, выйти сухими из воды... Но, что особо примечательно, в самой Армении террористы почитаются как герои. Им предоставляется убежище, ставятся памятники. И какие ужасные, какие бесчеловечные! Какой нормальный человек будет восторгаться скульптурой, где под человеческой ногой лежит отрезанная, отрубленная голова²?!

И вот такие люди вершили Ходжалы... 1992-ой год... 26-го февраля... Трагедия азербайджанского народа... Жестоко убиты сотни мирных, ни в чём неповинных людей. Сам бывший Президент Армении Серж Саргсян признался в совершённом тогда злодеянии: «До Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутки шутить, они думали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население. Мы сумели сломать этот стереотип»³. Хотя «этого стереотипа» на самом деле и не было, его армяне сломали ещё задолго до азербайджано-армянской войны...

Не прошло и двух часов, как Гасан вместе с другими приглашёнными, учёными и журналистами, доехал до «историко-архитектурного памятника». «Древний город» представлял собой пустырь, окружённый холмами, с каменными островками. Да, здесь на плато лежали каменные диски с надписями на армянском языке, надгробные кресты и хачкары, в то время как за холмами, в каких-то километрах, находились сравнённые с землёй азербайджанские города...

«Это всё вполне можно было и привезти сюда», – скептически рассудил Гасан, взирая на камни, тогда как на импровизированной сцене сменяли друг друга выступающие лекторы – историки, археологи и просто сочувствующие «армянской общенациональной идее».

Все без исключения лекторы говорили практически об одном и том же: о бесценных находках, лишний раз доказывающих, что Карабах – исконно армянская земля, о находившейся здесь колыбели цивилизации и о великой Армении от моря до моря, простиравшейся почти до самого Воронежа. Когда пришёл черёд Гасана выступать, у него уже в ушах звенело от всех этих фраз, но он понимал, что ему придётся говорить то же самое...

¹ В одном из таких терактов умер близкий друг австрийского журналиста и писателя Эрика Файгля (нем. Erich Feigl, 24 сентября 1931 года – 27 января 2007 года), после чего тот написал свои известные книги: «Правда о терроре. Армянский терроризм – истоки и причины» и «Армянская мифомания».

² Речь идёт о памятнике Согомону Тейлирянцу, убийце турецкого генерала Талаата-паши. Памятник был установлен в Армении в городе Маралик в 2015-м году, но тогда отрезанная голова была прикрыта платком. В 2018 году платок убрали, и теперь под ногой Тейлирянца отчётлива видна голова (лицо и усы) в турецкой феске.

³ Слова, сказанные в интервью Томасу де Ваалу (1966 г.р.), британскому журналисту, автору книги о Нагорно-Карабахском конфликте «Чёрный сад».

Гасан, то есть новоявленный профессор Ашот Ованесов, взял в руки микрофон и поднялся на сцену. На него смотрело сотни, а может, и тысячи глаз. Он смутился, но быстро взял себя в руки и слова понеслись будто сами собой. «Мы, армяне – уникальный народ, – начал Гасан. – Все знают, что в наших жилах течёт особенная, уникальная кровь¹. Да и ни для кого не секрет, что всё на этой планете началось с нас. Сама история человечества – это история армян. Вы знаете, я – материалист, но если есть всё-таки Бог на этой земле, то я уверен, что он такой же, как и мы! Иначе откуда в нас, в простых людях, столько мудрости, терпения и добра? Мы, армяне, – мировое достояние, и весь мир должен лелеять, беречь и охранять нас!» Затем Гасан перешёл к рассказу о книге, «которую он пишет», подчеркнув «свою особую благодарность армянским историкам и археологам за их бесценный вклад!» А закончил Гасан своё выступление фразой: «Новейшие исторические исследования в лишний раз доказывают, что Арцах всегда был армянским!» Раздались бурные аплодисменты. Даже после того, как Гасан присел на своё место, к нему продолжали подходить люди и с благодарностью жать ему руку. Он же никак не мог дожидаться, когда закончится весь этот фарс, театр абсурда! Наконец пресс-конференция подошла к концу. Все расселись по автобусам, чтобы вернуться обратно в Ханкенди.

Сидя в автобусе, утомлённый Гасан случайно краем уха услышал разговор двух армянских журналистов.

– Знаешь, ара, мы, армяне, страдаем от своих же лжеучёных и лжепатриотов, – говорил один из них. – Эти люди считают себя патриотами, но на самом деле они круглые дураки, они просто позорят нас, армянский народ. Потому что наши враги потом используют их слова и смеются над нами.

– Слова? Какие слова? – отозвался его собеседник.

– Ты сегодня слышал. Типа, Бог – армянин, Иисус Христос – армянин...

– А что, ара, это разве не так???

– Зачем не так? Конечно, так, дорогой, но не надо же везде об этом говорить.

Умный армянин понимает, где можно говорить, а где нет!

8

Был уже поздний вечер, когда Гасан вернулся в Ханкенди. Он заранее решил, что в гостиницу больше не вернётся, и по Интернету подыскал себе квартиру на одну ночь. Однако здесь его ждал неприятный сюрприз: хозяин квартиры, крепкий мужчина лет сорока по имени Роберт, «узнал его», лишь мельком взглянув на паспорт.

– Ашот Ованесов... Ты тот самый профессор, который пишет «Историю Арцаха», ара, и которого обстреляли турки. Эх, жаль, что меня там не было. Показал бы я им! – радостно прокричал он.

Гасан хотел сказать, что «нет, однофамилец», но замялся, и Роберт принял его молчание за согласие.

– Для меня большая честь, что ты остановился у меня, дорогой. Можешь не платить. Оставайся бесплатно, сколько хочешь. Мы, армяне, должны поддерживать друг друга. Сам понимаешь, кругом одни враги. Давай выпьем с тобой по рюмочке армянского коньяка, Ашот-джан? – с этими словами Роберт достал откуда-то из-под стола непечатую бутылку.

Гасан вначале отказался, но Роберт продолжал настаивать, и в конце концов одну рюмку Гасан всё же выпил, но от второй уже отказался наотрез. «Чёрт, вот не повезло опять. Но как мне уйти? Сказать ему, что, мол, передумал? А вдруг заподозрит что-то?»

¹ Обыгрываются слова, которые произнесла Белла Кочарян – супруга экс-президента Армении Роберта Кочаряна – на церемонии открытия ереванского центра по переливанию крови: «В армянской крови имеются специфические генетические факторы, и армянам надо переливать только армянскую кровь».

Роберт тем временем принёс из кухни и угощение: «армянскую пахлаву». Гасан помаялся немного, но всё же рассудил, что ему будет лучше остаться, а не искать по среди ночи другое пристанище-ночлег.

– Когда обратно в Ереван? – спросил Роберт, опрокинув очередную рюмку.

– Завтра рано утром.

– Будешь писать «Историю Арцаха», дорогой?

– Постараюсь. Материала у меня уже много. Здесь живут замечательные люди, и они мне очень помогли...

Роберт, судя по всему, не собирался уходить, и Гасан решил его разговорить. Лучше уж пусть Роберт расскажет о чём-то сам, чем будет задавать бесконечные вопросы!

– А ты откуда приехал? – спросил Гасан.

Роберт назвал маленький городок в Армении, о котором Гасан почти ничего не слышал.

– Нравится тебе здесь?

– Да, очень!

Роберт разговорился... Вскоре Гасан услышал много интересного о том, как хорошо жить на оккупированной, бесхозной земле. Тем более вблизи оставшейся без присмотра азербайджано-иранской границы.

«Что хочешь можно оттуда привозить, брат! Что хочешь! Марихуану, опиум, героин! Это – рай, брат. Хорошо, что мы выгнали этих турков»...

Роберт всё говорил, а Гасан внимательно слушал...

– Понимаешь, дорогой, – после пятой-шестой рюмки Роберт захмелел, – я ненавижу турков, как должен их ненавидеть любой, каждый армянин. Ненавижу за геноцид, за то, что они убивали наших матерей, отцов и детей. Но я ненавижу и своих, армян, как там правильно сказать, несознательных, вот, которые не хотят служить общему делу, забыли про всё, что тогда произошло. Таких армян тоже надо убивать! Понимаешь, Ашот, мы ведь, армяне, на самом деле очень добрый и мирный народ, но нам приходится всех убивать, потому что иначе нам самим придёт конец!

Шёл уже третий час ночи, когда Роберт поднялся с намерением уйти. Но он был мертвецки пьян.

– Можешь переночевать здесь, – предложил ему Гасан, рассудив, что для него самого будет гораздо спокойнее и безопаснее, если Роберт останется с ним, а не уйдёт неизвестно куда.

– А я тебе не помешаю, дорогой? Может, ты хотел пригласить девушку какую-нибудь, а я тебе помешал. Извини, а, профессор-джан!

– Ерунда, Роберт! Всё нормально. У тебя же две комнаты. Ты поспи здесь, а я пойду спать в другую.

Гасан оставил Роберта и через несколько минут услышал раскатистый храп. Гасан облегчённо вздохнул. «Слава Всевышнему, всё обошлось. Повезло, что Роберт говорил только о себе и о «несознательных армянах», и почти ничего не спрашивал, а то я вполне мог выдать себя, я же никогда не был не то, что в Ереване, да и вообще в Армении!»

Избавившись от Роберта, Гасан взял в руки мобильный телефон. Зашёл на армянские и нагорно-карабахские новостные сайты, тьфу-тьфу, всё было спокойно. Потом вошёл в свою почту, там было одно непрочитанное письмо, и это был ответ от Международного комитета Красного Креста!

«Здравствуйте, уважаемый Гасан. Сообщаем вам, что в 1993-м году в Кельбаджарском районе действительно произошёл такой случай: молодую девушку удалось освободить из армянского плена. Но, к сожалению, мы не знаем ни её имени, ни фамилии. Мы пересылаем ваше письмо тем нашим представителям, кто был в то время в Кельбаджарском районе. Хотя многие из них уже давно не работают с нами,

но, возможно, они смогут вам помочь. Ждите ответа. С уважением, гуманитарная организация Международный комитет Красного Креста».

«Да, возможно, помогут, а может, и нет. Что делать? Ждать ответа бессмысленно, да и опасно. Посплю немного, несколько часов, а завтра рано утром уеду отсюда». Гасан, практически не раздевшись, лёг на кровать и заснул чутким, беспокойным сном... Он видел во сне развалины родного села и отточенные камни древнего Тигранакерта, красавицу Айгюн и мастерскую дяди Левона... Нет, здесь явно что-то не так...

Было шесть часов утра, когда Гасан окончательно проснулся. Взяв рюкзак, он вышел из своей комнаты. Роберт спал беспробудным сном, а рядом с ним лежала бутылка армянского коньяка и недоеденный кусок пахлавы. Гасан достал армянские драмы из кармана и положил на стол. После чего взял из рюкзака белый лист бумаги и написал обычной шариковой ручкой: «Я уезжаю в Ереван, Роберт. Спасибо за гостеприимство. Как только допишу «Историю Арцах», обязательно дам знать. Ашот»...

9

Гасан поймал такси, но на этой машине проехал всего несколько километров. Потом он остановил другую машину, на которой поехал уже на север, до города Агдере. В Агдере Гасан опять поменял транспорт, теперь его путь лежал на запад, в сторону Кельбаджара. Не доезжая же до Кельбаджара, он вышел из машины и пошёл знакомой тропой. Да, если даже Гасан и вызвал какие-то подозрения у службы безопасности Нагорного Карабаха или у Роберта (кто знает!), всё равно найти и поймать его теперь будет непросто, он как мог запутал следы.

Вскоре, по пути к Муровдагу, Гасан дошёл до своей родной разрушенной деревни. Да, он был здесь два дня назад, а кажется, что прошла целая вечность. Хотя ничего тут не изменилось. Та же выжженная земля. Вот его дом, вот дом Айгюн, вот дом дяди Левона и тётки Риты, а вот мастерская дяди Левона...

Гасан зашёл в мастерскую и на сей раз сразу же посмотрел вниз стены – и, конечно, увидел рисунок: пресловутые кинжал, перо и лопату... «Приходи к нам завтра утром, поговорим», – последние слова дяди Левона, произнесённые здесь в мастерской, как и тридцать лет тому назад, звучат в его ушах... Но Гасан стоял тогда прямо напротив этой стены. Неужели он мог ничего не заметить? Нет, не мог! Этого рисунка тогда не было! Его пририсовали потом, когда дяди Левона и тётки Риты уже не было в живых!

«Мы, армяне, вынуждены всех убивать, даже своих, иначе нам самим придёт конец», – в его мозгу барабанной дробью звучат слова подвыпившего Роберта...

Да, дядю Левона и тётку Риту убили. Это Гасан знает точно. Убили свои, армяне, дашнаки. В наказание и в назидание. Ведь дядя Левон и тётка Рита были как раз-таки «несознательными», «неправильными армянами» в глазах дашнаков. Они не мечтали о «восстановлении исторической справедливости» и не платили деньги в «фонд Арцах», к тому же, наверное, отказались жаловаться, плакаться о том, что их в деревне притесняют варвары-азербайджанцы... Они просто хотели жить, в мире и согласии со своими соседями. И это право у них отобрали...

«Как же их убили, если не было признаков насилия? Пустили угарный газ? Нет, непохоже, запах газа вроде не ощущался. Может, отравили? Возможно. Но почему же тогда они лежали в своей постели? Да что я как маленький?! Их сначала отравили, а потом уже мёртвых переложили на кровать! Точно!» Гасан вспомнил рукава рубашки дяди Левона, выбивавшиеся из-под одеяла. Сельчан не удивило тогда, что дядя Левон и тётка Рита были полностью одеты. Это было в феврале, и дом почти не отапливался. Но Гасан знал, что дядя Левон любил холод и даже зимой обливался холодной водой!

Гасан пошёл дальше... Однако мысли об армянском фашизме, о людях, возмнивших себя вершителями человеческих судеб, не отпускали его...

«И вы ещё считаете себя добрыми? Да и мудрости у вас, по большому счёту, нет! Не задумай вы Нагорно-Карабахского конфликта, самой Армении сейчас жилось бы намного лучше! Вы были бы намного богаче и не зависели бы от своих диаспор, только и делающих, что спекулирующих на мифах о былом могуществе. Великая Армения, великая Армения – сколько же можно? А что тогда делать потомкам древней Греции и древнего Рима? Османской империи? Арабского халифата? Тоже плакаться о том, что было раньше?»

Кстати, а с чего вы вообще взяли, что великая Армения – ваша? Многие современные учёные сходятся на том, что Армения на самом деле – географический термин, регион, в котором проживали тысячи племён, в числе которых были и ваши предки. К тому же с тех пор прошло много лет. А наукой давно доказано, что в мире нет чистых рас, не говоря уже о «чистых» национальностях. Вам будет неприятно думать об этом, и нам, конечно, тоже, но генетически мы с вами ближе друг к другу, чем к своим предкам двухтысячелетней давности! Поэтому нет и не может быть никакой уникальности армянского гена, о которой вы твердите!

И не армяне же вы, вы – хаи! Вы же сами именно так себя называете! Вы пришли на Кавказ из Персии и Восточной Анатолии. Свидетельством чему является множество записок и документов. Вы не можете всех их уничтожить или фальсифицировать, как бы вам этого ни хотелось! Фальсифицируя свою историю, вы рискуете в конечном счёте потерять самих себя!

Вот вы утверждаете, что ваши предки первыми приняли христианство. Но кроме «Истории армян» Агатангелоса, написанной к тому же в пятом веке, других источников, подтверждающих эту информацию, нет! Да и какая разница, кто первым принял христианство, если вы далеки от Бога, и не живёте по его заповедям?!

И сколько можно говорить о своей многострадальности, геноциде! Своим плачем и стенаниями вы делаете из человеческой трагедии дешёвый балаган. Что это за геноцид такой, если турков было убито намного больше, чем армян?! Хотите, чтобы все узнали о геноциде правду? Так откройте архивы или поспособствуйте открытию архивов¹ для серьёзных учёных, а не только для тех, которые удобны вам!

Ну, ладно. Предположим, вы самые древние. Допустим, что весь цивилизованный мир произошёл от вас. Допустим, что Ной был армянином, так же, как Иисус Христос. Допустим, что и сам Бог – армянин, как бы кощунственно это ни звучало! Но если вы такой высокоразвитый, цивилизованный народ, то почему же тогда вы не хотите жить по международному праву? Цивилизованные народы от нецивилизованных как раз таки и отличаются тем, что живут по законам! А закон и международное право не на вашей стороне! Ещё в 1993-м году Организация Объединённых Наций приняла 4 резолюции, по которым вы должны освободить оккупированные территории. Почему же вы не освобождаете их, а вместо этого продолжаете вырубать наши деревья и эксплуатировать золотомедные рудники?»

Гасан почти вплотную подошёл к южному подножью Муровдага. Последний перевал, и его здесь больше не будет... «Написал ли мне ещё кто-нибудь от Международного комитета Красного Креста?» Гасан вспомнил о судьбе Айгюн. Впрочем, он никогда о ней не забывал, Айгюн всегда была рядом с ним...

Гасан вошёл в свою электронную почту, и прямо на его глазах пришло письмо! Оно было от ... некого Ричарда, англичанина, двадцать пять лет тому назад работавшего в Международном комитете Красного Креста. Гасан на всякий случай приоткрыл в лесу и начал читать длинное и немного путаное письмо...

¹ Речь идёт в частности о следующих архивах: архив Армянского католикосата в городе Вагаршапат, архив Иерусалимского патриархата Армянской апостольской церкви, архив партии «Дашнакцутюн» в Бостоне.

«Здравствуйте, дорогой Гасан! Меня зовут Ричард Перкинс. Я уже давно не работаю в гуманитарных организациях, но в 1993-м году я работал в азербайджанском представительстве Красного Креста и был среди тех, кто помогал найти пленённых кельбаджарцев или заложников на территории, оккупированной Арменией. Хочу вам сказать, что по своим убеждениям я – пацифист. По этой причине я и отказался от службы в армии и пошёл работать в Красный Крест. А то, что я увидел в Кельбаджарском районе, а до этого в Нагорном Карабахе, ещё больше укрепило меня в том, что войны в нашем мире быть не должно! Это ужасно, когда из-за политических игр страдают обычные, ни в чём неповинные люди!

В своём письме вы спрашивали про молодую девушку, которую звали Айгюн, и приложили её фотографию. Хочу вам сказать, что я узнал её и помню всё, что тогда произошло, хотя и прошло двадцать пять лет. Я понимаю, что, видимо, эта девушка была вам очень дорога, раз спустя много лет вы не оставляете надежду что-то о ней узнать.

И я расскажу вам правду. Признаюсь, эту правду я никому не рассказывал. Мне и сейчас очень тяжело, однако считаю, что я должен рассказать вам всё от начала до конца...

Итак, мы действительно спасли её. Вначале мы услышали её голос, а потом голоса тех, кто гнался за ней. Затем мы увидели её, босую, полуголую девушку с расчёпанными волосами... И знаете, я до сих пор не могу забыть её взгляд... В нём было столько ужаса, боли и ... пустоты... Она вся дрожала... Наверное, от холода, но, думаю, и от всего того, что там произошло... Над ней издевались, и на её глазах были зверски убиты её отец и мать. Мы, то есть я, наш водитель и переводчик, укутали её в тёплый плед и усадили в наш джип. После чего мы поехали через перевал, чтобы передать Айгюн азербайджанской стороне. Когда мы почти добрались до вершины, я услышал, как она что-то сказала переводчику. Оказалось, она просила, чтобы мы остановили машину. И мы остановились. Как сейчас, помню это место. Там была зелёная листва и густые заросли по обеим сторонам дороги...

Айгюн ушла в кусты...Прошло несколько минут – но она не возвращалась. Тогда мы пошли за ней и вскоре поняли, какую ошибку мы совершили, отпустив её одну! Сразу же за «зелёным лесом» был обрыв, пустота...

Она, конечно, знала это и сознательно решила свести счёты с жизнью, прыгнув вниз с огромной высоты. Мы были в шоке ... Но ничего, к сожалению, изменить было уже нельзя...

Мы могли только спуститься вниз, в ущелье, и похоронить тело Айгюн под этой горой...»

Гасан поднял голову вверх. Он, кажется, понял, какую гору имел в виду Ричард. Это была очень известная среди местных скала. Они с Айгюн так и называли её – «зелёная скала» ...

Гасан продолжил свой путь... Оставалось пройти всего лишь пять километров до северного подножья Муровдага и оставалось всего два года до полного освобождения азербайджанских земель...

Январь, 2021

МАРАТ ШАФИЕВ

Из истории русскоязычной бакинской поэзии

Полюбить сатирика

29 (16) июня 1898 года в городе Саратове в семье юриста родился мальчик. Детские годы прошли в Пятигорске, но учился он уже в бакинской гимназии, по окончании которой в 1917 году освоил специальность счетовода. С 1926 года до конца жизни (1981) **Юрий Владимирович Фидлер** с семьёй (жена, две дочери: Кира и Ника; Кира – будущая жена поэта и переводчика Владимира Портнова) жил в построенном для работников Промбанка доме по улице Свободы, 26.

Конец 20-х – начало 30-х – время первых литературных успехов. Он – рабкор газеты «Бакинский рабочий» (вместе с Костей Мураном, Михаилом Даниловым, Евсеем Гурвичем), под псевдонимами Егор Ехидный и Артём Проньера выступает на страницах местных и центральных сатирических журналов: «Скорпион», «Колючка», «Безбожник», «Бегемот», «Смехач», «Крокодил». Сочиняет репризы для «Театра Агитбригады». Юность полна оптимизма, насмешлива и не знает страха, но всё равно сатириком нельзя стать по желанию, требуется особый талант, характер должен предполагать неравнодушие ко всему порочному. В декабре 1934 года Фидлер арестован по обвинению в антисоветской деятельности. Сидевший с ним будущий академик геологии М. Мовсум-заде вспоминал неунывающего юношу, вслух читавшего в подвале ГПУ стихи. Фидлеру повезло – Большой Террор ещё только подступал, через полгода его отпустили.

Оказывается, сатира – жанр, чреватый последствиями. Если поэты погибали в лагерях, то сатирики до лагерей не доходили. После массовой идеологической атаки на «буржуазную сатиру» из великого множества изданий к 1933 году единственным всесоюзным сатирическим журналом остался «Крокодил». Народный фольклор обогащался новыми анекдотами: «Объявлен Всесоюзный политический конкурс. Премии: первое место – 15 лет, второе место – 10, третье – 5 лет».

Всё больше запретных тем – и энергия Фидлера находит выход в азарте ипподрома и цирка, в детских стихах, в сатире не социальной, а бытовой. Его пьесу «Буйная ватага» ставит ТЮЗ, экранизирует бакинская киностудия. Фидлером сочинены сценарии двух короткометражек: «Мисс Кэти и Мистер Джек», «Митька, Петька и Чемберлен», песни к фильму «Одна семья» – показанный 16 октября 1943 года в московском Доме кино фильм о героических буднях жителей Баку (режиссёр – Григорий Александров, в ролях – Любовь Орлова, Олег Жаков, музыка Кара Караева) так и не вышел в прокат. В военные годы понадобилась политическая сатира, памфлеты Фидлера составили цикл «Берлин – Москва и обратно».

Помимо собственных книг: «Дочка героя» (1939), «Разговор начистоту» (1947), «Стихи и сказки» (1950), «Пещерные люди» (1952), «Школьные знаменитости» (1954), «Сатирические стихи» (1956), «Между нами говоря» (1958), «Четвёрка за поведение» (1960), «Накипь» (1962). «Избранные сатирические стихи и фельетоны» (1970), «За полвека» (1980), Фидлер перевёл басни и прозу своих сподвижников: Абдуллы Шаига, Хикмета Зи, Рафига Зека, Тофика Муталлибова, Шамседдина Аббасова и других – то, что сложилось в книгу «Братья-сатирики» (1966).

Заметили ли вы, что в наше время из газет исчезли фельетоны, пропал киножурнал «Фитиль»? Не просто сатириков калибра Сергея Михалкова, Аркадия Райкина, их вообще нет, на эстраде – сплошные юмористы. Что бы это значило? Исчезли хапуги, тунеядцы, бюрократы? А ведь ещё Платон предупреждал: «Серьёзные вещи не понять без смешных».

ЮРИЙ ФИДЛЕР

Птичий переполох

У птиц волненье и тревога:
От Коршуна пришёл приказ,
Где он предписывает строго
Переключить вниманье масс
На приведенье гнёзд в порядок.
Их нужно, мол, украсить все
Так, чтобы радовали взгляды,
Блестя в невиданной красе.
Буквально сбились птицы с крыльев,
От уймы дел спирает дух...
Огромны ласточки усилья,
Соломку тащит, перья, пух.
Чиж, полный рвения и отваги,
Принёс в гнездо двух светляков,
Сорока вывесила флаги
Из разноцветных лоскутков.
Кукушка стёклышки таскает,
Чтоб блеск создать в своём гнезде...
Ну, словом, суета такая,
Что пыль столбом стоит везде!
Никто их упрекнуть не вправе –
Комфорт, уют, нарядный быт!
И вдруг – второй приказ: – Отставить!
Всё привести в обычный вид!
И птичья масса обалдела:
– Зачем же шум был поднят весь?!
Лишь Воробей узнал, в чём дело:
Орёл лететь был должен здесь,
Но изменил маршрут полёта,
И зря пропала вся работа!

1963

«...Настоящее время настоящих людей»

Детство **Иосифа Борисовича Оратовского** прошло в районном городке Моршанске (90 километров к северу от Тамбова, отсюда и литературный псевдоним, которым иногда пользовался – И. Моршанов), хотя родился он 14 июня 1914 года в городе Махачкале. В 1928 году семья переехала в Баку – *«Город шумный,/ ветер влажный,/ я – тамбовский человек –/ как ступил сюда однажды,/ полюбил тебя навек»*. Закончив в 1931 году школу № 21, наш герой работал смазчиком на нефтеперегонном заводе, пока его властно не захватила другая сила. Редактор многотиражки завода имени Джапаридзе (1932 – 1933), ответственный секретарь журнала «Литературный Азербайджан», литсотрудник газет «Бакинский рабочий», «Вышка» – вот ступени, приведшие его к книге «Первая песня».

Оставивший учёбу на историческом факультете Азербайджанского государственного университета по состоянию здоровья, он, тем не менее, – добровольный участник разыгравшейся мировой трагедии.

Отплывший от дымной Керчи последний перегруженный баркас; неистовая новогодняя пляска в блиндаже; вечерняя поверка на прусской границе («Перед тем, как ступить на чужую землю,/ ротный своих окликал друзей...»; убитый ефрейтор в ночь с девятого на десятого мая – поход, закончившийся на студёном Сахалине (Японское море, Лаперузов пролив, мыс Крильон!), подразумевал не просто стороннее наблюдение военного корреспондента, но и личное мужество («Мало брюк просидел я,/ но много стоптал башмаков»), о чём свидетельствовали и новые стихи, в которых «я» неотделимо от «мы»: «...по землям Маньчжурии (там я прошёл),/ Монголии (там мы сражались),-/ тогда, на бегу огибая Китай,/ (с которого сняли мы цепи)», и сверкающие на кителе два ордена Красного Знамени и другие награды – «Впрочем, что там считать/ сколько их – орденов и контузий».

«И от Сахалина легла колея/ туда, где друзья на Кавказе, –/ сердечная линия эта моя,/ заветная линия связи», – демобилизовавшись в 1947 году в звании гвардии-майора, Оратовский возглавил сценарный отдел Бакинской киностудии, а в 1950 году ушёл на «вольные хлеба» – кормился переводами из классической и современной азербайджанской поэзии, написал либретто к опере «Сын полка». Умер 18 января 1963 года – до обидного рано, на взлёте, не дотянув даже до 50-летия. «Сколько жить – до пятидесяти, до ста ль? –/ всё равно не напляшешься вдосталь», – вырвалось у него из-под пера ещё в 1943 году.

Все книги Иосифа Оратовского, кроме книги «Точное время», Москва, Советский писатель, 1960 г., тираж 2000, изданы в Баку: «Первая песня» (1938), «В бой, товарищи!» (1941), «Фронтовой дневник» (1942), «Нам нельзя проститься» (1948), «Друзья повсюду» (1950), «Маленькие граждане» (1952), «Поэма о разлуке» (1954), «Расставания и встречи» (1958), «Нераздельность» (1963), «Избранное» (1966). Архив хранится в ЦГАЛИ: Аз. ССР, ф. 430, д. 124.

А каков же итог? А итог, наверное, он подвёл себе сам, своими строками...

В блиндаже под Новый, сорок третий

**Я ещё напишу беспечную,
как дорога моя – бесконечную.
Ах ты, батюшки, что в ней будет!
Пляшут парни, пируют люди,
в круг идут старики без спешки,
под усами прячут усмешки,
и старушки – в платках с горошками –
тоже бережно топают ножками.
Я и сам постучу ножками.
Я и сам постучу подошвами,
я себя не продам задёшево.
Не плясал, а сегодня пляшется.
Пыль на площади не уляжется.
Пыль – лишь только от ног от пляшущих,
пламя – только от глаз от блещущих,
стоны – только от смеха плачущих,
грохот – только ладоней плещущих.**

**А в какой это день – не ведаю –
к нам такое слетит везение,
но придёт этот день с победою
самой милой порой весеннею.
Сколько жить – до пятидесяти, до ста ль? –**

всё равно не напляшешься вдосталь.
Ну, пляшите!
Старик с девчушкой,
озорной юнец со старушкой,
и вдова со вдовцом усатым,
и – живые – солдат с солдатом.
Тот, кто пал, не дожив до света,
попрекать нас не будет за это.

Да и хватит топтать, наверно,
вот и ноги идут неверно.
Как ты, брат, ни старайся, ни сился, –
на войне ты плясать разучился.
Да и силы терять ни пристало.
Да и новая ждёт дорога,
да и времени очень мало,
да и горечи слишком много.
Да за пылью под каблуками,
как надгробья, руины встали.
Поднимать их своими руками.
Не для танцев нас дома ждали.
Не для плясок нас ждали люди.
Нет, пока передышки не будет.
Время сбросить сумку заплечную...
Я ещё напишу беспечную.
Я ещё напишу беспечную.

1943

Завещание

Хороните меня без оркестра.
Ни к чему эти медные скорби.
И без меди скорбям будет тесно
в горле, взгляде, груди.
Пусть идут себе люди, не горбясь,
с распрямлённой спиной.
Просто я – впереди,
Остальные – за мной.

Я скажу вам по чести
(за мной в этой жизни водилось):
мне при жизни не часто
идти впереди доводилось.
То ли сам не умел,
то ли не дал господь при рожденьи.
Не всегда возглавлял я
извилистый путь восхожденья.
Но и сил про себя не берёг,
и в походе шагов я не узил...

Впрочем, что там считать,
сколько их – орденов и контузий.

**Я не прятался, – шёл...
Задыхался, качался, а шёл...
Сколько будет за мною?
Десяток?
И то хорошо.
Десять верных в строю.
Это – как отделение в бою.**

**Сколько будет за мной?
Сто ли, двести ль
пойдут тяжело?
Значит, то, что я делал,
не прахом по ветру ушло.
И как всякий солдат,
я имел и друзей и врагов.
Мало брюк просидел я,
но много стоптал башмаков.**

**Хорошо, если скажут:
– Не мало прошёл он дорог,
был не скуп, работающ
и себя для себя не берёг.
...Пусть труба не фальшивит,
не бьёт барабан невпопад.
Хороните меня без оркестра.
Не под марш умирает солдат.**

Краткие размышления о большой Игре

Новый этап истории Азербайджана – Большое Возвращение – закономерное продолжение Второй Гарабахской войны, победа в которой была одержана благодаря синтезу высокого народного духа и высокоточного оружия. Беженцы должны не просто вернуться на старые разорённые места, но в «умные» города и сёла – не даром Азербайджан объявил себя столицей Четвёртой Промышленной Революции. Подобная революция нуждается в богатых природных и интеллектуальных ресурсах. Природных, вроде, достаточно, а как – интеллектуальные? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к шахматным событиям 2021 года, где в серии турниров New In Chess Classic схлестнулись с лучшим армянским гроссмейстером лучшие азербайджанские гроссмейстеры – сначала, в январе, Теймур Раджабов, а потом, в апреле, и Шахрияр Мамедьяров.

Почему шахматы? А потому, что эта игра – удивительная модель нашей Реальности. Ещё в 1789 году в Гааге издавалась книга Элиаса Стейна «Новый опыт игры в шахматы с размышлениями о военных свойствах этой игры». Пушкин в 1832 году пишет жене: «Благодарю, душа моя, что в шахматы учишься. Это непременно нужно в каждом благоустроенном семействе». Провидческая книга американского политика Збигнева Бжезинского, написанная в 1997 году, где расписана мировая геополитика XXI века, недаром называется «Великая шахматная доска». А самое главное, в шахматах проявляется механизм человеческого мышления, и первые компьютерные программы учились «думать» на примерах шахматной классики.

Понятное дело, что матчи армянского и азербайджанских мастеров были больше, чем обычные спортивные матчи. Аронян во время войны перечислил в во-

енный Фонд миллион драхмов и говорил изданию chess24: «Если для моей страны необходимо, чтобы я служил в армии, я сделаю это». Раджабов и Мамедьяров заявляли в это же время о справедливом праве Азербайджана на освободительный поход.

Матчи эти сильно разнились по своему характеру. Если Раджабов держал противника на дистанции – 5 ничьих, и два нокаутирующих удара нанёс лишь тогда, когда Аронян переступил «красную черту», то Мамедьяров сразу ввязался в ближний бой – пропускал удары, но и сам вкладывался по полной: во второй партии на 13 ходу внедрил своего коня в гущу вражеского лагеря, который в одиночку сдерживал войско, пока не подоспела помощь: ладейные прорывы на флангах. Враг зажат в клещи и капитулировал на 21 ходу – дебютный разгром!

В быстрых шахматах нет времени на большие раздумья, здесь играют интуитивно. Что за зверь и что за птица – интуиция? То ли твоя жизнь, спрессованная в мгновение, то ли прорыв в Неизвестное.

Показательна 4-я партия первого микро-матча. Положение Шаха (*Шахрияра Мамедьярова – Ред.*) – критическое, в заключительной партии надо выигрывать чёрными, что гораздо сложнее. Аронян применяет новинку, его крайняя пешка дерзко, без фигурной поддержки, бежит с поля a2 на a5, после её размена у чёрных слабая пешка – на a7. Шах в конце концов её теряет и бросается в отчаянную атаку на противоположном участке фронта. Компьютер два десятка ходов показывает выигрыш белых, но Шах всё «подкручивает»: два его коня прыгают в разные стороны, все фигуры с обеих сторон под перекрёстным огнем, невозможно понять – что делать? На 31 ходу Шах отказывается от вечного шаха: победа или смерть! Аронян сам захвачен борьбой, избегает упрощений и на 37 ходу приготовил ловушку, и Шах «попался». Занесённая над доской рука Ароняна вдруг застыла, он и сам «прозрел» – отдав коня и слона, он, конечно, может сейчас забрать чужого ферзя, но следует вкрадчивый отскок чёрного слона, более похожий на короткий перелёт бабочки, с неизбежным матом двумя конями! В шахматах мат двумя конями в чистом виде невозможен, но здесь белые фигуры, призванные защищать монарха, сами стали неестественной преградой. И это блестящее опровержение Шах, пересчитав соперника на три хода, увидел на последних секундах! Итог первого дня: 2:2, ни одной ничьей.

И Аронян дрогнул! Во второй день – два поражения при одной ничьей. Мамедьярова накрыло вдохновение – «есть упоение в бою, у мрачной бездны на краю», ему удаётся всё, особенно потряс зрителей комбинационный удар в глубоком эндшпиле 7-ой партии, который не видела даже могущественная Машина.

Слёзы и сжатые кулаки Раджабова, радостное возбуждение Мамедьярова на экранах смотрелись символически. Как и железный кулак в Парке Победы.

Рок довлеет над Ароняном: в автокатастрофе погибает жена, новая власть причисляет его к оппозиции, и этот великий боец – дважды чемпион мира по быстрым шахматам, трижды приведший сборную Армению к золотым Олимпийским медалям, – переезжает в Америку.

Боги отвернулись от Армении. Она терпит поражение по всем фронтам.

Сегодня фашизм – это мировой олигархат, задумавший вернуть Новое Средневековье, где отцифрованный раб больше никогда не сможет вырваться из ямы. Противостоять этой антиутопии может только коллективный разум. Армянский национализм – это гиря на ногах прогресса.

А теперь вернёмся к оставшемуся без ответа вопросу: хватит ли Азербайджану интеллектуальных ресурсов, чтобы воплотить амбициозные планы? Наверное, читатель ответ уже знает.

САИДА СУБХИ

СОН ИЗ ПРОШЛОГО

Простить и проститься.
Как только – так сразу.
Пора откреститься
от этой заразы.

Стихи как по маслу,
и снова по теме.
Но если по Маслоу,
то мы не в системе.

Оно и понятно –
куда нам теперь уж?..
Расплакаться внятно –
быть может, поверишь...

Чему еще верить
на ломаном свете?
Любви не измерить,
любовь – это ветер.

Сперва обдувает,
а после таится.
Такое бывает –
чего уж томится

теперь-то?..
И мне ли?..
(Тебе – и подавно).
Ведь мы поумнели
с тобою недавно.

А некогда были
любимы не теми,
и сами любили
не тех, не по теме...

Душа не на месте,
опущены веки.
Давай уже вместе,
и чтобы –
навек.

Не счесть и половины –
сколько дней
мгновением промчалось безвозвратно...
Из года в год –
чем дальше, тем ясней,
что не воротишь времени обратно.

Проходит все –
прими, не прекословь!
Необратима жизни скоротечность.
Но все-таки надеешься на Вечность,
и все же веришь в вечную Любовь...

Мне снилась вновь все та же чепуха...
Вагон метро, такси, ВДНХ,
свиданье в Ботаническом саду,
гаданье на Полярную звезду.

Подмоченный дождями листопад,
температуры резкий перепад,
контрастный душ погод и непогод,
под Рождество и Старый Новый год.

Очередное съемное жилье:
стол и диван, постельное белье...
Ларек, аптека и универсам.
поездки по различным адресам.

Бессонница. И рукописи в стол.
Табачной дымки перечный ментол.
И тот на подоконнике букет,
что долго осыпался на паркет.

И кухня, и кофе на плите.
И то стихотворенье на листе,
впечатанное в память на века
страничкой потайного дневника.

Написанного наспех от руки,
где нам по обе стороны строки
уж не сойтись в толковом словаре –
как в том потустороннем январе,

где скомканный билет на самолет
и лютый снегопад, и гололед,
которых след простыл...
И не беда,
что снится мне все та же ерунда...

За надеждой, верой и любовью
столько лет ступая по пятам,
соблюдая таинство безмолвья,
скроюсь в сердце собственном.
И там,

раскрывая крылья, как тетради,
стану вольной, бóсой и нагой...
Не судите строго, Бога ради,
душу, убеленную тоской.

Озирая мир сей третьим глазом,
напитавшись Духом и ожив,
вынырну наружу водолазом,
под скафандром крылышки сложив.

Плюхнувшись на взбитую подушку,
с головой нырну под простыню.
Закусив очков стальную дужку,
пролистаю памяти меню...

Ощущая родовые схватки
то во лбу, то в горле, то в паху,
в карандаш вцепившись мертвой хваткой,
настрою наощупь чепуху.

У поэта грозное орудье:
рифма поострее топора...
Выносишь, родишь и вскормишь грудью
вечную Любовь из-под пера.

Чадо непорочного зачатья,
чудо новорожденной строки,
что увековечится печатью –
оттиском Божественной руки.

По сути, расстояние – мираж.
Не стоит брать в расчет километраж,
меняя часовые пояса,
пространства поделив на полюса.

Наметив широту и долготу,
что непременно канут в пустоту,
как только сон рассеется земной,
душе приоткрывая мир иной.

Порушив догмы, правила поправ,
мираж на составные разобрал,
познаешь ты –
чего уж тут гадать –
и вечность бытия, и благодать.

**Снова сон из прошлого
память разбудил,
призраком непрошеным
душу взбередил.**

**Давнее событие –
смолото в муку.
Силюсь позабыть его,
только не могу...**

**Корчится-корячится
грусть минувших лет.
Глубже в сердце прячется –
не свести на нет.**

**Выкорчевать впору бы
через не могу,
выудить из проруби,
схоронить в снегу.**

**Обложить сугробами
с головы до ног,
возвести надгробие,
возложить венки.**

**Освятить распятием,
вмуровать во льды.
Помянуть. Попятиться.
Замести следы.**

**Судьбу прожить – не поле перейти.
Оно и ясно – в воду не гляди...
Вот так и я по стеночке хожу,
Из кожи вон – живу да не тужу.**

**О, Птица Счастья завтрашнего дня,
явись скорей и выбери меня!
Настань, вступи в чудное бытие,
прекрасное далёко ты мое!**

**Тянусь крылом, ступая по воде,
к заветной обетóванной звезде.
Гори, моя звезда, и чтоб ни-ни!
В конце концов, мы в мире не одни...**

**Краснеет Марс, и светится Луна.
Распята плоть – душа оголена.
Смеется Бог над нашими «хочу».
Звучат стихи.
Я плачу и молчу.**

**Земля окутана дымком.
Луна слепилась в снежный ком.
Мороза белые клыки.
Комет змеиные клубки.**

**Планеты – яйца Фаберже,
цветное звездное драже,
и тень Божественной руки
над острием моей строки.**

**Струна пересекает лад,
строка – поля тетради в клетку.
В окно сквозит осенний хлад.
Деревья оголяют ветки,**

**листвою посыпая дол.
Хожу по комнатному кругу.
Гардины, шкаф, диван и стол...
Душа воздушна, плоть упруга.**

**Одно – вовек, другое – в тлен.
Обрывки рукописи, спичка.
Стоп-кадр –
момент запечатлен.
Из клетки вылетела птичка.**

**Память сердца, как тюки,
сброшу –
гири, утюги
с лязгом рухнут...
Я не сплю,
сердца свечку затеплю.**

**Круг порочный разомкну,
душу в небо окуну,
вырвавшись из круга вон.
Колокольный перезвон.**

**Грозовые облака...
А душа летит, легка,
и мерцает на лету
юной вишнею в цвету.**

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Операция «Джойстик»

Пандемия «короны», как по-царски называли вирус, распространяющийся с громадной скоростью и способный осуществить давнюю мечту «богатых и здоровых» о золотом миллиарде населения, попросту уничтожив всех остальных, замедлил и сильно осложнил жизнь всех людей на планете. Передвигаться по земле, воде, воздуху стало сложно, а иногда и вовсе невозможно. Кадры из фантастических фильмов ужасов стали реальностью. Редкие прохожие в масках скользили, словно тени, по пустынным улицам. Больницы, переполненные жертвами нового вируса-убийцы, не справлялись с большим количеством больных. Светила медицины каждый день выступали с новыми заявлениями, но при ближайшем рассмотрении выяснялось, что никто из врачей не может дать ответ, как лечить коварный вирус. Только машины продолжали ездить по автострадам, внушая слабую надежду на то, что вирус уйдет когда-нибудь, устав от своей бурной деятельности, и жизнь на планете продолжится. Новая реальность захватывала новые территории, формировала новый кодекс поведения, иногда напоминающий сложные правила королевского этикета: дистанция, церемонные приветствия, маски, перчатки. В этих специфических условиях, в тиши кабинетов стали возникать идеи, трудно выполнимые в мирное, довирусное время.

Древнейшее государство Серполипес, выбравшее свой особый путь и следовавшее этим путем на протяжении веков, занялось созданием супероружия, которое позволило бы и дальше идти по той же дороге, что и сотни лет назад, не оглядываясь на новомодные веяния в политике и в образе жизни. Власти Серполипеса в очередной раз убедились в правильности выбранного маршрута, наблюдая за поведением «царского» вируса. Государство давным-давно придерживалось тактики, навязанной вирусом. Большая и лучшая часть населения, а именно, женщины и девочки, всегда в этом государстве ходили в защитной одежде, укрывающей их с головы до пят, и с закрытыми наполовину лицами, именно так, как требует того вирусный этикет. Мужчины имели большую свободу, по той причине, что на их долю выпала роль добытчиков и защитников, а в стесняющих свободу движения одеждах подобная миссия оказывалась сложно выполнимой. Атмосфера страха и закрытости, навязанная вирусом, как нельзя лучше способствовала намерениям правительства обезопасить в первую очередь себя от нападков других агрессивных государств, не желающих смириться с тихой, размеренной жизнью Серполипеса и беспримерной покорностью всего населения древнейшего государства. Разработки супероружия шли полным ходом. Секретная лаборатория располагалась глубоко под землей. Допуск к работам имели всего несколько высокообразованных ученых, являющихся одновременно военными элитной группы. Возглавлял проект генерал, получивший образование в государстве Нервест, антипде Серполипеса; однако, по словам приближенных, сохранивший в первоизданном виде цельность натуры, почитающий вековые традиции превыше всех новомодных игрушек Нервеста. Единственное, что его привлекало в чуждой цивилизации, – технологии. Сверхсекретное оружие создавалось на основе чуждых аналогов. Как так получилось, что древнейшая, умнейшая, храбрейшая нация шла вслед за чужими пионерами страшной разрушающей технологии, объяснить было трудно. Растерявшие все моральные ориентиры жители Нервеста оказались большими выдумщиками в разных областях и с легкостью изобретали и применяли самые невероятные гаджеты. Ученым Серполипеса не оставалось ничего другого, как, поступившись природной спесью, использовать технологию врага и постараться по мере сил и умений хоть немного усовершенствовать позаимствованную идею.

Генерал, которого так и звали – Фахр, то есть гордость, погрузился в создание страшного оружия, как в пучину океана. Выныривал на поверхность редко и то только для того, чтобы провести совещание с соратниками или прочитать лекцию в каком-нибудь местном университете, заботясь об образовании молодых людей. Они смогут продолжить его дело, если будут упорно трудиться. Фахр не сомневался в том, что рано или поздно враги государства Серполипес убьют его. Сказать, что перспектива нависшей угрозы сильно огорчала его, будет неправдой. Генерал знал, что его деятельность обязательно привлечет внимание могущественных врагов.

В молодости генерал мечтал совсем о другой жизни. Проучившись в Нервесте около 5 лет, он с удивлением обнаружил, что его сверстники радуются жизни: гуляют, употребляют алкоголь, а иногда и наркотики, путешествуют, любят друг друга, и проделывают это все открыто, не опасаясь, что нагрянет полиция нравов и посадит всех под замок, а еще и того хуже – приговорит к разным срокам заключения. Вначале такая жизнь очень понравилась Фахру, он даже стал думать о том, как ему остаться в замечательном обществе. Самым легким путем, как ему казалось в то время, – жениться на местной милой девушке, светловолосой, с голубыми глазами, стройной и улыбчивой. Фахр уже присмотрел себе такую Гурию, как он называл красавицу. Какое же разочарование ожидало его, когда выяснилось, что его Гурия, благосклонно принимавшая его знаки внимания – книги, цветы, парфюм – с той же симпатией и интересом относилась к рослому статному красавцу, хорошему игроку в поло. Фахру, смуглому, маленького роста, с длинным туловищем и короткими ногами, стало очевидно, что соперники за любовь красавицы имеют неравные шансы изначально. Он прекратил всякие попытки сблизиться с красавицей. Уже много позже, став зрелым, опытным мужчиной, он выяснил, что внешние козыри необязательно станут решающими в сражении за сердце красавицы. Она может выбрать невзрачного, ничем не примечательного поклонника, чем-то пленившего ее. Объяснить прихотливый женский нрав не возьмется ни один серьезный философ. Столкнувшись с разочарованием в любви, Фахр принял, как ему казалось в тот момент, единственно правильное решение: вернуться на родину в Серполипес и доказать всем, и в первую очередь молодым парням с внешностью викингов и светловолосым, голубоглазым девушкам, что смуглые, невысокие парни могут достичь невероятных высот в науке, карьере, в жизни.

А дальше, на родине, все покатило по той же дороге, хорошо накатанной поколениями его сородичей до него. О карьере беспокоиться не пришлось. Знания, полученные в Нервесте, оказались очень востребованными, и Фахра тут же определили в один из закрытых институтов, чья деятельность особо не рекламировалась. Молодой ученый с любопытством обнаружил скрытую от внимания общественности довольно комфортную жизнь горстки ученых. Им позволялось изредка выезжать из страны, чтобы расслабиться, и с еще большим усердием трудиться над созданием страшного оружия.

Работа кипела, с каждым новым днем приближалась долгожданная цель. Страшная, неведомая железная птица, способная испепелить громадную территорию, скоро вылетит из гнезда. Испытания назначили на ближайшую неделю. Испытательным полигоном выбрали пустыню на севере страны. Бескрайние пески. Пейзаж унылый с позиции любителей лесов и цветущих садов. Фахр любил пустыню и все, что с ней связано. Безжизненное, на первый взгляд, пространство заселено зверьками, насекомыми. Пустыня напоминала ему подземную лабораторию, где железная птица вылупилась из гнезда. Мысль о том, что сброшенная бомба, грязная бомба, как ее называли, уничтожит мирную пустыню со всеми ее обитателями, не очень беспокоила ученого. Его, как всякого мыслителя, интересовал результат трудов. Хотелось посмотреть, как будет лететь Гриф, так называли летучую машину-убийцу, способен ли он совершать крутые виражи, точно ли сбросит бомбу.

Жена, послушная, красивая, не задающая лишних вопросов, в последнее время осмелела. Стала приставать с расспросами, выяснять, чем занят ее суровый супруг, может ли она хоть как-то помочь ему. Однажды случилось невообразимое. Она увидела по телевизору, как военные разгоняют толпу молодых людей с плакатами в руках. На одном из плакатов – железная птица, похожая на Грифа, и подпись: «Не дадим разрушить планету сумасшедшим ученым». Фахр мгновенно схватил пульт и выключил телевизор. Жена посмотрела ему в глаза:

– Я не хотела тебя огорчать, но я знаю, что у тебя за работа. Страшная работа. Ты можешь мне не отвечать. Я вижу по глазам и по тому, как ты меняешься. Становишься все холоднее. Отдаляешься. Не разговариваешь ни со мной, ни с детьми. Тебе нет до нас дела! Ты мечтаешь об этой страшной машине. Не понимаешь, что когда вы выпустите ее на волю, как ужасного джинна, то не сможете вернуть обратно. Джинн уничтожит всех нас. Соседки обходят меня стороной, ничего не говорят, боются. Но я же вижу! Как будто я заразная!

Фахр сделал то, о чем потом пожалел. Он замахнулся, чтобы ударить жену. В последнее мгновение опомнился, закрыл руками голову. Впервые за многие месяцы задумался над тем, чем же он занимается. А если жена права? Что тогда ожидает всех? Неужели мудрые руководители Серполипеса ошибаются? Создав Грифа, они не сделают безопасной страну, наоборот, ввергнут ее в пучину и хаос. В ту же ночь он пришел к жене просить прощения. Неслыханно для мужчин его рода. Жена обняла его, прижала голову к груди, поплакала. И попросила об одном одолжении. Взять ее с собой в поездку. Ей все равно, куда ехать. Выбор за ним, ей хочется побыть с мужем вдвоем где-нибудь, где их не знают. Фахр пообещал, что как только ему позволят отдохнуть, они поедут к морю.

На другом конце света военные Нервеста внимательно наблюдали за своими извечными врагами. Они не сомневались в том, что рано или поздно ученые Серполипеса придумают безумное и страшное оружие. Пандемия диктовала свои условия, способствующие успеху всего секретного. Все границы на замке, меньше глаз и контроля, это время изберут многомудрые военные Серполипеса. Как бы ни были хитроумны военные Серполипеса, их враги не теряли бдительности. С главной мишенью Нервест определился. Дело оставалось за малым. Аккуратно уничтожить того, кто мог изменить баланс сил в мире. В вековом соперничестве Нервест на сегодняшний день считал себя победителем. С чем категорически не соглашался Серполипес, пытаясь «догнать и перегнать» врага. Военные Нервеста решили провести операцию по ликвидации главного разработчика программы под названием «Гриф». Задача не из легких, если учесть, что Фахр, а именно его решили убить или нейтрализовать, как иногда выражались высокие чины, в последнее время находился под усиленной охраной, передвигался в бронированной машине. Кто-то из военных Нервеста предложил самый простой, как казалось, вариант. Взорвать дом, в котором жил Фахр. Тут начались прения и дискуссии. Обывателю они показались бы странными. Военные, принимающие решения о войнах, о бомбардировках мирных городов, стали вести разговоры о том, насколько правильным будет решение взорвать дом, где, кроме Фахра, живут его жена, дети и слуги. Сколько невинных душ будет уничтожено из-за одного злодея. Возможно, военных не столько беспокоила судьба невинных родных Фахра, сколько их собственная репутация. Им необходимо было заручиться поддержкой общественного мнения в своей стране. Общественное мнение Нервеста – кровожадный зверь пострашнее секретного Грифа. Если разбудить этого зверя, то мечты о новых субсидиях на военные нужды придется похоронить. Тайная интрига, оживлявшая прения, осталась за кадром, а в зале совещаний царила атмосфера высокой морали. Все происходило в соответствии с новым вирусным регламентом. Генералы сидели за круглым столом на определенном расстоянии друг от друга.

Маски надели почти все, за исключением двух упрямцев, оправдывающих свое нежелание закрыть пол-лица проблемами с дыханием. Почему генералы не воспользовались видеоконференцией? Очевидно, что они осведомлены об уровне секретности таких собраний. Всевидящее око интернета не пропустит столь любопытное событие. Тем более, что дирижеры интернета так же, как и все остальные разработчики технологических новинок, выбрали средой обитания Нервест. После бурных дебатов, где высказались все, решили поручить операцию самому молодому, бравному генералу, имевшему под своим началом отдел, занимающийся, как казалось войкам, детскими играми. Отдел разрабатывал новые средства ведения войн. Беспилотники, радиоуправляемое оружие, спутниковое наблюдение за территориями. Все, что придумали в компьютерных играх и фантастических боевиках о звездных войнах, активно разрабатывали в отделе Алефа, так звали молодого генерала. Договорились собраться через месяц, когда операция по ликвидации главного военного ученого Серполипеса примет реальные очертания.

Алеф активно принялся за работу. Ему хотелось утереть нос старым войкам, беспрерывно напомиающим о своих многочисленных ранах, полученных в боях, и украшенных наградами. Алеф участвовал в нескольких сражениях, но сравниться с ветеранами не мог. Давно ему хотелось доказать коллегам, не упуская ни одной возможности напомнить ему о том, что он всего лишь желторотый птенец в сравнении с ними, воинственными львами, что молодой – это не только отсутствие опыта, но и изобретательность и кураж. Сколько времени провел Алеф, играя в компьютерные игры, осталось тайной даже для его близких. Mortal Combat, его любимая игра, не надоедала. Он считал, что она немного устарела, однако продолжал в нее играть. Как раз во время игры ему приходили в голову новые идеи, как одолеть противника. Еще одна игра будоражила воображение. Ace Combat. То, как сражаются современные самолеты и какие трюки выделывают асы за штурвалами своих безумных мощных птиц. Появилась новая игрушка, заинтересовавшая Алефа. Реактивный рюкзак. Совершенно никчемная идея на первый взгляд. Люди придумали самолеты, вертолеты, ракеты. В них комфортно передвигаться, не подвергаясь своей брэнную оболочку прямому риску. Конечно, риск есть всегда и везде, но реактивный рюкзак сравним с летающим ковром. И все же... Долго мечтавший о крыльях человек получает крылья таким удивительным образом. Надевает скафандр, как у космонавта, с системой жизнеобеспечения, только намного легче обычного; на спину прикрепляет реактивный ранец, способный поднять на воздух человека средней комплекции. Ранец работает на водородном топливе. Если он загружен полностью, то длительность полета в пределах 2 часов. Человек в чудо-ранце способен летать на высоте пассажирского самолета. Вместо крыльев у него руки. Алеф с удовольствием представил, как парит в воздухе и машет рукой изумленным пассажирам самолета. Конечно, такая мечта могла превратиться в реальность не так скоро, как хотелось бы Алефу. Помня о своих прежних неудачах, когда эскиз его проекта военной операции показался слишком дерзким начальству, Алеф решил продумать все до мельчайших деталей и лишь потом выдать готовый план. Для начала он собрал команду из неисправимых лентяев, нытиков и бездельников, работавших не больше недели в месяц. Особенностью необычного коллектива, который сложно назвать командой, настолько все ее участники эгоистичны и закрыты, заключалась в способности бездельников придумывать невероятные электронные игрушки. Кто-то выдавал безумную идею, другой производил расчеты, третий делал макет, четвертый занимался дизайном, а пятый оценивал готовую модель и указывал на изъяны. Таким нехитрым способом, работая всего 7 дней в месяц, команда Foolish, так называло ее между собой начальство, за время своей недолгой работы придумала с десяток необычных электронных гаджетов. Реактивный рюкзак оказался не самым сумасшедшим изобретением.

Алефа поразила другая игрушка, хотя он и представить себе не мог, как такую заурядную вещь возможно превратить в пульт управления сложными дистанционными операциями. Джойстик. Обычный джойстик для игры в Combat, выглядевший игрушкой, оказался способен управлять аппаратами за многие сотни километров от нахождения самого гаджета.

Испытания нескольких гаджетов назначили на пятницу. Алеф решил устроить смотр в узком кругу. Только он и его заместитель, друг детства, сопровождавший Алефа в качестве Санчо Пансы всю их сознательную жизнь. К часу дня подтянулась команда Foolish. Кто-то из них только недавно проснулся и недовольно бурчал под нос, что в такую рань грех работать, не то, что испытания проводить. Все уселись в модульной конструкции, специально собранной на полигоне. Такие меры предосторожности приняли, зная, что процесс испытания может оказаться небезопасным. Громадное стекло позволяло видеть все, что происходило на полигоне. Алеф предложил другу занять место рядом с ним, однако тот отказался.

– Хотя я и не генерал, как ты, но останусь здесь, в чистом поле. Хочу насладиться зрелищем.

Алеф с удивлением посмотрел на друга, убеждаясь в том, что несмотря на долгие годы знакомства, он плохо его знает.

– Придется мне составить тебе компанию. Не оставил мне выбора.

Первым делом решили испытать похожие на кузнечиков дроны. Алеф подал знак сидящему за стеклом оператору, и тут же в небо взмыли два громадных насекомых. Звук, издаваемый дронами, походил на стрекот кузнечиков. Но только не маленьких симпатичных кузнечиков, словно пиликающих на крошечных скрипочках, а громадных страшных кузнецов-мутантов, выживших после атомной катастрофы и играющих вместо скрипачек на контрабасах. Алеф и его друг с интересом наблюдали за двумя аппаратами, кружившими над ними. Друг обернулся и спросил:

– Тебе не страшно? Скажи честно, не изображай героя-ветерана.

Алеф замешкался на мгновение:

– Страшно. Впечатляет. Не только мне страшно. Любому живому существу будет страшно еще оттого, что эти машины похожи на живых существ. Ожившие монстры из сказки.

– Хорошую мы выбрали команду. Воображение у них буйное.

После беспилотников устроили битву двух истребителей. По сути, истребители – те же беспилотники. Управляли ими с земли. Одна из моделей, меньше настоящего аппарата, но больше обычной модели, являлась копией ястреба. Такой же хищный клюв, форма крыльев, хвоста. Для пущей похожести корпус истребителя украсили изображением оперения ястреба. Хищный ястреб взмыл вертикально и завис в воздухе. Алеф с восхищением наблюдал за птицей. Вдруг рядом с ястребом показался еще один пернатый. Гриф, размахом крыльев превосходящий небольшого юркого ястреба, грозно навис над соперником. Алеф оценил задумку своей команды, выбравшей грифа в качестве одного из истребителей. Весь отдел Алефа с большим вниманием наблюдал за проектом противника, за любимой птицей Фахра, за его секретным Грифом. Ястреб нырнул, увертываясь от угрозы. Воздушный бой продолжился; Алеф бросил взгляд на своих бесшабашных подопечных, развлекающих не только своего начальника и его заместителя, но также получающих удовольствие от созданных ими существ. Двое сидели за пультами и управляли птицами, а трое кричали, жестикулировали и, вероятно, каждый давал совет. Еще немного, они переругаются, и птицы упадут на землю. Друг вскрикнул, Алеф поднял голову и увидел, как ястреб поднялся на высоту и спикировал прямо на голову грифа, потерявшего управление и камнем падающего на землю. В самый последний момент человек, управлявший грифом, смог замедлить его падение и аккуратно посадить. Алеф обнял друга, забыв о пандемии и строгих правилах поведения, похлопал в ладоши, выражая одоб-

рение команде. Разработчики, подчиненные Алефа, заверили его, что машинами в натуральную величину могут управлять асы-пилоты, как в его любимой игре.

Последним номером программы выступил джойстик. Алеф не представлял, каким образом команда будет демонстрировать возможности чудо-рычага. Он полностью положился на своих подчиненных. Один из них, тот, кто посадил грифа, вышел из помещения и пригласил генерала и его друга в зал в том же модуле. Они прошли в просторную комнату, где на стене висел плоский экран. Рассеянный свет позволял ясно видеть все происходящее на экране, а также наблюдать за теми, кто находился в зале. Экран загорелся. На экране появилось изображение, очень напоминающее географическую карту. Очевидно, что съемка велась из космоса. Постепенно четкие очертания карты стали размываться, и появилась картинка пустыни, растрескавшейся земли, местами покрытой белым, искристым покровом. Алеф повернулся в сторону ближайшего сотрудника.

– Снег? Это лед?

– Нет, это соль. Высохшее громадное озеро. Мы долго искали место, идентичное родной пустыне Грифа, детища Фахра. Нашли.

Из щели в земле появилась голова небольшого зверька, похожего на суриката. Зверек вылез из земли, поднял правую лапку, помахал ею, словно приветствуя кого-то. Следом за ним из земли выбрались еще трое сурикатов. Они встали в пары и пустилась в пляс. Заместитель Алефа громко засмеялся. Генерал перевел взгляд на человека, сидевшего в углу и управляющего джойстиком. Алеф встал, подошел к человеку, знаком показал, что хочет взять в руки рычаг. Тот охотно отдал ему управление, с любопытством ожидая, что придумает его шеф. Алеф выяснил, как двигаются сурикаты, и успешно закончил танец, поменяв при этом партнеров. Демонстрация закончилась, сурикаты исчезли. Осталось много вопросов.

Алеф подошел к разработчикам и небрежно, так, чтобы скрыть охватившее его волнение, спросил:

– Объясните мне, невежде, эти сурикаты живые, куклы или голограммы? Что это?

Один из ученых улыбнулся:

– А вы как думаете, генерал?

Потом, вспомнив, что военный может отреагировать совсем не так, как его коллеги, поспешил добавить:

– Вы угадали, генерал. Это голограммы. Мы не стали тратить государственные деньги, чтобы доставить за тысячи километров, в пустыню, какие-нибудь аппараты. К тому же любая деятельность на территории чужого государства вызывает ненужную шумиху. Но будьте уверены, что наш чудо-джойстик способен управлять куклами и вообще, любым радиоуправляемым аппаратом. Сигнал идет через спутник. И если необходимо взорвать мишень, даже находящуюся за тридевять земель, мы в состоянии это сделать. Конечно, рядом с мишенью должна находиться взрывчатка.

Генерал снисходительно посмотрел на ученого:

– Послушайте, и в чем тогда ваше достижение? Кто-то ведь должен установить взрывное устройство. Значит, там не обойтись без помощи агента. А рисковать ценным агентом не хочется. Подумайте, возможно ли обойтись без помощи человека? Робот, который бы подложил мину, – такое возможно?

Ученый спрятал усмешку в усах:

– Теоретически возможно, безусловно. Но и робота придется туда доставлять. Голограммой не обойдешься. Почему бы не попробовать машину, начиненную взрывчаткой, без водителя. Она приедет на место, встанет рядом с мишенью и в определенный момент будет взорвана. Мы сможем наблюдать за процессом с нашего модуля. Вы же видели. У нас все готово.

Разработчик подумал минуту и добавил:

– Все равно, без человека не обойтись. Кто-то должен на месте найти машину, положить туда взрывчатку, и только потом в работу включимся мы и наш волшебный джойстик.

Алеф вздохнул. Заместитель генерала, Санчо Панса, молчавший и лишь наблюдавший за происходящим, заметил:

– Удивительно, насколько кровожаден человек. Ему все мало. Всю планету изгадил, зверей истребил, и продолжает еще истреблять себе подобных.

Алеф с удивлением посмотрел на друга:

– Не думал, что тебя так волнуют судьба планеты и людей. Тебе впору погаться в священники. Твоя новая подружка на тебя так влияет?

Друг закашлялся и отошел в сторону. Алеф поблагодарил команду Foolish и пообещал в скором времени дать окончательный ответ: какой из вариантов ему показался самым оптимальным для операции.

Фахр всю последнюю неделю учил Грифа летать. Так, как летает настоящая, а не железная птица. Маневры его любимой игрушки становились все сложнее и искуснее. Фахр не спал ночами, он грезил наяву. Представлял, как громадная птица с высоты летит вниз и замирает в самый последний момент над ним, Фахром, маленьким мальчиком. Жена с тревогой глядела на него, но не решалась задавать вопросы. Настал день, когда генерал понял, что если он сейчас же не отправится на отдых, то чуть позже все потеряет для него интерес. Все. Семья, страна, работа и даже Гриф. Он так и сказал своему начальнику. Шеф согласился, хотя с оговорками. Фахру предоставили неделю отдыха. Услышав радостную новость, жена заулыбалась.

– Как думаешь, любимый, куда нам лучше поехать? Мне хочется, чтобы мы побыли с тобой вдвоем. За детьми присмотрит моя мама. Надеюсь, ты не против?

– Делай, как знаешь. Мне все равно. Я так устал, что единственное, чего мне хочется, – посмотреть на море, на горизонт, и чтобы вокруг никого не было. Только мы и чайки. Предупреждаю тебя, что буду молчать, и вообще, буду плохим спутником. Решай сама, хочешь ты со мной поехать или нет.

Жена помолчала, погладила седую голову генерала:

– Я хочу быть рядом с тобой. Будешь ты молчать, спать целый день, ты же не спишь последний месяц, или гулять по пустынному берегу, неважно. Я буду рядом. Мне этого довольно.

Фахр с благодарностью взглянул на жену. Вытащил старенькую потертую карту, разложил на столе и ткнул пальцем в маленькую точку на берегу моря. Рыбацкая деревушка назвалась «Denizli». Решили выезжать на следующее утро. Фахр пообещал, что с жильем и едой проблем не будет.

– Конечно, там рыбацкая хижина, не отель, но мне милей простые радости.

Ранним утром, погрузив самое необходимое и, главное, рыболовные снасти, они отправились в путь. Дорога проходила по пустынной местности. Изредка встречались населенные пункты. Этикет царского вируса как нельзя лучше вписался в реальность маленьких поселков. Никаких ярких событий, праздников, компаний. Словно все вокруг окутало покрывало, схожее с одеждой особо религиозных женщин. Единственное послабление – отсутствие масок на лицах мужчин. Тоска. Море, сизое небо, чайки, лодки рыбаков, запах рыбы, обветренные, грубые мужские лица, закутанные женские силуэты. Фахр с женой не стремились к общению. Но однажды они все же приняли приглашение рыбака. Дом рыбака находился на краю рыбацкого поселка. Во дворе сушились сети. Четверо маленьких детей, трое мальчишек и самая маленькая – девчушка с забавными хвостиками – бегали по двору и играли в придуманную ими игру. Жена Фахра, увидев маленькую рыжую девочку, улыбнулась. О такой дочке она мечтала давно. Трое сыновей занимали все ее время, а девочка, такая славная, как дочь рыбака, превратилась в грезу.

Женщина мечтала о том, как могла бы скрасить ее будни живая, озорная девчушка. Будущая мамина помощница. Женщина не решалась признаться Фахру. Ему не до жениных капризов. Она тут же представила себе, как он отреагирует: нахмурится, от чего между бровями заляжет морщина, прищурит глаза, скривит губы в недобольной усмешке. Скорее всего, ничего не произнесет. Но и так все станет ясно.

На пороге ждал хозяин. Провел их в просторную гостиную. Обстановка простая. Бревенчатые стены, высокий потолок, грубо сколоченный стол и такие же лавки с двух сторон стола. Большое окно в резной деревянной раме удивило ее. И еще небольшая картина на стене напротив окна. На картине тоже окно, только затянутое затейливой железной решеткой, подоконник, а на нем старая керосиновая лампа. Язык пламени, напоминающий женскую фигуру, восхитил женщину. Рядом с лампой – старая истрепанная книга. Решетка на картине привлекала внимание. На настоящем окне не было решеток. Окно выходило во двор, огороженный невысоким забором. А за забором полоска суши и бескрайнее море.

На столе накрыт нехитрый ужин. Зажаренная на углях рыба, лепешки из ржаной муки, овечий сыр. Хозяин жестом пригласил гостей за стол. Женщина захотела спросить о хозяйке, но ее взглядом остановил Фахр. Приподнятое настроение женщины сменилось привычным смирением. Ей позволили присутствовать на встрече, неслыханная милость. Мужчины вели неспешную беседу. О море, об улове, вспомнили о свалившейся на мир пандемии и возможных последствиях для Серполипеса. Фахр внимательно слушал все, что рыбак говорил, подбирая слова, высказывая смутные мысли, которые долгое время бродили в голове.

– Вот вы уважаемый человек. Сразу видно. Я не знаю, чем вы занимаетесь, но невозможно ошибиться. Что вы думаете обо всем, что происходит? Нас обложили, как диких зверей. С каждым днем жизнь дороже. Налоги выше. А теперь еще эта болячка. Чем мы не угодили Господу? Мы же выполняем все его предписания!

– Откуда вы знаете, чего ждет от нас Всевышний? Этого никто не знает. И те, кто служат ему, тоже не знают.

Степенный разговор прервала девчушка, забежавшая в комнату. Озорные глаза выдавали любимицу отца. Она подбежала к отцу, ожидая, что тот приласкает ее. Мужчина наклонился к ребенку, что-то сказал ей на ухо. Девочка смутилась и выбежала из столовой. Жена Фахра обратилась к рыбаку:

– Какая у вас милая девочка! Душа радуется, глядя на нее! Как солнце освещает все вокруг.

Рыбак улыбнулся:

– Девочка скрашивает нашу жизнь. Но пройдет совсем немного времени, и она уйдет в другую семью, чтобы зажечь своей семьей с мужем и детьми.

– А сколько ей лет, она же совсем маленькая? – женщина не смогла скрыть разочарования.

– Да, ей всего 5 лет. Но она помолвлена с рождения с сыном моего самого близкого друга. Как только ей исполнится 10 лет, ее заберут у нас, чтобы она привыкла к своей новой семье.

Глаза женщины погасли. Она вспомнила, как она боролась со своими родителями, желавшими выдать ее замуж в 13 лет за двоюродного брата. Сколько слез пролила, сражений выиграла. Вышла замуж поздно, в 18 лет, за Фахра. Все вокруг твердили, что ей несказанно повезло.

Мужчины продолжали свой серьезный разговор о религии, политике, улове. Женщина не пыталась вмешаться. Да и что она могла сказать столь важного, чтобы к ней прислушались опытные мужчины. Фахр почувствовал настроение жены и повернулся к ней:

– Можешь пройти на женскую половину, тебе, наверное, неинтересны все эти серьезные разговоры.

Женщина встала, поклонилась хозяину и вышла. Она ценила отношение мужа, позволявшего ей неслыханные вольности. Общаться с его знакомыми мужчинами, не закрывая лица. Иногда она высказывала свое мнение, всегда вызывавшее снисходительную улыбку на лице Фахра. Он смотрел на нее, как на неразумное дитя. Часто она думала о том, что женщины Нервеста ведут себя так же свободно, как и мужчины. В последнее время в Серполипесе подули ветры перемен. Девушкам позволили учиться в университете, и некоторые даже пошли работать. Мужчины все, как один, твердили, что учиться и работать хотят лишь дурнушки, у которых не было шансов заполучить хорошего мужа. Вот они и стараются обеспечить себя хлебом насущным. Поразмыслив над рассуждениями мужчин, жена Фахра задала себе простой вопрос: «А что будет с ней, если Господь призовет Фахра к себе?» Ей, матери троих маленьких мальчиков, придется нелегко. Правда, учитывая заслуги Фахра, возможно, ей назначат пенсию. И в этом случае она оказывалась в лучшем положении, чем большинство ее соотечественниц.

Сумбурные мысли не покидали женщину все хмурое утро.

«Морось, мелкий дождь, окутывающий все вокруг коконом. Очертания предметов плывут, картинка размыта, как если бы художник-создатель, страдая близорукостью, решил изобразить мир таким, каким он его видит. Звуки, как и изображение, потеряли остроту, звучат приглушенно. Природа взялась исправлять ошибки своих неразумных детей – людей. Ярость, агрессия, затопившие весь мир, не оставляющие ни малейшего шанса солнцу, чистому небу, ясному прозрачному воздуху, породили печаль, меланхолию, туман, серость, морось. Слезы, омывающие землю, капают неспешно, медленно, словно застарелая боль, тоска. Невозможно выплакать ее потоком ливня, смыть всю боль разом. Вот и родилась такая бесконечная меланхоличная погода».

Если бы она высказала свои размышления Фахру, то обязательно получила бы от него порцию нравоучений. Чаще всего муж напоминал ей о том, какая она счастливая женщина, как ей повезло в жизни, потому что она вышла замуж за него, прогрессивного, внимательного, заботливого мужчину, а не за одного из тех, кто по любому поводу насмехается над женщиной и ни во что не ставит ее мнение. Еще бы обязательно напомнил, что ни она, ни сыновья ни в чем не нуждаются, а ведь страна сейчас в тяжелом положении, и все выживают, как могут. Женщина молчала, с тоской глядя на дорогу, ведущую в прежнюю, рутинную жизнь. Фахр уверенно вел машину и думал о Грифе.

Позднее женщина не могла с уверенностью сказать, как все произошло на самом деле, хотя она вспоминала о страшном событии каждый день. Иногда в самый неожиданный момент. Расчесывая волосы, глядясь в зеркало или читая сыновьям сказку на ночь. Тогда она застывала, взгляд стекленел, и в сознании вновь появлялся звук, напоминавший жужжание громадного жука, а может, стрекот кузнечика, в следующее мгновение громадное насекомое зависло почти вровень с машиной на стороне водителя, и еще через минуту Фахр откинулся на сидение, тихо охнув, а машина, словно по мановению волшебной палочки, остановилась. Вспыхнула вспышка, как от фотокамеры, гигантское насекомое поднялось в воздух. Женщину несколько раз приглашали в секретную службу, где суровый мужчина задавал ей множество странных, как казалось женщине, вопросов. Ни на один из них женщина не смогла дать ответ, который бы удовлетворил военного. Каждый раз у него на лице появлялось то же выражение, что и у ее, теперь уже покойного мужа. Снисходительность вперемежку с презрением. Ее рассказ о громадном жужжащем насекомом, о том, что насекомое, вероятно, убило ее мужа, вызывал раздражение и насмешку. В конце концов женщину оставили в покое. Проводивший допрос военный в очередной раз уверился в том, что женщины не способны адекватно воспринимать реальность, а тем более объ-

яснять происходящее. Женщине, как она и предположила в последний день совместной с Фахром жизни, назначили пенсию, чтобы она могла вырастить сыновей, оставшихся сиротами.

Генерала Алефа, его заместителя и всю команду Foolish наградили солидной премией, а еще отдыхом в самом райском уголке Нервеста. Операция, названная «Джойстик», вызвала восхищение не только у тех, кто участвовал в ней или получил информацию из первых рук, но и у противника, когда после долгого разбирательства выяснилось, что произошло. Все обстоятельства прояснила утечка информации из Нервеста. Уж очень военным Нервеста хотелось похвастаться собственным изобретением. Особую благодарность Алеф получил от своего начальства за то, что жена уничтоженного вражеского военного ученого не просто осталась жива, а не получила ни царапины. «Ювелирная работа», – так отозвался об операции самый главный военный Нервеста. А он знал, о чем говорил. Как правило, все происходило с точностью до наоборот. Главная мишень, будь то военный, террорист, неугодный политик, либо банальный военный объект, оставались в целостности и сохранности, а вот невинные граждане, чаще всего старики, женщины и дети становились жертвами удара. Почему провидение наказывало ни в чем не повинных людей? Никто, даже посредники между Всевышним и людьми не могли ответить на этот вопрос. Пытались. Рассказывали о том, что невинная жертва должна отрезвить воюющих. На деле никакие жертвы не мешали вновь разгореться войне. Не обошлось без бемоля. Алефу напомнили о том, что его знаменитый джойстик сработал, управляя смертоносным дроном, только потому, что Фахр в тот роковой для него день ехал в небронированном автомобиле и без охраны.

Жена Фахра долго еще разговаривала с духом своего мужа, похожим на нарисованную гуашью копию мужчины, рассказывая о своих горестях и радостях. Наконец он стал внимательно слушать все, что она говорила, и иногда, как ей казалось, он смотрел на нее с любовью и уважением.

Ассоциации

Черный кобель, прозванный Walky, легко запрыгнул на скамью рядом с хозяином. Шерсть блестит на солнце, собака игрива и активна. На ней не обычный ошейник, стягивающий удавкой горло, а удобная шлейка, обхватывающая грудь. О том, что кобеля зовут Walky, сообщил хозяин собаки, молодой человек приятной наружности, такой же ухоженный, как и его питомец. Английская кличка считывалась легко: такая активная веселая собака вызывала мысли о прогулке. Женщина знала, что у заводчиков свои правила, по которым они дают имена собакам. Во-первых – порода. Если кавказская, то имя, соответственно, должно быть кавказским, а также в нем будут сочетаться буквы из кличек родителей. Все сложнее, чем у людей, у породистых собак. О том, как называют породистых собак, женщине рассказал друг, владелец громадного белого алабая. Девочку-собаку назвали поэтическим именем Эльвира. Глядя на громадного алабая, пусть даже девочку, женщина обязательно представляла себе свою родственницу, которую звали так же. Эльвира – женщина в самом деле романтичная. А собака... нет, о ней она ничего не знает. Еще одна собака с милым женским именем Molly, еще совсем маленькая, щенок, выпрыгнула из памяти. Почему так назвали щенка, неизвестно. Щенка взяли из приюта, куда он попал из-за жестокого обращения хозяев. Собачку забрали веселые, добрые люди, и она оттаяла. Породистая собачка или нет, новых хозяев не волновало. Беленькая симпатичная Molly, чей экстерьер говорил об отсутствии строгих канонов породы. По соседству молодая семья с двумя маленькими мальчиками. Женщина оценила жизнерадостную и незлобивую натуру Molly, поглядев, как маленький двухлетний шалун дергает собачку

за хвост, играя, кормит ее. Возможно, они одного возраста с поправкой на срок жизни у собак и людей. Заметно, как им нравится вместе играть. Собачке и малышу.

У непородистых собак все обстоит почти также, как у большинства людей. Называй, как хочешь. Правда, в последнее время в ее отечестве ввели строгие ограничения на имена. Определили, что младенцев лучше называть национальными именами. Не стоит брать пример с соседей и обременять малюток именами персонажей Шекспира. Уже довольно Гамлетов, Офелий, Вильямов. Как называли Walky – загадка, соблюли правила заводчиков или нет, знает только хозяин. Собака породистая, видно за версту. И тут же услужливая память подсказала историю, рассказанную другом, аристократом из Европы. У него от рождения очень длинное имя. Так полагается у них. У породистых людей. Рассказывая историю, связанную с его именем, он смеялся сам и рассмешил женщину. «Представь себе, сижу в приемной министра, у меня проект, я его представил и жду ответа. Выходит секретарша, берет мою визитку и отправляется с докладом. Дверь в кабинет открыта, и я все слышу. Она долго и нудно читает мое имя. Министр делает паузу и наконец, выслушав до конца длинный список имен, говорит. «Пусть все они войдут». Я долго смеялся, а потом сократил свое имя до двух простых имен».

И опять она вернулась к собакам. Вспомнила другую, тоже черную собаку, которую звали Черкес. Да, так ее звали. Сегодня, когда политкорректность стала признаком хорошего воспитания, такая кличка вызовет недоумение и вопрос. При чем здесь Черкес? А кто его знает? Может, Черный ассоциировался с Черкесом, а возможно, у хозяина были свои резоны, чтобы назвать собаку этой кличкой. Черкес любил сахар, не особо досаждал окружающим, лаял по необходимости, выполнял свои собачьи обязанности без особых капризов.

У женщины перед глазами встала сценка, увиденная на одной из улочек старого города. День, солнце высоко в небе, но не жарко, она спешит куда-то, и внезапно прямо перед ней на тротуаре идиллия. Симпатичный толстенький щенок машет хвостиком; тот качается словно маятник. Рядом полусонный котенок лапкой цепляет и отпускает хвост щенка. Очевидно, что это игра, и оба получают удовольствие. Женщина помнит свое удивление и восхищение. Кошка и собака, классическая пара врагов и вдруг такая симпатия. Маленькие детки еще не знают, кто их враг; позже их научат старшие.

Как оказалось, не она одна увидела интересную сцену дружбы между котенком и собачкой. Недавно в социальной сети наткнулась на картину интересного азербайджанского художника, Мусеиба Амирова. Картина называется «Прогулка», а вернее «Promenade». Написана в 2021 году. На картине женщина под зонтом, в летнем разноцветном наряде, легкомысленный шарф вокруг шеи, волосы собраны в пучок, выгуливает двух питомцев. Собаку и кошку. Живописная группа идет вдоль берега. Маленькая кошечка и собака побольше, на поводках, бегут впереди, а за ними, повинувшись их воле, плывет женщина. Оранжевый берег, оранжевое небо и синее-пре-синее море. На берегу люди, машины, велосипед. Жизнь кипит. А друзья гуляют. На радость окружающим.

С котом, зеленоглазым, дымчатого цвета, с разбойничьей физиономией, она познакомилась совсем недавно при очень интересных обстоятельствах. Лето, жара. На балконе, выходящем во двор, открыто окно. Женщина играет прелюдию Рахманинова, полностью погружившись в волны музыки. Вдруг она слышит, как кто-то начинает баритоном отгнать некоторые аккорды. С замиранием сердца (надо сказать, что она была в квартире одна) оборачивается и видит кота, не спускающего с нее разбойничьих глаз. Понравилась ему прелюдия Рахманинова? Поэтому он стал подпевать? Женщина встала, строго посмотрела на кота и сказала, совершенно уверенная в том, что он поймет ее: «Уходи, я не готова иметь в доме кота. Может, когда-нибудь захочу. Но не сейчас».

Он еще раз пристально взглянул, ухмыльнулся (ей так показалось), развернулся и медленно, с ленцой пошел в сторону балкона. Всем видом давая понять, какое сокровище она не оценила.

Через месяц тот же разбойник-кот оказался втянутым в конфликт. Все происходило на глазах у изумленной публики; среди них оказалась и женщина. Стояла прекрасная весенняя погода. Куст сирени благоухал на всю округу. В голове легкие, словно весенние перистые облака, мысли; еще чуть-чуть и польются стихи из умиротворенной души. И вдруг... Он, зеленоглазый дымчатый кот, и напротив него тощий заморыш черного цвета, котик. Котом его назвать сложно. Доходяга. Мяучит пронзительно на высоких тонах, срывающихся в истерику. Серый молчит, пригнулся, черный наклонился к его уху и что-то рассказывает грозному сопернику. По виду можно предположить, что пытается запугать страшными угрозами. Серый молчит, ни звука, ни движения. Молча выслушивает крики черного, прерываемые хриплым рычанием. Когда черный замолк, серый выпрямился во всю статью, и стало заметно, насколько он мощнее противника. Тут произошла неожиданная для зрителей, приготовившихся к бою, пусть и неравному, но все же к поединку двух котов, развязка. Серый просто взглянул на черного. Взгляд был подобен тяжелому копыю. Черный отпрыгнул на приличное расстояние и, громко мяукая, убежал. В таких случаях говорят: позорно бежал с поля боя. Так оно и было.

Один из тех, кто с интересом наблюдал за поединком котов, заметил: «Дерутся совсем как политики. Сначала словесная подготовка, а потом атака. Самый сильный не очень старается, не рассказывает о страданиях. Слушает соперника, а дальше решает: начать драку или просто попугать. Здесь с самого начала было ясно, что серый сильнее намного. Ему даже драться не пришлось. В случае с политиками не все так просто. Да... У котов все проще, лучше...»

Круг ассоциаций замкнулся. Война между разными племенами, да и соплеменниками не перестает сотрясать мир животных и людей. А так хотелось бы, чтобы наступил мир.

GulushAga

**Окончена война
А мины рвутся
И гибнут мальчики
Что пели о победе
Еще вчера**

**Окончена война
А пепелища не остыли
Горят дома
Сады леса
И ненависть посеяна
Врагом на минном поле**

**Окончена война
А слезы льются
Мугам летит над Карабахом
И души рвутся в небеса**

19.12.20

ЛЯМАН БАГИРОВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОРТРЕТЫ

Море, рыба, Бог, добро, или Ирония судьбы: Д'Актиль и В.Киршон

Моя бабушка по матери обладала тремя несокрушимостями! Несокрушимой энергией, несокрушимым спокойствием и несокрушимой иронией. Любимым ее присловьем было: «Собака лает – караван идет!» Высказывалось оно практически в любой жизненной ситуации и подкреплялось небрежным взмахом руки. Рука была рабочая, испещренная сеткой морщин, но породистая. И старинные кольца так ладно обхватывали длинные пальцы. Караванов по жизни моей бабушки, видно, прошло немеряно, и собаки целыми сворами неслись за ними, но в этих перипетиях она сохранила изумительную стойкость духа, да незамысловатую истину: *«Собака лает – караван идет!»*

Впрочем, иногда она произносила задумчиво, будто внутрь себя: *«Сделав добро – брось его в море: рыба не поймет, а Бог оценит»*. Смысла этих слов я не понимала: меня очень веселила не блещущая умом некая рыба, а вот про то, что Бог что-то оценит – было вообще за гранью моего разума.

Куда интереснее было наблюдать, как бабушка выращивает цветы или ставит химические опыты. Она была химиком, любила свою профессию глубоко и страстно, и небольшая веранда в ее доме была вечно уставлена ящиками с колбами и пробирками и вазонами с цветами.

– Вот смотри, – серьезно наставляла она меня, – прежде чем посадить цветок, непременно раскроши в ямку кусочек хлеба, неважно, какого. Но хлебушек нужен, чтобы земля приняла растение, и тогда оно будет хорошо расти и радовать тебя цветением.

Не поверить этому было трудно – бабушкина веранда весной и летом напоминала райский сад. Пламенели настурции, выглядывали из-под толстых стеганых листьев фиалки – синие, фиолетовые, розовые, белые. Фуксии низко клонили головы под цветами-сережками, пестрели вербены, одуряюще пахли гиацинты. На смену этому великолепию заступали мелкие розы – белые, розовые, алые. Они оплетали оконную решетку и тянули свои ветви к бабушкиному дивану. Тот всегда был покрыт узорчатым ковром, и оттого казалось, что бабушка восседает на своем троне под балдахин из роз. Да она и была для меня принцессой из «Тысячи и одной ночи», а ее дом полон загадочных чудес.

Ну разве не чудом было обнаружить в тайниках бабушкиного раскладного дивана пластинку с записью голоса Есенина?! Правда, эта пластинка 1924 года скворчала и шипела как сотня сковородок с жарящейся картошкой, и сквозь шипение иногда прорывался тонкий визгливый голос: «Пр-рр-роведите, прр-роведите меня к нему – Я хочу-у видеть этого человека!». Уже одно то, что эта пластинка была выпущена еще при жизни поэта, наполняло меня гордостью за бабушку! Знай, мол, наших! Ни у кого такой нет, а у нас есть!

Были и другие ценности. Опять пластинка, на сей раз с речью Ленина на 3-м съезде комсомола. Но там вообще ничего нельзя было разобрать: картавый голос вождя мирового пролетариата то и дело прерывался бурными аплодисментами молодых строителей коммунизма.

Медный рубль 1919 года. Ух, и недоброй памятью вспоминала я его! Бабушка считала этот тяжелый позеленевший кружок панацеей от синяков, и стоило мне удаться, сразу заботливо прикладывала его к ушибленному месту. Мало того, что он был очень тяжелый, так с ним и не двинешься никуда! Приходилось сидеть смиренно.

Чугунный Мефистофель с длинным хвостом, больше похожий на упитанную черную мышь средних размеров. Сувенир этот бабушка привезла из Петрозаводска и использовала в качестве пресса, чтоб не разлетались страницы ее бесчисленных статей. Мефистофель скалил зубы и довольно щурил глаза – наверно, химические термины были ему по душе.

И снова пластинка. Ею бабушка, пожалуй, дорожила больше, чем визгливым Есениным и картавым вождем мирового пролетариата. Маленькая, с поблекшей надписью в середине и царапкой на одной стороне. На пластинке были записаны две песни. Вернее, два ромansa. Но о понятии «романс» я узнала гораздо позже. Это были «Две розы» на музыку С.Покрасса и стихи Д'Актиля и «Я спросил у ясеня» на музыку М.Таривердиева и стихи В.Киршона. Если вторая композиция была немного известна благодаря рязановской «Иронии судьбы», то первая вообще – тайна за семью печатями! Мне ничего не говорили имена С. Покрасс и тем более Д'Актиль и В.Киршон. Честно говоря, я вначале подумала, что это какая-то аббревиатура. Ни одно имя, кроме М.Таривердиева, не было мне известно.

Но отчего-то, слушая два эти ромansa, бабушка неизменно повторяла свою поговорку о добре, которое надо бросить в море. Слушала она их, закрыв глаза, и веки ее подрагивали, словно у птицы. В эти минуты мне казалось, что бабушка когда-нибудь так и уйдет навсегда, сидя на своем ковровом троне в окружении цветов, реторт и пробирок. И вкрадчивый тихий голос будет напевать:

*Одна из них, белая, белая,
Была как улыбка несмелая,
Другая же алая, алая,
Была как мечта небывалая.
И обе манили и звали,
И обе увяли...*

*Одна из них, грустная, грустная,
Была как свирель безыскусная,
Другая же – странная, странная,
Какая-то вечно обманная.
Увяли, конец, не цвести им уж вновь,
А с ними увяла и чья-то любовь.*

Но пока, слава Богу, бабушка была жива и здорова. Дослушав романс, она царственно вставала с дивана и переворачивала пластинку. Тут уже лились более знакомые звуки:

*Я спросил у ясеня,
Где моя любимая?
Ясень не ответил мне,
Качая головой.*

*Я спросил у тополя,
Где моя любимая?
Тополь забросал меня
Осеннею листвою.*

*Я спросил у осени,
Где моя любимая?
Осень мне ответила
Проливным дождём.*

Окончив слушать, бабушка аккуратно убирала черный диск в конверт и прятала подальше от глаз. Потом заваривала крепкий чай, делала большой глоток и только тогда произносила, будто роняла в вечность, слова о добре, море, неблагодарной рыбе и понимающем Боге.

Все мои мольбы объяснить, к чему это выражение, разбивались о каменную стену. Бабушка молча поджимала губы и переводила разговор на другую тему.

Через много лет, когда не было и бабушки, и единой страны, в которой она прожила всю свою нелегкую жизнь, мне удалось проникнуть в тайну загадочных имен Д'Актиля и В.Кириша.

Д'Актиль – настоящее имя **Анатольи Адольфович Френкель** – советский поэт-песенник, писатель-сатирик и переводчик. Родился в 1890 году в Иркутске. Жил и работал в Ленинграде. Из блокадного города в 1942 году был вывезен в Молотов. Там и умер, и был похоронен на местном кладбище.

Сейчас его имя почти никому не известно. Его стихи, положенные на музыку выдающимися композиторами, ушли в народ и обрели долгую жизнь. Но участью человека, Анатолия Френкеля – стало забвение. О нем известно совсем немного. Однако Анатолий Адольфович относился к себе с неизменной иронией. Он, скорее всего, смеялся бы тому своему вкладу в историю и навсегда бы закрыл ее.

Анатолий Френкель начал печататься с 1910-х годов в Петербурге – в юмористических изданиях. Организовывал и редактировал сатирические журналы, работал в агиттеатре.

В 1940 году на экраны СССР вышел фильм «Светлый путь» с Любовью Орловой в главной роли. Знаменитый «Марш энтузиастов», звучащий в нем, был создан на стихи Анатолия Френкеля.

Песня была очень популярна в годы Великой Отечественной войны, поднимала дух на фронте и в тылу. Ее исполняли в концертных залах блокадного Ленинграда. Дунаевский потом еще не раз обращался к стихам Д'Актиля. Песню «Звать любовь не надо» Исаак Осипович посвятил актрисе Лидии Смирновой. Их роман был красивым, долгим и драматическим. И песня на слова Д'Актиля выразила всю его страсть и нежность.

В довоенные годы Д'Актиль брался за любую работу – писал водевили, маленькие пьесы, либретто для оперетт, много лет сотрудничал с Ленинградским мюзик-холлом. Там же он познакомился с Леонидом Утесовым и создал знаменитые песни – «Пароход», «Му-му», «Тайна».

В 1935 году во Франции появилась песенка «Все хорошо, мадам маркиза». Автором оригинального текста и музыки является Поль Мисраки, аранжировку сочинил джазмен Рэй Вентура. По одной из версий, на русский язык эту шуточную историю перевел Анатолий Френкель. Песня «Прекрасная маркиза» стала визитной карточкой Леонида Утесова.

Анатолий Френкель слыл очень гостеприимным и хлебосольным человеком. В его дом приходили многие знаменитые люди. Но среди них Анатолий Адольфович не тушевался, а наоборот, слыл очень образованным человеком. Как говорили друзья и коллеги, выделялся даровитостью, свободно владел несколькими языками. Он ценил силу эзопова языка, иносказания. Поэтому и взялся за перевод близких себе по духу писателей – Джека Лондона, О'Генри. Д'Актиль перевел на русский «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла.

Его называли гением метаморфозы. Он получил известность в первые годы Советской власти как автор «Марша конников Буденного» на музыку тоже Покрасса, только уже не Самуила, а Дмитрия (Вообще, удивительная фамилия. Все три брата Покрасса – Самуил, Дмитрий и Даниил были композиторами, а четвертый, Аркадий – пианистом и аккомпаниатором).

Марш конников Буденного был таким знаменитым, что его распевали не только взрослые. Под эту бравурную музыку маршировали детсадовцы. Иногда даже младенцев укачивали под его звуки!

*Мы – красные кавалеристы,
И про нас
Былинники речистые
Ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы гордо и смело в бой идём!*

В Гражданскую войну Д'Актиль служил в Политотделе Первой Конной Армии. Впоследствии о нем писали.

«Гражданская война породила множество приспособленцев, но далеко не все из них могли сочетать запредельную гибкость с несомненными литературными способностями».

А литературных способностей у Д'Актиля было много. И талант был искренен и многогранен. Иначе наряду с «Маршем конников» он не написал бы изумительные стихи романсов «Изумруд», «Вам девятнадцать лет» и, конечно, «Две розы», столь любимые моей бабушкой...

Судьба второго автора – **Владимира Киршона** – оказалось более насмешливой и трагической. Если бы Эльдар Рязанов не включил в свою бессмертную «Иронию судьбы или с легким паром» песню «Я спросил у ясеня», то ее автора, Владимира Киршона, сейчас помнили бы только литературоведы – специалисты по советской литературе первой половины XX века. Обычные читатели его вообще не знали бы – настолько посредственными были его пьесы. А те, кто знал Киршона лично, не захотели бы и вспоминать о нем вообще. И вот почему...

В конце 1920-х годов имя драматурга Владимира Киршона гремело в литературной и театральной среде. Он не был талантлив, не был даже особо даровит, но, что называется, умел держать руку на пульсе времени. Умел мастерски пробиться в управления писательских организаций и редакций журналов, умел создать себе «хорошую» репутацию, умел продвинуть пьесу, умел заводить связи с нужными людьми и в нужный момент.

Драматург Александр Афиногенов так отзывался о коллеге: «Воплощение карьеризма в литературе. Полная убежденность в своей гениальности и непогрешимости. Он мог держаться в искусстве только благодаря необычайно развитой энергии устраивать, пролезать на первые места, бить всех своим авторитетом, который им же искусственно и создавался».

Киршон вырос в семье революционеров. Во время Гражданской войны еще гимназистом сбежал в партизанский отряд, дошел с красными до Владикавказа. В 1920 году в возрасте 18 лет стал членом РКП(б).

В 1924 году оказался в комиссии по созданию знаменитого литературного объединения РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), попал в секретариат.

И при этом – внимание! – сразу завел дружбу с Николаем Ежовым, будущим наркомом НКВД, и стал искать одобрения своих произведений у самого Сталина.

Ходил анекдот, что однажды Киршон побывал на приёме у Сталина и спросил у того о впечатлениях от недавнего спектакля по своей пьесе «Хлеб». Сталин пыхнул трубкой и равнодушно ответил: «Не помню. Вот одиннадцать лет назад я смотрел «Коварство и любовь» Шиллера – помню до сих пор. А вашу пьесу – не помню».

Киршон напрямую пользовался властью, попросту устраняя с дороги «конкурентов». О том, что происходило в писательских кругах, докладывал Сталину. Письма вождю начинались так: «Считаю обязанным довести до Вашего сведения...» или «Я обязан сообщить Вам...».

Кстати, делал он это не тайком, не воровски, а писал открыто, предварительно разгромив на собрании очередного оппонента. Михаила Булгакова Киршон буквально травил, прямо называя его в статьях классовым врагом.

С началом Большого террора Владимир Киршон стал ещё чаще писать письма, но уже исключительно в НКВД. Он не мог и предположить, что в 1937 году начнут травить его самого, обвиняя в троцкизме, и в конце концов арестуют.

Чтобы сохранить себе жизнь, Киршон написал четыре послания Сталину с раскаянием и мольбами о помиловании. Письма так и остались без ответа.

Имя В. Кирсона было включено в расстрельный список. Он был казнен 28 июля 1938 года. Ему было всего 35 лет.

Впрочем, его немного обесмертил Михаил Булгаков, который написал с Кирсона несколько литературных героев. Это, в первую очередь, предатель Иуда из романа «Мастер и Маргарита». Но, в отличие от Кирсона, Булгаков был более благороден. Узнав об аресте своего врага, Михаил Афанасьевич наотрез отказался выступить с разоблачительной речью.

Многочисленные и насквозь идеологические пьесы Владимира Кирсона были напрочь вычеркнуты из репертуаров театров. Из истории литературы было вычеркнуто и само его имя. Реабилитировали его в 1955 году, но творческое наследие было полностью забыто.

Однако ее величество Судьба не была бы самой собой, если бы не умела усмехаться. И неизвестно, чего больше в ее усмешке – иронии или милосердия. Наверно, все же второго... Владимир Киршон подарил людям чудесное стихотворение – «Я спросил у ясеня». Не беда, что было задумано оно как ироническое, и Тихон Хренников – автор музыки к первой песне на эти стихи – позднее отмечал в интервью, что его мелодия более веселая, чем таривердиевская, ведь «стихотворение-то ироническое».

Факт остается фактом. В историю вошла именно таривердиевская версия песни. И благодаря Эльдару Рязанову имя Владимира Кирсона не забылось окончательно. Упоминается хотя бы в связи с его бессмертным ясенем...

Кажется, именно после того, как я прочла об авторах этих двух романсов – Анатолии Френкеле (Д.Актиле) и Владимире Киршоне, мне стал понятен смысл бабушкиной поговорки о добре, рыбе и Боге. Оба поэта, чьи имена практически стерлись из истории литературы, все же успели сделать добро. Создали дивные стихи, на которые потом была написана музыка.

Letum non omnia finit – со смертью не все кончается. И позабытые поэты живы в своих стихах. Стихи эти не поглотили летейские воды. Они упали в море человеческой памяти и стали песнями. И если, слушая их, люди не вспоминают (и даже не догадываются) об авторах слов, так ли уж это важно?.. Ведь сделав добро, надо бросить его в море: рыба не поймет, а Бог оценит...

Примечание: При написании эссе использованы материалы из книги Э.Рязанова «Грустное лицо комедии», воспоминания о съемках фильма И.Авербаха «Объяснение в любви» и материалы из интернета по теме. Автор выражает огромную благодарность за предоставленные материалы.

*P.S. Сейчас только узнала об уходе Андрея Мягкова. Интеллигентнейший человек, интеллигентнейший актер, с мягкой (вот уж действительно, магическая игра слов!) и в то же время очень серьезной манерой игры. Передают последнее интервью Андрея Васильевича и за кадром звучит «Я спросил у ясеня...»
Ирония судьбы...*

Лампа под зеленым абажуром

В мае этого года исполнилось 130 лет со дня рождения одного из самых загадочных писателей русской литературы. Имя его до сих пор овеяно ореолом мистики.
Конечно, Михаил Булгаков...

«Однажды весною, в час небывало жаркого заката, в Москве, на Патриарших прудах, появились два гражданина».

«Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо, что он иногда внезапно смертен – вот в чем фокус...»

«Потому что Аннушка уже купила подсолнечное масло и не только купила, но даже разлила...»

«Умоляю, поверьте хоть на прощание, что дьявол существует».

Этот роман многие называют самым неоднозначным русским романом XX века. И этот роман – о дьяволе. А вот почему Булгакову, чтобы описать все противоречия современной ему действительности, потребовался именно дьявол, это уже другой вопрос.

Про Михаила Булгакова говорят, пишут, рассуждают и фантазируют. Мистика, чертовщина, черная магия – эпитеты его творчества. Что правда, что вымысел – уже не разберешь.

Была весна 1969 года. Именно на это время пришлась первая публикация романа «Мастер и Маргарита».

В тот день на Новодевичье кладбище пришел молодой человек. Отыскав могилу Булгакова, он увидел огромный черный камень. Так называемая голгофа. Раньше она лежал на могиле Гоголя. А когда к гоголевскому юбилею сделали новый памятник, вдова Булгакова купила эту голгофу с крестом и перенесла на могилу своего мужа.

Однажды Булгакову приснился сон, где он обратился к Гоголю со словами: «Учитель, укрой меня своей чугунной шинелью».

Все сбылось. Шинель Гоголя теперь укрывает могилу Булгакова.

В тот день перед этой голгофой стоял журналист из Ленинграда Владимир Невельский. Купил цветы, пошел и положил на этот камень. И когда он повернулся уходить, его окликнула женщина. Это была жена Булгакова. Она попросила его адрес и номер телефона. Он очень удивился. Через несколько дней пришел денежный перевод, как выяснилось, от нее. И раздался телефонный звонок вслед. Оказалось, что в завещании своем Булгаков написал, чтобы первому, кто придет на его могилу после публикации романа, была выплачена половина гонорара. Елена Сергеевна так и поступила.

Истории уже больше полувека. Но каждый день на кладбище приходят поклонники Булгакова, и гиды увлеченно ее пересказывают.

Владимир Невельский растерялся. Он не знал, что делать с такой большой суммой. Но потом, посоветовавшись с отцом, он купил катер и назвал его «Михаил Булгаков».

Мистика, провидение, совпадение, волшебная сказка, благодарность?.. Или рука Судьбы... Или Булгаков и после смерти вовлекает в свое творчество новые и новые поколения?..

Когда было столетие Булгакова, в Киеве, в 1991 году, масса людей – булгаковедов, научной общественности – пришла на Андреевский спуск, дом 13.

15 мая 1991 года. Жара была страшная в Киеве, над городом было даже не золотое, а медное солнечное марево. Каштаны от жары облетали. В два часа дня стали торжественно открывать музей. И в тот момент, когда будущий директор музея произнесла фразу: *«И вот сегодня мы открываем двери дома Мастера...»* с совершенно ясного солнечного голубого неба раздался два удара грома, один за другим. Это слышали все, кто собрался.

Мистика судьбы. Сейчас мы затвердили эту фразу применительно к Булгакову. А в 1891 году началась просто судьба.

Был трагизм юности, связанный с тем, что его воспитывали и готовили совсем для другой жизни, чем та, которую он прожил. И то, что его бросили именно в эту эпоху, отразилось на нем болезненно. Но если бы не было этой болезненности, то, возможно, и не было бы такого феерического творчества.

«Моя любовь – зеленая лампа и книги в моем кабинете». Лампа с абажуром зеленого цвета – это символ детства, большой любящей семьи, братьев и сестер. Отец, пишущий за столом, заботливая, вечно хлопочущая мать. Это образ мира, от которого только и остался, что образ в памяти, когда сам мир исчез навсегда.

«За что ты гонишь меня, судьба?.. Почему я не родился сто лет тому назад? Или лучше – через сто лет. А еще лучше, если бы я вообще не родился...»

Эти слова Булгакова словно считаны с древнегреческих трагедий. Каким-то античным ужасом, беспредельной болью веет от них.

С 1917 по 1920 годы Киев пережил 18 переворотов: большевики, немцы, петлюровцы, сторонники гетмана Скоропадского, снова большевики, денкиинцы, поляки и снова большевики. До лампы ли под зеленым абажуром сейчас?..

На глазах Булгакова вся его Атлантида, весь его заботливо лелеемый и хранимый мир, все нежно любимое ушло на дно и больше никогда не появлялось. Ему ничего не оставалось, как все, с чем он был любовно, кровно связан, описать в слове. И он это сделал. Он поднял эту Атлантиду со дна своей памяти и отразил в творчестве.

В начале творческого пути свою личную жизнь Булгаков описывал мало. На то были причины.

Когда они познакомились, ему было 17, и еще год предстояло учиться в гимназии. Ей – неполных 16. Она приехала из Саратова погостить у киевской тетушки.

Спустя пять лет студент-медик и Тася – Татьяна Николаевна Лаппа – обвенчались.

Трагичной была его юность, первая женитьба и аборт, который делает невеста буквально накануне венчания. Увлечение наркотиками, вначале баловство, потом уже пристрастие. И вообще история его докторства в Смоленской губернии, которую он так красочно описал в «Записках врача», была на самом деле до ужаса тяжелой и беспросветной.

Татьяна была рядом всегда. И когда пробовала кокаин и морфий, и когда держала руки и ноги, которые он ампутировал в госпитале в 1-ю мировую, и когда вдвоем изнывали от тоски в земских больницах.

Ее самоотверженность и верность объяснялась только одним – она любила. Но, к несчастью, любила слишком отчаянно и сильно и, увы, плохо разбиралась в литературе. А начинающему писателю нужен был еще и интеллектуальный партнер.

Он бежал и хотел сбежать навсегда в эмиграцию, где уже были два его брата. Юг России, Владикавказ, контузия, тиф, первая публикация, белые, красные.

Это был его собственный бег, который потом будет оформлен в пьесу... Но тот «Бег» будет вдохновлять уже совсем другая женщина.

В роли эмиграции выступила Москва. В Москву Булгаков пришел пешком, не было денег. Шел около двухсот верст по шпалам, устроился работать репортером, потом фельетонистом в газету «Гудок». Медицину забыл навсегда, как кошмарный сон, полный стонов, крови и гноя.

«Идет самый черный период моей жизни. Мы с женой голодаем. Пришлось взять у дядьки немного муки, постного масла и картошки. Валенки рассыпались».

Глупо рассуждать, почему сходятся и расходятся мужчина и женщина. Это великая тайна, и любовь, что движет солнце и светила, никогда не раскроет ее. Но предположения все же можно сделать.

Булгаков всю жизнь искал очень сильную женщину, способную не только понять, простить, подставить плечо, но и вовремя направить и вдохновить, а если надо, и подстегнуть, и взять инициативу на себя. Татьяна Николаевна признавалась в конце жизни с обидой, не зажившей за многие десятилетия, что Булгаков кинул ей в сердцах, когда они приехали в Москву: *«Ты – слабая женщина. Не могла меня вывезти».*

Это было, когда белая армия отступала. Татьяна Николаевна недоумевала: *«Как же я могла его вывезти? Он ведь в горячке метался, два врача мне говорили: «Вы что, хотите его довести до Казбека и похоронить?»»*

Чтобы вселиться в квартиру родственника, Булгаков написал письмо Ленину, добился встречи с Крупской. Она собственноручно написала: *«Прошу дать ордер на совместное жительство».* Так Булгаков и Тася поселились на Большой Садовой, 10, в квартире, которая потом станет **«нехорошей»**...

Он был совершенно человеком не из этой эпохи, не мог вообще в ней раствориться. Его спасало только творчество. И это была такая мощная энергия, такая важная миссия, исполнение которой и держало его на плаву, заставляя забывать и о голоде, и о холоде, и о страхе, и о ненависти.

А вот так это было в романе, в той другой реальности, которую он создавал.

«Надо сказать, что квартира эта давно уже пользовалась если не плохой, то, во всяком случае, странной репутацией... И вот два года тому назад начались в квартире необъяснимые происшествия: из этой квартиры люди начали бесследно исчезать. Ну, а колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь... Об исчезнувших и о проклятой квартире долго в доме рассказывали всякие легенды».

Всю бытовую склочность этой квартиры, весь тяжкий пестрый быт он, шагнувший из теплого и уютного дома на Андреевском спуске в Киеве, из дома с лампой под зеленым абажуром, виртуозно описал в романе, фактически привязав его действие к этой квартире.

Легенды про этот дом и нехорошую квартиру рассказывают до сих пор. Жильцы дома просыпаются то от цокота копыт, то от навязчивого скрипа, то от шагов в квартире, когда в ней никого нет, то отключенная от питания сигнализация срабатывает. Ощущение, когда кто-то на тебя смотрит даже на лестнице – самое обыденное в этом доме. Когда прокладывали теплотрассу во дворе, то из-под земли извлекли череп. Такого еще не было.словно неведомая Аннушка снова разлила вечное масло...

В 90-е годы, когда дом расселили из-за аварийного состояния, его облюбовали хиппи и вообще чуть не спалили.

Сегодня на Большой Садовой, в «нехорошей квартире», – музей. И не один, а целых два. В двух разных подъездах. Вполне в духе Булгакова. *«Это моя свита, и свита эта требует места»*...

И из «нехорошей квартиры», и из жизни верной Таси Михаил Афанасьевич удался в 1924 году. Его ждала сильная женщина, к тому же входящая в литературный мир. Все, как он и хотел. Любовь Евгеньевна Белозерская.

Познакомились они, как и полагается писателю и уже бывшей супруге издателя Ильи Василевского, на вечере редакции газеты «Накануне». А потом встретились на улице случайно. Такое бывает не только в романах, но и в жизни. Иногда достаточно всего лишь одной встречи. Ну, и естественно, хорошей погоды. И вот уже можно подыскивать квартиру не только для совместной жизни, но и для совместного творчества. Идея сочинять пьесы и рассказы вместе увлекла обоих.

В 1927 году Михаил Булгаков и Любовь Белозерская арендовали квартиру на Большой Пироговской, 35. После скитаний по углам, комнатам, каморкам, они впервые сняли отдельную квартиру.

Булгаков писал, что с каждым днем буквально влюблялся в свою жену все сильнее и сильнее и буквально питался ее воспоминаниями, как писатель. Эмиграция, граница, Константинополь, Париж, возвращение в Россию, бег... Он жадно ловил каждое ее слово.

Вообще эту булгаковскую склонность натаскивать себя на впечатления заметил еще К.Г.Паустовский и описал ее в «Повести о жизни», когда Булгаков только для того, чтобы запомнить, как хрустит и искрится снег в сугробах и большие пни спят, словно укрывшись снежными шапками, не поленился выйти из дому в суровый мороз и проделал большой путь до леса.

Впечатление от Любви Евгеньевны было сложным и неоднозначным. Было ясно, что она много пережила и перевидала на своем веку, и увиденное крепко врезалось в память. Ей очень трудно пришлось в Константинополе, она хваталась там буквально за любую работу. В Париже была кем-то вроде шансонетки. Молодость была тяжелая, а когда она приехала в Москву, то, по рассказам подруг, Ильей Василевским была произнесена фраза: вот, мол, я тебя привез и – до свидания!

Она осталась одна, без жилья, без средств к существованию. Перебивалась случайными заработками. И вот – встреча с Булгаковым. Судьбоносная для обоих. И снова стал казаться, что счастье возможно, что свет лампы под зеленым абажуром обещает покой и уют. И конечно же, счастье вновь проявило свое классическое свойство: оно было недолгим.

Любовь Евгеньевна прожила на Большой Пироговской, 35 до самой смерти. Ее до сих пор помнят соседи и особенно соседки. Вспоминают, что это была женщина высочайшей культуры, деликатности и гостеприимства и очень любила кошек. Но жильцы были против, чтобы она держала их в доме, по-дружески и она всех привечала и была ко всем предельно внимательна.

Она рассказывала о том, как у ее талантливого мужа стали наконец-то складываться отношения с театром. Его пьесы начали заказывать, ставить, на них шли. В доме начали появляться деньги. Булгаков был счастлив. На Большой Пироговской он начал писать «Бег» и в образе Серафимы Корзухиной вывел ее – Любовь Белозерскую.

«Бег», как отмечают булгаковеды, – не просто пьеса. Это зашифрованная формула о грядущем мира. То, что сдвинулась земная ось, он чувствовал всеми фибрами души. И его роман о дьяволе начался еще с «Бега». Дьявол был уже в мире, и по сей день в нем *(а сейчас, кажется, вообще разгулялся – Л.Б.)*.

Невиданный триумф «Дней Турбиных» на сцене. Зрители не могут справиться с эмоциями, аплодируют стоя. А в печати – разгромные рецензии. Нарком просвещения Анатолий Луначарский лично распорядился раздавить «мелкобуржуазное отродье». Обыск в квартире, изъятие текста «Собачьего сердца» и «Дневника». Пьеса «Бег» запрещена к постановке в стране.

Известно, что примерно в 1928 году, то есть через год после того, как Булгаков поселился на Большой Пироговской, он начал писать то, что впоследствии станет романом «Мастер и Маргарита». У романа было много разных названий в те годы, в том числе и «Копыто инженера», но точно одно: сам Булгаков называл его всегда романом о дьяволе.

Первую редакцию романа Булгаков сам разорвал и частично сжег, о чем написал Советскому Правительству.

«Запрещены спектакли «Дни Турбиных», «Зойкина квартира», «Багровый остров». Все мои пьесы запрещены к представлению в СССР. И беллетристической ни одной моей строки не напечатают. В 1929 году совершилось мое писательское уничижение. Я сделал последнее усилие и подал правительству СССР заявление, в котором прошу правительство меня с женой выпустить за границу на любой срок. Вокруг меня уже ползет темной змейкой слух, что я обречен во всех смыслах» (из дневника).

В биографии его было действительно немало мистических совпадений. Взять хотя бы его телефонный разговор со Сталиным, состоявшийся 18 апреля 1930 года, случился он в пятницу Страстной недели. И для Булгакова, и для Сталина это был день далеко не случайный (один родился в семье профессора духовной академии, другой учился в духовной семинарии).

Во время разговора Булгакова охватила сильная робость, как он сам вспоминал. Сталин задал ему вопрос: «А что, может быть, правда, отпустить вас за границу? Что, очень мы вам надоели?». Булгаков понял по тону, как нужно ответить, и сказал, что русский писатель не может жить за границей и т.д.

В первой редакции романа ни Мастера, ни Маргариты еще не было. А дьявол уже был. И многие герои и обстоятельства уже прописаны в сценарии жизни.

Но был ли Булгаков тем самым Мастером, которого изобразил?.. Скорее всего, нет. Он не был таким уж чистым, невинным художником, которого не интересовало ничего, кроме творчества. Который наивно окунулся в мир литературы и удивился тем жестоким нравам, которые там царят.

Предположить, что Мастер будет писать письма правительству, что он будет ходить на приемы в американское посольство, требовать каких-то гонораров, трудно. В Булгакове была, безусловно, душа Мастера, но при этом он был, в отличие от своего героя, довольно практичным человеком.

Московская жизнь научила его цепляться, вгрызаться, добиваться своего, и тот путь, который писатель прожил, прежде чем обрел относительное благополучие, Мастер получил буквально волшебным образом. Булгаков силой своего дара подарил ему чудесный подвальчик, в котором можно творить, не задумываясь ни о чем.

Разумеется, такому Мастеру, в которого его превратила жизнь, нужна была спутница, которая не чуралась бы никаких превращений. Каждый выбирает по себе: женщину, религию, дорогу...

Маргарита не гнушается ничем, идет на все, и их дуэт с Мастером поднимается над временем.

Сильная женщина у писателя уже была.

Теперь ему нужна была сильная женщина, обладающая сверхъестественными возможностями.

Время наступало совсем уже странное, разуму не поддавалось.

Из хорошей квартиры на Большой Пироговской и из жизни Любви Евгеньевны Булгаков удалился в 1932 году.

Его третьей женой стала неслышимая Елена Сергеевна Шиловская, муза и ведьма, готовая за любимого продать душу дьяволу. Все, как он хотел.

Елена Сергеевна до встречи с Михаилом Булгаковым была замужем за Евгением Шиловским, офицером генерального штаба. Жила в генеральском доме, с пайком, со всем довольствием.

И вот в один момент она бросает это все благополучие, чтобы уйти к не очень здоровому, бедному, не очень перспективному в то время автору. И еще неизвестно, что ей было делать с детьми, двумя сыновьями.

Это можно было объяснить только слепой любовью. Ну, или неземной...

Есть старинная поговорка: первая жена от Бога, вторая от людей, третья – от дьявола...

Многие говорили, что в Елене Сергеевне были мистические черты. Но иной женщины и не могло быть рядом с человеком, который уже боялся выходить на улицу, страшился перейти дорогу. Жизнь так здорово потрепала его, что жить рядом с ним было немалым мужеством.

Роман жизненный и роман литературный развивались параллельно. Елена Сергеевна писала, что когда они впервые встретились с Михаилом Афанасьевичем, на ней была кофточка с завязочками на локтях. Они развязались, и она попросила его завязать их. Когда он выполнил ее просьбу, она сказала: «Ну, вот я и привязала тебя к себе».

Она привязала его к себе на 8 совместных лет на этом свете. И навсегда.

Дальше был огромный и долгий конфликт со МХАТом, когда его пьесу «Мольер» репетировали четыре года и в результате измучились все: и актеры, и режиссеры, и он сам. Пьесу в результате сняли через семь спектаклей. Но крови за это время было выпито немало.

Вообще он был довольно жесткий, склочный, не идущий на компромиссы человек. Выдержать его было архисложно. После очередного конфликта в театре он клятвенно пообещал себе, что не переступит порога МХАТа. И может быть, прожил бы немного больше, если бы сдержал слово.

Но театр – как сладкий яд, как наркотик. Раз впустивши его в душу, не избавишься никогда...

«Этот мир – мой. Только здесь можно умереть и родиться заново». Так писал о театре Булгаков.

Но вот еще одна мистика Булгакова. Будучи изумительным, востребованным театральным автором, он почти никогда не находил адекватного воплощения своих произведений на сцене. И в кино тоже. Каким-то загадочным образом его работы, такие сценарные по сути, ускользают и не поддаются ни театральным, ни кинематографическим решениям. Это один из парадоксов Булгакова.

Режиссеры не раз рассказывали, как Елена Сергеевна являлась им во снах и предсказывала неудачи с воплощениями замыслов.

Михаил Булгаков умер 10 марта 1940 года. В том же возрасте, в котором умер его отец, и от той же болезни. Было ему всего 48 лет.

Когда он умер, то Ольга Леонардовна Книппер-Чехова написала Марии Павловне Чеховой, которая жила в Ялте: *«Вчера похоронили Мишу Булгакова. Думали о его несчастливой судьбе».* Это абсолютно точные и ясные слова, характеризующие всю жизнь Булгакова. Он был человеком с несчастливой судьбой.

У него была только одна просьба к Елене Сергеевне: *«Я тебя прошу, сделай так, чтобы мои произведения знали, чтобы они были напечатаны».*

И она дала ему слово. Ни один человек тогда не верил, что это будет возможно, но спутница-ведьма сохранила все, что он написал и все это передала в будущее.

Но мистика или мистификация и после смерти не отпускает Булгакова.

В декабре 2008 года в газете «Известия» была напечатана статья о том, что не было никакой загадочной истории с появлением журналиста у могилы Булгакова и с денежным переводом ему по завещанию Булгакова. Потому что и завещания-то никакого, по сути, Булгаков не оставил.

Однако катер-то существует! И экскурсоводы по сей день намозоленными языками рассказывают историю о появлении журналиста на кладбище и о нежданном денежном призе, выпавшем ему.

А в общем-то все это – абсолютно в духе Булгакова. Все как он и хотел! Его читают, о нем рассуждают и спорят. Он не забыт. И даже мистика – продолжается!!!

Вместо послесловия. Несколько лет назад я смотрела передачу о прекрасном артисте – Богдане Ступке, светлая ему память. Меня поразили его слова о Булгакове. Артист рассказал, как собирался ставить в театре спектакль по «Мастеру и Маргарите». Работа почему-то его не устраивала, и Ступка, взяв отпуск, уехал в деревню навестить мать.

Его мать была простой сельской женщиной, Булгакова она не читала. Но вещим материнским сердцем поняла, что ее ребенка что-то гложет и попросила рассказать все, как есть, что Богдан Ступка и сделал. И слова матери его потрясли. Она выслушала все внимательно о «Мастере и Маргарите», а потом вдруг спросила: «Как умер этот человек?», имея в виду Булгакова. Ступка ответил, что очень тяжело. Он перед смертью ослеп, страшно исхудал, любое движение причиняло ему боль.

Мать задумалась и отчего-то сокрушенно покачала головой. Ступка спросил у нее, в чем дело. «Понимаешь, – медленно ответила мать, – этот человек хотел создать свое Евангелие. Ему не нравилось то, которое есть, и он хотел создать свое. А этого нельзя делать».

Артист был потрясен этими словами. И в этот момент, по его признанию, ему стал пронзительно понятен и сам роман, и судьба его автора...

Но жизнь не была бы так многогранна и интересна, если бы в ней не было таких судеб...

При написании эссе использованы «Дневники» Е.С.Булгаковой, воспоминания современников о Булгакове, его собственные произведения и материалы из интернета. Автор приносит огромную благодарность за предоставленные материалы.

Выловленный таинственной сетью

28 мая этого года исполнилось 135 лет со дня рождения Владислава Ходасевича, поэта Серебряного века, чья муза словно прилетела из века Золотого, настолько его стихи прозрачны и классичны по форме, глубоки и трагичны по смыслу.

*Люблю людей, люблю природу,
Но не люблю ходить гулять,
И твердо знаю, что народу
Моих творений не понять.*

*Довольный малым, созерцаю
То, что дает нещедрый рок:
Вяз, прислонившийся к сараю,
Покрытый лесом бугорок...*

*Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стригу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.*

Горестное позднее признание Владислава Ходасевича. Так ли это? На этот вопрос может ответить только сам поэт.

В одном из последних стихотворений – «Памятник», которое отсылает нас к Пушкину, Державину, и даже к шотландской королеве Марии Стюарт (ее образ еще промелькнет в его поэзии, на гербе королевы было выгравировано «*En ma fin est mon commencement*» – «В моем конце мое начало»), Ходасевич писал:

*Во мне конец, во мне начало.
Мной совершённое так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.*

*В России новой, но великой,
Поставят идол мой двуликий
На перекрестке двух дорог,
Где время, ветер и песок...*

Двуликий идол... Памятника Ходасевичу до сих пор нет. Но то, что он сделал, является действительно настоящим памятником.

К Ходасевичу относились по-разному. Как, в сущности, и к любому человеку, к любому поэту. Пред ним преклонялись, считая самым значительным русским поэтом после Блока и Иннокентия Анненского. Наследником Пушкина и Тютчева считал его Набоков. И – самым значительным поэтом 20-го столетия. В пору непродолжительной дружбы с Ходасевичем Максим Горький называл его последним поэтом-классиком. Бунин, при всей его желчности и сдержанности, говорил о Ходасевиче: *«Один из немногих настоящих, не чета нынешним»*.

Ходасевич написал немного. При жизни вышло всего 4 тонких сборника его стихов. Первый – «Молодость» – в 1902 году; в 1914 году – вторая тоненькая книжечка – «Счастливый домик». И в самом начале 20-х годов в Москве и Петрограде – две его последние книги – «Тяжелая лира» и «Путем зерна».

В эмиграции он написал очень мало стихотворений – только цикл «Европейская ночь». С середины 20-х годов до последних дней он замолчал как лирик, хотя активно выступал как литературный критик и публицист, эссеист, мемуарист, как одна из значимых личностей в литературе русского зарубежья.

Владислав Фелицианович Ходасевич родился в мае 1886 года в Москве. С этим городом связана почти вся его российская жизнь. Его отец – польский дворянин, художник-фотограф Фелициан Ходасевич, мать – еврейка, Софья Яковлевна Брахман. И он всю жизнь остро переживал свое некоторое изгойство в России, то, что он называл чувством пасынка, хотя безмерно любил Россию, любил ее в самые страшные времена, в революцию и гражданскую войну, во времена потоков крови, когда стирались, кажется, все человеческие чувства. Он любил ее мучительно и сильно и тогда, когда она одиноко скиталась по Европе, и когда страшно нищенствовал во Франции. Он без всякой ностальгии вспоминал такую-сякую немазаную-сухую Родину, но всегда необыкновенную и прекрасную нынче, как и во все времена.

«Один из драгоценнейших русских поэтов», – произнес Ходасевич над прахом Блока в 1921 году. Можно сказать, что тень блоковской поэзии накрыла и Ходасевича, настолько перекликаются их лирические голоса. Как Блок некогда восклицал: *«Да, и такой, моя Россия, / Ты всех краев дороже мне»*, так и у Ходасевича была необыкновенная верность Родине.

Его вынянчила и воспитала няня, тульская крестьянка Елена Кузина. Владислав, шестой по счету ребенок у родителей, был очень болезненным. Сразу после рождения у него стала расти опухоль на языке, из-за чего он не мог нормально есть. Кормилицы одна за другой отказывались от младенца, говоря: «Он все равно не жилец». И только Елене Кузиной выпала доля выводить будущего поэта, став для него не только кормилицей, но, в первую очередь, источником любви и ласки, все затопляющего милосердия, в которых больше всего нуждается человек.

Ради маленького Влади ей пришлось пожертвовать собственным ребенком: она сдала его в воспитательный дом, где он вскоре умер. Впоследствии Ходасевич с горечью писал: *«Мое существование стоило жизни другому живому существу»*.

Елена Кузина... Арина Родионовна конца 19-го века. Своеобразная переключка времен. В конце 18-го века и начале 19-го Арина Родионовна вынянчила маленького Сашу Пушкина. Спустя почти век история повторилась – уже с другим поэтом.

И в пору расцвета своего поэтического дара Ходасевич написал стихи, обращенные к няне. Потрясающе пронзительные строки, своеобразное признание в любви и к няне, и через нее – к Родине:

*Не матерью, но тульской крестьянкой
Еленой Кузиной я выкормлен. Она
Свивальники мне грела над лежанкой,
Крестила на ночь от дурного сна.*

*Она не знала сказок и не пела,
Зато всегда хранила для меня
В заветном сундуке, обитом жемчужной
То пряник вяземский, то мятного коня.*

*Она меня молитвам не учила,
Но отдала мне безраздельно всё:
И материнство горькое свое,
И просто всё, что дорого ей было.*

*Лишь раз, когда упал я из окна,
Но встал живой (как помню этот день я!),
Грошовую свечу за чудное спасенье
У Иверской поставила она.*

*И вот, Россия, «громкая держава»,
Ее сосцы губами теребя,
Я высосал мучительное право
Тебя любить и проклинать тебя.*

*В том честном подвиге, в том счастье песнопений,
Которому служу я каждый миг,
Учитель мой – твой чудотворный гений,
И поприще – волшебный твой язык.*

*И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивней берегу...*

*Года бегут. Грядущего не надо,
Минувшее в душе пережжено,
Но тайная жива еще отрада,
Что есть и мне прибежище одно:*

*Там, где на сердце, съеденном червями,
Любовь ко мне нетленно затая,
Спит рядом с царскими, ходынскими гостями
Елена Кузина, кормилица моя.*

Какой необыкновенный, страшный, сильный образ: **«на сердце, съеденном червями»**. И сразу же душа устремляется в бессмертную вечность: **«Любовь ко мне нетленно затая»**.

Как тут не вспомнить изречение апостола Павла: *«Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут и знание упразднится»*. Это верно. Любовь никогда не перестает, если она любовь...

Совсем юным он познакомился и близко сошелся со многими видными писателями-символистами – с Бальмонтом, Белым, Брюсовым, многими другими. Он пребывает в центре культурной жизни Москвы конца XIX – начала XX века.

В 1921 году он переехал в Петроград, где, как он заметил, – «настоящая литература». Блок, Сологуб, Ахматова, Гумилев.

И две его книги – «Путем зерна» и «Тяжелая лира» – знаменовали рождение нового большого поэта. Поэта огромного, трагического, философского дара, воспринимавшего мир в графических черно-белых чертах, в некоей загадочной светотени, которая рождает контрасты, равные контрастам века, контрастам души. А душа – это сквозная тема в поэзии Ходасевича. И еще – чувство ухода. Оно словно пронизывает все его поэтическое творчество.

Определить его манеру трудно.

Присутствие в стихах одухотворяющей прозы – «и каждый стих таща сквозь прозу,/ вывихивая каждую строку,/ привил-таки классическую розу/ советскому дичку». И в другом стихотворении: «Полюбил я прозу в стихах и в жизни». Не прозу как искусство повествования, а горькую печаль существования человечества вообще.

В конце 1900-х годов он женился на эксцентрической красавице Марии Рындиной. Затем второй брак – на Анне Ивановне Чулковой, родной сестре поэта и критика, близкого символистам, Георгия Чулкова.

И, наконец, в Петрограде начинается самая мучительная и самая прекрасная страница его жизни. Любовь к Нине Николаевне Берберовой, тогда совсем еще юной, начинающей поэтессе гумилевского круга. С ней он проживет почти до середины 30-х годов.

И даже когда они расстались (разрыв был тяжелым, болезненным), он пошел уже с новой своей женой, Ольгой Марголиной, смотреть фильм «Мария Стюарт», где главную роль исполняла очень известная тогда актриса Кэтрин Хепберн. Нина Берберова была очень похожа на нее. И вот, вспоминая ее, Ходасевич написал, придя домой, коротенькое стихотворение, полужутливое, очень простое, но невероятно щемящее:

*Нет, не шотландской королевой
Ты умирала для меня:
Иного, памятного дня,
Иного, близкого напева
Ты в сердце оживила след.
Он промелькнул, его уж нет.
Но за минутное господство
Над озаренною душой,
За умиление, за сходство –
Будь счастлива! Господь с тобой.*

Это поэт отчаяния. Потому что люди и время не давали оснований для других чувств и мыслей. Но это отчаяние не то, которое любит и упивается собственным страданием, а героическое. Твердо придерживающееся своих принципов, но при этом сознающее, что мир расколот, раздавлен и никогда уже не будет прежним.

*Мне каждый звук терзает слух,
И каждый луч глазам несносен.
Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.*

*Прорежется – и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
Тысячеокий – канет в ночь,
Не в эту серенькую ночку.*

*А я останусь тут лежать –
Банкир, заколотый апашем, –
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.*

Он никогда не опускался до горестных сведений счетов с эпохой, в которой ему выпало жить.

Времена действительно не выбирают. Хотя – «жестокий век – палач и вор достигли славы легендарной». Время – палач и вор. Так до Ходасевича не называл свою эпоху, кажется, никто.

Он покинул Россию с советским паспортом, не собираясь, в общем-то, покидать ее навсегда.

В Берлине собрался весь русский литературный Олимп – и Андрей Белый, и Алексей Ремизов, Павел Муратов и Алексей Толстой, наезжали и Есенин, и Маяковский – все в уверенности, что они скоро вернутся на Родину, что разлука их с нею временна, и не может быть так, чтобы они не вернулись, потому что без России жизни и творчества им нет.

Но судьба распорядилась по-другому. С середины 20-х годов и до конца дней – жизнь во Франции. На Родину он так и не вернулся. Жизнь очень тяжелая, безысходная, хотя именно в это время к нему приходит так называемое признание.

В это время Ходасевич уже практически стихов не пишет. Он выступает преимущественно как литературный критик.

И можно сказать, что это один из лучших литературных русских критиков 20-го века. Он писал о писателях старых или старинных, об авторах 18-го и 19-го веков. Он писал о Пушкине, о Державине, которого боготворил. Его книга о Державине – это настоящая ода любви к этому поэту.

Когда он писал о своих современниках по изгнанию – от Бунина, Гиппиус, Мережковского до только что вступающих в литературу, когда он писал о советских авторах, то все это было прекрасно. В статьях своих он был предельно честен: хорошее называл хорошим, дурное – дурным.

В 1927 году в приложении к лучшему эмигрантскому русскому журналу «Современные записки» вышел сборник его избранных стихов, в основном, состоящий из произведений, написанных в России. И в этот же сборник вошло стихотворение «Европейская ночь», написанное уже в эмиграции.

Название неслучайное. Это стихи о той ночи, которая опускается и накрывает своими крылами человеческую душу. Не было еще никакого фашизма, Гитлер еще не пришел к власти, социальные катаклизмы еще не так сильно терзали мир, а Ходасевич уже это увидел, прозрел, почувствовал.

В Берлине, в Праге, в Париже – всеобщее одичание и разобщенность. Он писал о всевластии мещанина сытого и голодного, которому не нужны крылья и не нужна мечта о высоком.

*Всю неделю над мелкой поживой
Задыхаться, тощать и дрожать,
По субботам с женой некрасивой,
Над бокалом, обнявшись, дремать,*

*В воскресенье на чахлую траву
Ехать в поезде, плед разложить,
И опять задремать, и забаву
Каждый раз в этом всем находить,*

*И обратно тащить на квартиру
Этот плед, и жену, и пиджак,
И ни разу по пледу и миру
Кулаком не ударить вот так, –*

*О, в таком непреложном законе,
В заповедном смиренье таком
Пузырьки только могут в сифоне –
Вверх и вверх, пузырек с пузырьком.*

Как же это созвучно с блоковским:

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,
А вот у поэта – всемирный запой,
И мало ему конституций!
Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, –
Я верю: то бог меня снегом занес,
То выюга меня целовала!*

В стихах Ходасевича проза жизни действительно является одухотворяющим началом. Она рождает поэзию, она ее пестует и вечно существует в ней. Мир не внушал надежд, не внушал радости и счастья, отдушина была только в поэзии.

Набоков когда-то заметил, что в Ходасевиче, помимо всего прочего, заключена была какая-то «глубокая и подлинная непродажность». В начале 20-го века это качество стало одним из самых редких человеческих достоинств.

Его не очаровала Европа – асфальт, бетон и бешеный ритм больших индустриальных городов. Его родиной была русская поэзия. Он об этом сам говорил, писал не раз. В 1924 году он пишет одно из самых прославленных своих произведений «Перед зеркалом». В самом названии есть уже что-то мистическое, мир в иной ирреальной плоскости. Оно несет подлинный образ человека, но при этом чуть искажает его, просто потому, что работают определенные законы физики – отражения и статики. А «в мире, – как говорил очень уважаемый Ходасевичем мыслитель и священник Павел Флоренский, – то, что создано руками человека, то блестит, потому что отражает чужой свет. То, что создано Богом – мерцает».

Стихотворение «Перед зеркалом» – поистине мерцающая вещь. Эпиграф из «Божественной комедии» Данте: «Земную жизнь пройдя до половины».

В стихотворении, как в зеркале, отразилась вся жизнь: Москва, детство, юность, – и нынешнее безрадостное существование, нищие парижские мансарды, голод, слабое здоровье и величие человеческого духа над зыбкой собственной плотью.

*Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто-серого, полуседого
И всезнающего, как змея?
Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, –
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?
Впрочем – так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.
Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Вергилия нет за плечами, –
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.*

Владислав Фелицианович Ходасевич умер 14 июня в Париже после операции. Долго не могли определить болезнь, но, как писала Нина Берберова в книге «Курсив мой», – «подозревали рак кишечника».

Он так и не успел написать биографическую книгу о Пушкине, чувствовал себя уже очень плохо. «Теперь и на этом, как и на стихах, я поставил крест. Теперь у меня нет ничего», – писал он в одном из писем той поры.

*Уж волосы седые на висках
Я прядью черной прикрываю,
И замирает сердце, как в тисках,
От лишнего стакана чаю.*

*Уж тяжелы мне долгие труды,
И не таят очарованья
Ни знаний слишком пряные плоды,
Ни женщин душные лобзанья.*

*С холодностью взираю я теперь
На скуку славы предстоящей...
Зато слова: цветок, ребенок, зверь –
Приходят на уста всё чаще.*

*Рассеянно я слушаю порой
Поэтов праздные бряцанья,
Но душу полнит сладкой полнотой
Зерна немое прорастанье.*

Похоронен Владислав Ходасевич в Париже, на кладбище Булонь-Биянкур.

Его вдову, Ольгу Борисовну, ожидала страшная участь. Во время оккупации Франции она, как еврейка, была направлена в концлагерь и погибла в Освенциме 14 сентября 1942 года.

Детей у Ходасевича не было. Но всю жизнь он питал удивительную нежность к котам, видно, чувствуя в свободолюбии и обособленности этих зверей нечто близкое собственной душе.

Говорят, что первым словом, которое произнес Владислав, было «Кы-ся-я». Не папа и мама, а именно «кыся». Старшая сестра катала коляску с ним, и вдруг дети увидели кошку. Маленький Владя даже приподнялся в коляске и сказал, слово выдохнул: «Кы-ся-я!!!» Так велико было его изумление.

Кошки сопровождали его всю жизнь. Они жили рядом с ним, сменялись, запечатлевались вместе с ним на фото. Но самыми дорогими были для него кот Наль, а до этого верный друг – Мурр. Именно ему, названному в честь гофмановского персонажа, Владислав Ходасевич посвятил одно из самых пронзительных и нежных своих стихотворений, каждая строчка которого дышит любовью. А любовь, как известно, никогда не перестает...

*В забавах был так мудр и в мудрости забавен –
Друг утешительный и вдохновитель мой!
Теперь он в тех садах, за огненной рекой,
Где с воробьем Катулл и с ласточкой Державин.*

*О, хороши сады за огненной рекой,
Где черни подлой нет, где в благодатной лени
Вкушают вечности заслуженный покой
Поэтов и зверей возлюбленные тени!*

*Когда ж и я туда? Ускорить не хочу
Мой срок, положенный земному лихолетью,
Но к тем, кто выловлен таинственную сетью,
Всё чаще я мечтой приверженной лечу.*

Примечание: При написании эссе использованы произведения В.Ходасевича и А.Блока, материалы из воспоминаний о Владиславе Ходасевиче, мемуаров Нины Берберовой «Курсив мой» и материалов из интернета. Автор выражает благодарность за предоставленные материалы.

ИРИНА ПЕРЕСАДА

рассказы

Адвокат

1

Андрей вышел из зала суда, подошёл к тяжёлым перилам мраморной лестницы, идущей по кругу здания, и глубоко вздохнул. Глаза закрылись, и по телу поплыла знакомая волна блаженного расслабления. Да, он сделал это, как делал много раз, добиваясь оправдания подсудимому. Всё, сегодня пятница, хоть и тринадцатое число, и он может со спокойной совестью отдохнуть. Процесс был тяжёлый, подсудимого обвиняли в убийстве молодой девушки, все улики указывали на него, но указывали настолько явно, что невольно возникла мысль о хитрой подставе. Но для чего? Кому это было нужно? Теперь, когда невиновность доказана, отвечать на этот вопрос будут следователи. Андрей был известным адвокатом, за которым ходила молва, что он не берётся за дело, если не уверен в успехе. Со стороны, возможно, это выглядело именно так, но со стороны не была видна та колоссальная работа, которую он проделывал каждый раз, решая браться за дело или отказать. Однако определяющим аргументом был странный факт – вызывал или нет обвиняемый у него личное расположение. Андрей всегда помнил, как в детстве его учила мама:

– Андрюша, запомни, что нет плохих людей. Бывают тяжёлые обстоятельства, с которыми люди не справляются. Ты посмотри человеку в глаза, только глубоко смотри. Там, в глубине, и находится правда. Увидишь её – значит, человеку можно доверять, а если не увидишь, значит, обстоятельства сломили его настолько, что он забыл эту правду. Не осуждай его, просто отойди от него в сторону.

По малости лет он не всё понял, но в глаза людям стал смотреть. Впервые он проверил мамино наставление после драки с соседом – своим закадычным дружкой Русланом. Они катались по траве, мутузя друг друга кулаками, пока Андрей не оказался наверху, прижав Руську к земле. И тут он посмотрел в его глаза и увидел правду. А правда была в том, что Руська любит его, как и он любит Руську. Злость сразу же прошла, драться расхотелось, Андрей слез с него, протянул руку и сказал:

– Давай вставай, что нам драться, мы же друзья.

Руська, который ожидал удара кулаком, сначала опешил, потом взял протянутую руку, поднялся и обнял его за плечи.

– Так что, мир?

– Мир, – подтвердил Андрей.

И уже став адвокатом, Андрей после изучения материалов встречался с обвиняемым и всегда во время беседы смотрел ему в глаза. Глубоко. Видел там правду – брался за дело, нет – отходил в сторону, как учила его мама. И в его работе практически не было промахов.

С первого класса и до последнего Андрей был отличником. Он никогда не грыз гранит наук, но всегда со страстью погружался во всё новое, с чем сталкивался. Ему нравилось анализировать, сопоставлять и делать выводы. И когда встал вопрос о профессии, как-то само определилось – юридический. Он решил, что будет следователем – здесь его пылкий ум сулил успех, да и преподаватели пророчили ему славу современного Шерлока Холмса. Но к окончанию университета парень понял, что станет адвокатом – работать с людьми ему было гораздо интереснее, смотреть глубоко

в глаза стало его привычкой. Жену он выбрал себе по этому же принципу. Зашёл как-то перекусить в кафе, увидел за столиком красивую девушку, подсел к ней и посмотрел в глаза. И увидел там такую прекрасную правду, что первыми его словами стали:

– Девушка, выходите за меня замуж.

Девушка в свою очередь посмотрела ему в глаза и неожиданно ответила:

– Хорошо, я согласна. Меня зовут Ирина. Ира.

– А меня Андрей.

Через полтора месяца сыграли свадьбу, через год родились двойняшки – мальчик и девочка. Родители Андрея к тому времени переехали в Москву, продав свою квартиру, а ему оставив квартиру бабушки. Она была хоть и в центре города, но в старом дворе, какие в их городе называют итальянскими. По всему двору на каждом этаже проходит открытый балкон, куда и выходят двери всех квартир. В таких дворах нет секретов и тайн, всё на виду. Через два года их дом вместе с двором снесли, на его месте подняли новостройку, где Андрей получил просторную трёхкомнатную квартиру на высоком этаже с видом на море. Жизнь продолжала складываться жизнью отличника.

Магистратуру Андрей проходил в Англии, где ему и предложили стажироваться в известной адвокатской конторе. Но он отказался, предпочитая вернуться в родной город у моря. С самого детства, когда после распада империи все вокруг спешно покидали бывшие союзные республики, разбредаясь по всему миру – от России до Америки и от Европы до Австралии, Андрей твёрдо решил, что никуда не уедет. Лишь Бог знает, почему этот блестящий молодой человек решил остаться на своей маленькой нефтяной родине, но это было так. Его приняли на работу в адвокатскую контору «АДАЛЯТ» – правосудие, и здесь уже через год он выиграл своё первое дело. В этой конторе ему рассказали анекдот, который стал пророческим в его карьере.

Заходит в юридическую контору «Гольдберг, Зильберг, Берг и Иванов» посетитель-еврей и обращается к секретарше:

– Девушка, мне нужен адвокат и я хочу Иванова.

– Но почему именно Иванов? У нас все адвокаты профессионалы высшего класса.

– Девушка, если какой-то Иванов сумел пробиться на вывеску к такой компании, то это значит только одно – он стоит Гольдберга, Зильберга и Берга вместе взятых.

Посетители выбирали адвоката Андрея Матвеева иногда по единственной причине – если русский парень пробился в самую известную местную адвокатскую контору, то он многого стоит. Точно так же в клиниках больные шли к врачу-еврею, или же мамы для своих детишек репетитором выбирали учительницу-русскую, почему-то доверяя им больше, чем местным национальным кадрам.

Три месяца назад к нему в кабинет вошёл высокий худощавый мужчина лет сорока, голова гладко выбрита, очевидно, чтобы скрыть лысину, лицо открытое, большой восточный нос, сросшиеся брови, чёрные внимательные глаза.

– Рустамов Исмаил, – представился посетитель. – Моего родного брата обвиняют в убийстве, но он не виноват. Не скажу, что он мухи не обидит, но убийство – это не про него. Это невозможно! Никогда! – он умоляюще взглянул на адвоката. – Я знаю, что вы сможете помочь. Рассказывают, что вы творите чудеса.

– Вы не по адресу. Я не волшебник.

– Извините, я очень волнуюсь. Моему брату нужен адвокат. Я предлагаю вам защищать его. Назовите любой гонорар.

– Мне нужно познакомиться с делом и с обвиняемым. Только после этого я решу, возьмусь за дело или нет. И гонорар я определяю только после этого.

– Да-да, конечно. Я прошу вас ознакомиться с делом. Любую помощь, любое содействие я вам гарантирую. У меня хорошие связи и знакомства, всё будет в вашем распоряжении...

– По-моему, вы предлагаете мне что-то не то. Решайте своё дело связями и знакомствами. Удачи, – Андрей отвернулся от посетителя к компьютеру. Мужчина растерялся, но быстро сориентировался.

– Простите меня! Это волнение. Я очень люблю брата, и мне слишком тяжело представлять его за решёткой. Тем более, что он не убивал. Его жёстко подставили, и жестоко. Кто, зачем? Всё сфабриковано, все факты и улики. Я думаю, это месть мне. Я бизнесмен, естественно, в делах кому-то наступаю на хвост, подрезаю, кого-то вывожу из игры. Есть обиженные, есть банкроты. Свою семью я давно вывез за границу. Мало кто знает, где они сейчас. До них добраться невозможно, – мужчина подумал и поправился, – по крайней мере, очень трудно. А брат – вот он, рядом. Его и взяли мишенью. И попали так метко, что у меня, не переставая, здесь болит, – мужчина показал на левую половину груди.

– Сердце?

– Наверное. Андрей Васильевич, возьмитесь за это дело.

– Я повторю вам – мне нужно познакомиться с материалами дела и с обвиняемым. Я сделаю это и дам ответ.

Мужчина порывисто приблизился к адвокату, схватил его руку и стал трясти.

– Спасибо, спасибо, большое спасибо. Я так рад, я уверен – мы победим!

– Но я ещё не дал вам ответа. Оставьте все данные, я вам перезвоню.

– Вы согласились познакомиться с делом, а это уже наполовину победа...

– Или наполовину поражение.

– Нет, конечно, я уверен в вас, – воскликнул посетитель и посмотрел Андрею прямо в глаза. Адвокат в свою очередь заглянул в глаза посетителя. То, что он увидел, удивило его. Глаза мужчины впустили его взгляд лишь до определённой глубины, а потом внутри словно захлопнулась дверь. Правда была за этой дверью, но она осталась недоступной.

Андрей познакомился с делом, и у него составилось впечатление, что убийство было хорошо спланировано с тем, чтобы повесить его конкретно на одного человека – Мустафу Рустамова, брата Исмаила. Мустафа был знаком с убитой девушкой – Сабиной, одно время она работала у него в магазине консультантом. Мустафа не любил слово «продавщица» ни на русском, ни на родном языке. Оно казалось ему каким-то плебейским, а вот слово «консультант» как-то сразу повышало статус и продавца, и заведения. Потом девушка поступила в институт и стала подрабатывать переводами. Иногда она забегала по старой привычке в магазин, где Мустафа открыл ей кредит и скидку на все товары. Вот и все контакты. А однажды утром тело девушки обнаружила уборщица, причём в кабинете директора – Мустафы Рустамова. Накануне весь персонал вышел из магазина после работы одновременно с директором, дверь запирали сам директор, он включил сигнализацию и отправился пешком домой, куда пришёл через полчаса. В квартире в тот вечер он был один, так как его семья предпочитала с весны жить в загородном доме. Из дома не выходил до утра, охранник в подъезде его городской новостройки клятвенно утверждал, что провёл весь вечер и всю ночь на вахте, причём, не смыкая глаз, и не видел, чтобы Мустафа выходил из дома и входил обратно в течение его дежурства. Видеокамера в доме также зафиксировала, как Мустафа вошёл в подъезд вечером и вышел утром. А либи? Кажется, да, но камера на улице, где располагался его магазин, зафиксировала совсем иное – вечером сначала директор, а через некоторое время и девушка вошли в подъезд дома, куда выходила вторая дверь магазина. В кабинете на столе стояли початая бутылка вина и два бокала, на которых были отпечатки его и её пальцев. На кинжале, который точным попаданием в сердце остановил молодую жизнь, также были

отпечатки его пальцев. В кабинете не было следов борьбы и сопротивления, всё выглядело так, словно девушка прилегла на диван отдохнуть, закрыла глаза, а в этот момент ей вонзили кинжал в сердце. Смерть была мгновенной, на лице осталась полуулыбка. Отец убитой девушки утверждал, что по словам дочери, Мустафа срочно пригласил её в офис, так как на завтра должны были приехать иностранные компаньоны и было необходимо перевести какие-то бумаги. За работу Мустафа якобы пообещал хорошие деньги с двойной надбавкой за срочность. Сабина быстро переделась и ушла, пообещав вернуться как можно быстрее, но не вернулась, а на утро её нашли мёртвой.

Андрей, закончив беглое чтение материалов дела М.Рустамова – внимательно можно будет изучить потом, если он возьмётся за него, решил встретиться с обвиняемым.

Мустафе Рустамову было сорок шесть лет, но выглядел он гораздо старше. Большая лысина, по краям редкие седые волосы, помятое лицо, густые, сросшиеся, как у брата, брови, под которыми он прятал глаза. Видно было, что человек смертельно напуган. Он не мог найти себе места, все время ёрзал на стуле, теребил одежду, глубоко вздыхал, словно всхлипывая, и медленно, со свистом, выдыхал воздух.

– Чего вы боитесь? – спросил адвокат и был удивлён ответом.

– Что дочь не выйдет замуж.

– А причём здесь дочь?

– Они с Рафиком любят друг друга с детства. Рафик – её жених. Он на два года старше. Они вместе росли, в детский сад ходили вместе, потом в школу. Родители отправили Рафика дальше учиться в Лондон. Хотели, чтобы он потом остался в Европе. Они не очень жаловали нашу семью, мы для них родом не вышли. Его отец – академик, мать – артистка, – он назвал имя и фамилию, известные в стране. – Рафик у них единственный сын, поздний ребёнок. Отцу уже за пятьдесят было, когда он родился. Правда, мать лет на двадцать моложе. Они для него желали золотые горы, жену – только принцессу. А мы кто? Для них просто выскочки, неизвестно как заработавшие деньги. Но мой брат, вы же видели его, очень умный человек, он у нас в семье один такой. Он просто гений по всяким комбинациям и махинациям. Для него заработать хорошие деньги, что для другого пультом щёлкнуть. Фактически всё, что есть у нас в семье, заработал он. Всех братьев и сестёр обеспечил, а нас у матери пятеро. Каждому организовал бизнес. Младшей сестре, она у нас художник-модельер, открыл Дом моды. Да вы, наверно, слышали – «Зохра».

– Так это ваша сестра? Моя жена иногда одевается там. Ей нравится.

– Да, Зохра талантливая девочка. Но я говорил про Лалочку, дочку. Когда они с Рафиком были детьми, их влюблённость всех забавляла. Его родители даже поощряли их дружбу. Никто не думал, что это серьёзно и продлится так долго. Но когда дети выросли, любовь их не прошла, а только расцвела, – Мустафа всхлипнул. – Эти люди решили разлучить их. Они поэтому и отослали парня за границу. Как он мучился, как плакал перед отъездом, сидя у нас дома... Я тогда пообещал, что тоже отправлю Лалу в Лондон после школы, и он успокоился. А после его отъезда Лала сказала нам с женой: «Мне без него не жить. Мы не можем друг без друга. Если мы не будем вместе, я умру». Она и потом повторяла это нам с матерью. Мы так испугались за неё, боялись, что, не дай Бог, если что не так, руки на себя наложит. Лала хрупкая девочка, но очень решительная. Рафик закончил учёбу, Лала через год тоже закончит свой английский колледж, потом должны были свадьбу сыграть... И вот эта история... Я же не виноват, не убивал я эту девочку, Сабину... За что? Она такая умница, как это всё получилось? Откуда все эти улики? Если меня посадят, родители Рафика ни что не допустят их свадьбы... И тогда Лалочка... – Мустафа горько зарыдал, не пряча и не стесняясь слёз. – Бедная девочка, она же может умереть... Моя дочка, моя Лалочка...

– Посмотрите на меня, – властно сказал адвокат.

Мустафа поднял глаза, и Андрей, как делал это прежде, глубоко заглянул в них.

– Я сообщу вашему брату о своём решении.

После того разговора Андрей припарковал машину на стоянке у набережной и вышел к морю. Он долго стоял, глядя, как на поверхности воды разноцветные масляные полосы играют в лучах солнца. Адвокат вспоминал взгляд Мустафы, пытаясь разгадать, в чём же была правда в его глазах... Страх – да, но не за себя, за дочь. Вина? Скорее, нет, хотя все чувства и эмоции перебивал страх. Андрей вспомнил взгляд Исмаила – брата Мустафы, вспомнил, как глаза его впускали в себя только до определённой глубины, а потом там захлопывались створки. Братся за дело? Или нет? В этот момент на столбик перил сел голубь. Он осторожно стал поворачиваться, цепляясь коготками за скользкую опору, потом взглянул на Андрея, что-то гулькнул и улетел. Адвокат понял, что это был знак.

– Голубь – это хорошо, возьмусь, – решил он.

Теперь, стоя во Дворце правосудия после выигранного дела, Андрей понял, что тогда выбор был сделан правильно. В этот момент тихо зазвучал телефон, сообщая о приходе смс-ки. Это было банковское оповещение о поступлении денег на его счёт. Братья Рустамовы, не теряя времени, дали указание своей финансовой службе расплатиться с адвокатом. Но почему сумма такая большая? Почти двадцать пять тысяч в пересчёте на американские доллары. Ошибка? Не похоже. Особая благодарность?

В этот момент к адвокату подошёл отец убитой девушки и, быстро глянув в его телефон, произнёс с нескрываемой болью и сарказмом:

– Дорого продаётесь, молодец, а о вас ходят слухи, как о неподкупном и справедливом человеке. Эти слухи вы сами оплачиваете или клиенты?

– Что вам даёт право так говорить обо мне? Это решение суда. Я лишь защищал невиновного.

– Конечно, невиновного, невиновного убийцу. Ради своей дочери резать чужую. Какая уж тут вина? Всего лишь превышение необходимой обороны...

– Подождите, о чём вы говорите? При чём здесь его дочь?

– Как при чём? Жених её к моей доченьке переметнулся. Сколько я просил её – беги от этой семейки, не пара они нам, слишком много денег вокруг себя разбрасывают, всё пытаются купить... Вот и вас тоже – как ловко вы убийцу невиновным выставили! И судьи поверили... Хотя за деньги Исмаила они чему хочешь поверят... – мужчина горестно махнул рукой и стал тяжело спускаться по лестнице. Андрей стоял, словно оглушённый фразой «жених переметнулся к моей дочери». А ведь Мустафа рассказывал, что его дочь обещала не жить, если их разлучат с женихом...

Адвокат легко догнал мужчину, спустившегося лишь на пролёт.

– Подождите, по стойте, пожалуйста, а почему же вы молчали раньше?

– Раньше? А кому что говорить? Дочь уже не вернёшь, а у меня ещё сын есть младший. Они за моей спиной связались с женой и с её согласия положили такую же сумму, – мужчина кивнул на мобильный телефон Андрея, – на счёт моего сына. Деньги на учёбу, в любом институте за границей. Вырастет пацан, а учёба уже обеспечена.

– Но ведь Мустафа невиновен. Суд признал это. Мы рассмотрели все улики и сумели доказать...

– Как ловко всё подставлено, – перебил мужчину.

– Продиктуйте свой телефон, я свяжусь с вами.

– Зачем?

– Ваше утверждение, независимо от того истинно оно или ложно, бросает тень на мою репутацию профессионала. Я должен проверить все детали заново.

– И что тогда?

– Тогда и решим, что, – Андрей поймал взгляд отца девушки и сам посмотрел ему в глаза. Сила боли поразила его. Ещё он понял, что мужчина знает гораздо больше, чем говорит. – Вас запугивали?

– Чем можно напугать отца, потерявшего любимую дочь?

– Смертью второго ребёнка.

– Пишите телефон, – мужчина быстро продиктовал номер, резко отвернулся и неожиданно быстро сбежал по лестнице.

«Вот тебе и победа, – думал Андрей. – Даром, что пятница, да ещё и тринадцатое, да ещё и затмение сегодня, какая-то кровавая луна...»

Адвокат вышел из здания суда и направился в офис. Отдых отменяется. Жена с детьми на даче поскучают без него ещё один денёк. Со своего запасного телефона, зарегистрированного на подставное лицо, номер которого был известен лишь паре человек, Андрей позвонил Руслану, тому самому другу детства, с которого когда-то и началось изучение взглядов людей. Руслан стал блестящим программистом, работал в известной компании, но основные деньги зарабатывал другим. Он создал маленькую, но очень мощную фирму, объединив трёх-четырёх молодых, но талантливых до гениальности хакеров. Деятельность фирмы была малозаконной, порой противозаконной, но очень востребованной и высокооплачиваемой. Они не занимались мелкой работой, типа вскрытия личных страничек в соцсетях, но и счета клиентов в банках тоже не опустошали. В фирме существовал своеобразный кодекс чести – они бралась только за ту проблему, которая была сложной, решалась красиво и приносила очень хорошие деньги. Андрей сам иногда обращался к Руслану с запросами, которые можно было решить и через государственные структуры, но затратив при этом гораздо больше времени. Если запрос оказывался пустым, о нём забывали, если же нет – подключались госструктуры, и та же информация приобретала статус официальной, становясь аргументом либо фактом. По запросам Андрея Руслан работал лично, мастерски уничтожая следы своего пребывания на нужных сайтах.

– Руслан, нужно встретиться. Срочно.

– Приезжай.

– Что-то захватить для поднятия духа?

– Тёмный человек ты, разве не знаешь, что в затмение дух поднимать можно только молитвой или медитацией?

– Я имел в виду ужин. Закажу в ресторане и привезу с собой. Уверен, что ты не ел с самого утра.

– Ну, это другое дело. Записывай, – и Руслан стал диктовать ему список блюд и закусок. Друг Андрея отличался богатырским сложением и ещё более богатырским аппетитом.

После ужина по-холостяцки – в офисе, прямо из ресторанный упаковки, Андрей попросил:

– Мне нужны распечатки звонков с мобильных телефонов Мустафы и Исмаила Рустамовых в ночь убийства, а также за день-два до убийства. Желательно со всеми данными абонентов. А также Сабина Гасанлы – тоже за день-два до убийства.

– Кстати, сегодня должен был быть суд, ты сам говорил. Что, отложили?

– Нет, подсудимого оправдали.

– Поздравляю, надо обмыть. А зачем ты снова хочешь там копать?

– Возможно, я допустил серьёзный ляп. Нужно проверить.

– Ладно, сейчас сделаем, – Руслан показал рукой на удобное кресло, стоявшее поодаль, – сядь туда, отдохни.

Минут через пятнадцать заурчал принтер, выдавая распечатанные листы.

– Андрей! – позвал Руслан задремавшего друга. – Иди, посмотри.

Адвокат потянулся в кресле, легко вскочил и подошёл к столу.

– Так, так, так, – бормотал он, изучая полученные данные. Телефон Исмаила Рустамова в тот вечер буквально разрывался от звонков, причём звонил он сам, звонили и перезванивали ему. А вот Мустафа в вечер убийства со своего телефона никому не звонил.

– Думаю, у братьев тоже существует номер только для личных разговоров между собой, как у нас тобой. И зарегистрирован он также на подставное лицо. Однако деловые разговоры он, скорее всего, ведёт по официальному номеру. Видишь, какая активность в ту ночь. Узнаешь, на кого зарегистрированы эти номера? – и он показал рукой на список.

– Давай, – Руслан взял листы и взглянул на них. – Стоп, этот номер я знаю. Это же номер Анара, моего сотрудника. Сейчас проверю.

Он набрал номер со своего мобильного и включил селектор.

– Привет, шеф! – раздался молодой звонкий голос. – Уже соскучились?

– Очень! Ты мне нужен, срочно.

– Шеф, я расслабляюсь на даче с молодой женой, сегодня же пятница... – голос поскучнел.

– Анар, мальчик мой, тогда ответь мне абсолютно честно. От этого многое зависит, – Руслан в минуты недовольства называл сотрудников «мальчик мой», и они от этих ласковых слов вздрагивали, словно от выстрела.

– Шеф, что случилось?

– Скажи мне, ты принимаешь заказы вне нашей фирмы?

– Шеф...

– Мальчик мой, да или нет?

– Шеф...

– Понятно, приезжай. Я в офисе.

Руслан дал отбой и повернулся к Андрею.

– У нас железное правило – все дела только через фирму. Не из-за денег, на стороне они будут зарабатывать в разы меньше. В фирме вся юридическая ответственность лежит на мне, ты сам мне рекомендовал человека. Я не беру ни одного дела, если юрист не сможет потом обосновать законность выполненной работы. За это он получает очень серьёзные деньги. Ладно, это наша кухня, ты немного в курсе. Но если парни берут работу на стороне и не ставят меня в известность, их проколы будут на мне, они же мои сотрудники.

– И какие санкции за нарушение?

– В договорах всё прописано. Увольнение за несоответствие служебному положению.

– Сразу?

– Да.

– Но в таком случае он ничего нам не скажет.

– Скажет, такую работу не теряют. Он будет думать, что у него есть шанс остаться, – было видно, что Руслан сильно расстроен. Он любил своих сотрудников и, несмотря на то, что был ненамного старше, относился к ним с отеческой заботой и любовью. Подобные проколы случались довольно редко, но Руслан воспринимал их как предательство, и они всегда больно отзывались в его душе. Анар появился через полчаса.

– Садись, мальчик мой.

– Шеф, не надо про мальчика, я уже взрослый.

– Расскажи мне, какие заказы и от кого ты принимал за последний год. Учти, я знаю, что твоя память в десять раз лучше, чем у твоего компа, поэтому отговорки, типа «я не помню», не принимаются.

– Шеф, здесь особая память и не нужна, так как случилось это только один раз. Мой друг школьный позвонил, сказал, что у отца неприятности. Тот завёл по-

другу, а мать стала подозревать, даже собралась нанять детектива. А у неё слабое сердце, друг испугался, что если правда раскроется, у матери снова начнутся проблемы с сердцем. Вот поэтому он и попросил «почистить» телефон отца, чтобы детектив не докопался, куда он звонит.

– Как зовут друга?

– Заур, Заур Рустамов.

– Отец – Мустафа Рустамов? – спросил Андрей.

– Да.

– А Лала Рустамова его сестра?

– Да, младшая.

– А как зовут подругу его отца?

– Я не знаю.

– А кто тебе звонил, кроме Заура?

– Сначала я отказал Зауру, объяснил, что не могу этим заниматься без вашей санкции, шеф, что у меня договор. Но он подключил своего дядю Исмаила, тот позвонил и стал умолять меня, объяснял, что все мужики грешат, но не все прокалываются. А его брату это может стоить здоровья жены, развала семьи, ну и тому подобное... Вот я и решил.

– Скажи, а ты потом понял, во что вляпался? Ты знаешь про убийство Сабины Гасанлы?

– Я узнал об этом гораздо позже, да и то случайно, от жены. Вы же знаете, шеф, я новостями, особенно криминальными, не интересуюсь. А Заур поблагодарил тогда и больше не звонил.

– Сколько тебе заплатил Исмаил Рустамов?

– Ничего. Правда, через несколько дней он снова позвонил и сказал, что у него два самосвала чернозёма лишние, спросил, не нужна ли мне хорошая земля на даче. А отец мой давно собирался землю привезти, старая истощилась, и ничего уже не родит. Я обрадовался, он прислал эти машины, деньги брать отказался. Я тогда даже и не подумал, что это плата за мою услугу.

– Да уж, недорого заплатил за алиби брата. А когда ты понял, что Мустафу обвиняют в убийстве, ты никак не связал эти два события?

– Если честно, я испугался, но приказал себе всё забыть. И забыл...

– А почему не рассказал всё мне?

– Вас я испугался ещё больше. Я понял, что подвёл вас, но решил, что, возможно, пронесёт.

– Нужно было и телефон Исмаила почистить, убрать свой номерок. Тогда бы пронесло.

Молодой мужчина стоял, опустив глаза. Он понимал, что, вероятно, здорово накосячил, если его всегда улыбчивый и смешливый шеф сейчас так холоден и неприступен.

– Скажите, Анар, – вмешался адвокат, – что вы можете ещё рассказать про семью Заура Рустамова?

– В школе мы с ним очень дружили, потом как-то разошлись – я в свой комп как залез, так и до сих пор вылезти не могу. Он по торговой части пошёл, то отцу помогал, то дяде. Иногда мы с ним встречались, могли посидеть, чаю или пива попить, но семейных разговоров не было. Я был на его свадьбе. Они с одноклассницей нашей со школы встречались, потом поженились. Хорошая пара, сын родился, скоро, кажется, девочка должна появиться. Или уже? Не знаю. Потом он был на моей свадьбе, самый солидный взнос сделал – кусок зелени. Но Заур всё от души делает, не ради показухи, что он такой крутой. У него мать хорошая, тётя Сара. Очень гостеприимная, любила нас, пацанов, кормить, когда заваливались к ним человек по десять после школы. Мы всё удивлялись, как это еды всегда на всех хватает? У Заура ещё брат есть и се-

стра, вы знаете, Лала. Очень красивая девочка, как с картинки. Она сейчас в Лондоне что-то заканчивает. Для родителей только она и существует, все её капризы выполняют, она крутит ими, как хочет.

– Вот как? А в чём это выражается?

– Да во всём. Хочет Лала фехтованием заниматься – нанимают тренера, чемпиона мира, хочет восточными единоборствами – пожалуйста, стажировка в школах Китая и Японии, хочет кулинарией – лучший французский повар делится с ней секретами. Лала только пальчиком укажет или губки надуёт, весь дом перед ней на цыпочках ходит. Ни в чём отказа не знает. Она с детства была хорошей артисткой, всё что хочешь могла сыграть – и комедию, и трагедию, недаром в школьном драмкружке примою была. Умеет она людей себе подчинять. Причём не только родных.

– А что не пошла в театральную?

– Кажется, в Лондоне параллельно училась то ли в какой-то театральной студии, то ли в театральной академии. Я не знаю точно.

– А что расскажете про её жениха – Рафика?

– Хороший парень, у них любовь с Лалкой ещё с детсада была, Заур рассказывал. Видно, это у них семейное – любить с детства и потом жениться. Лалка за Рафиком в Лондон полетела учиться, чтобы всегда при ней был. Не знаю, как сейчас, но она своего не упустит. Если что-то решила – сделает, такой характер.

– Анар, а она часто сюда приезжает? – продолжил распрос адвокат.

– Я никогда этим не интересовался. Мне как-то незачем.

– А Рафик?

– Не знаю. Он окончил что-то в Лондоне, работал здесь, потом уехал. Возможно, в командировку. Но это я краем уха от кого-то слышал. Не могу сказать точно.

Андрей задумался, Анар продолжал стоять, как проштрафившийся школьник, переминаясь с ноги на ногу. Руслан хотел что-то сказать, но адвокат жестом остановил его, подошёл к молодому человеку и заглянул ему глаза.

– Анар, подождите, пожалуйста за дверью, – а когда молодой человек вышел, он обратился к другу. – Руслан, ты его уволишь?

– Да.

– Можно как-то повлиять на твоё решение?

– Нет.

– Но он помогал другу, так, как ты мне сейчас. Заметь, в свободное от работы время, ночью.

– Это не имеет значения. Он не поставил меня в известность и подставил всю фирму.

– Руслан, если ты его оставишь, он будет предан тебе всю жизнь. Он не лидер, но гениальный исполнитель.

– У меня все на фирме гении.

– Про остальных не знаю, но Анар – благодарный гений. Я никогда не вмешивался в твои дела, но сейчас прошу подумать.

– Про благодарного гения ты у него в глазах прочитал? – Руслан знал за другом способность читать в глазах.

– Да. И не только это. Ты, думаю, тоже много про него знаешь, о чём не говоришь.

Руслан зашагал по комнате, иногда рукой откидывая волосы со лба, словно он спорил с кем-то, решая важную задачу. Потом резко открыл дверь кабинета и произнёс:

– Анар, сейчас езжай домой, в понедельник закончим разговор.

– Как мы его закончим, шеф?

– В понедельник будет ясно.

– Прощайте, шеф.

– Не прощай, а до свидания.

– Вы внушили мне надежду, шеф, – парень попытался улыбнуться.
Руслан, не говоря ни слова, отвернулся, но Андрей, поймав взгляд Анара, улыбнулся ему в ответ. Парень с облегчением расправил плечи и вышел из офиса.
– Ты зачем ему за моей спиной сигналы посылаешь? – обратился к адвокату Руслан.
– Я всего лишь улыбнулся ему. Он дал мне бесценные сведения. И я ещё раз убедился, что у Бога совпадений не бывает. Он всегда посылает то, что ты ищешь.
Руслан с интересом посмотрел на друга.
– Поделишься?
– Конечно, только уточню некоторые данные из твоей распечатки, – адвокат погрузился в изучение листов. Потом сел в кресло, откинулся на спинку и произнёс,
– Ну, так слушай.

2

Рафик впервые увидел Сабину в магазине у Мустафы, которого давно считал своим тестем, хотя ещё и не был женат на его дочери Лале. С Лалой они дружили и любили друг друга с самого раннего детства, с детского сада. Они давно решили, что поженятся, проживут счастливой жизнью, а Рафик хотел ещё кучу детей. Однако Лала не разделяла эти «детские» планы. В отличие от Рафика она была честолюбива и амбициозна, но эти амбиции не росли на пустом месте. Лале удавалось всё, за что бы она ни бралась – учёба, восточные единоборства, театральная сцена, фехтование. Всем она занималась с увлечением, и у неё всё получалось на все сто. Рафик порой удивлялся, почему она выбрала именно его, – с её внешностью, напором и обаянием она могла бы увлечь любого. Однако Лала любила именно его со страстью и неистовством, как и всё, что она делала. Наверное, они бы поженились, если бы не встреча с Сабиной. Это была полная противоположность Лале. Мягкая, нежная, она поразила Рафика светящимся взглядом серых глаз. Он встретился с ней глазами и пропал. Сначала парень даже не понимал, что с ним происходит, а когда понял, что по уши влюбился, испугался – а как же Лала? Но какая-то невероятная сила притягивала его к Сабине, и сопротивляться ей он не хотел. Девушка никак особо не реагировала на ухаживания парня, она принимала цветы, позволяла провожать себя домой, пару раз вместе посидели в кафе. Но Рафик, к своему сожалению, никаких чувств в ней не вызывал. Она ещё ни разу не влюблялась, их общение воспринимала как дружеское, а когда узнала, что он жених Лалы, вообще стала сторониться его.

Рафик сделал Сабине предложение руки и сердца, пообещав расторгнуть помолвку с невестой, но это ещё больше отдалило её. Парень страдал, он любил Сабину и ясно осознавал, что их история с Лалой закончилась. И в очередную командировку в Лондон, где Лала завершала учёбу, он всё ей рассказал. У девушки был шок, сутки она не могла разговаривать, а когда речь вернулась к ней, только спросила:

– Это окончательно?
– Да.
– Что-то можно изменить?
– Не знаю, думаю, нет.

Ничего не сказав Рафику, Лала первым же самолётом улетела в родной город, и уже поздним вечером звонила в ворота загородного дома. Родители обрадовались, но и удивились её прилёту в самый разгар учёбы, однако она объяснила это тем, что ей срочно необходимы кое-какие документы. Первый день Лалы не было дома, а на второй к концу дня она пришла на работу к отцу. Вошла незаметно через чёрный ход подъезда, куда выходила задняя дверь магазина, тихонько постучала в кабинет отца. А войдя, закрыла за собой дверь, бросилась ему на шею и разрыдалась. Мустафа не на шутку перепугался, так как в последний раз видел плачущую дочь в её далёком детстве.

– Папа, Рафик меня не любит, он хочет расстаться со мной, он полюбил другую.

– Девочка моя, это невозможно. В этом мире никто не может сравниться с тобой.

– Оказалось, возможно. Я хочу с ней познакомиться. Ты мне должен помочь.

– Я всё сделаю для тебя, любовь моя, но как? Я же не знаю, о ком ты говоришь.

– Это Сабина, папа, твоя бывшая продавщица.

– Сабина? И Рафик? Это невозможно. У Сабины никого нет, она занимается только учёбой.

– Папа, Рафик сказал мне именно о ней. Я хочу с ней встретиться. Но не на улице или в кафе. Пригласи её сюда, в твой кабинет. Вечером, чтобы никто нам не мешал поговорить. Придумай что-нибудь. Это важно для меня.

– Хорошо, дочка. Сегодня вечером позвоню, она днём телефон отключает, чтобы не мешал на занятиях.

– Папа, сделай это, для меня этот разговор – вопрос жизни или смерти, – говоря это, Лала сняла один из нескольких кинжалов, украшавших стену кабинета и являвшихся гордостью Мустафы. Мустафа, по природе будучи мирным человеком, очень любил холодное оружие, особенно дорогие восточные кинжалы. И когда у него появились деньги, сумел собрать неплохую коллекцию. Лала вытащила кинжал из ножен и приставила его к своему животу. Отец бросился к ней и осторожно, преодолевая сопротивление, вытащил кинжал из её рук. Потом, ослабев, опустился на стул и с болью посмотрел на дочь.

– Одним ударом ты убьёшь троих – себя, меня и мать.

– Прости меня, папа, я дура! Я никогда этого не сделаю, не убью себя. Даю тебе слово, клянусь! – По щекам Мустафы покатались слёзы. Лала спохватилась, стала целовать отца, губами осушая его глаза. – Прости меня, прости, прости!

Через некоторое время, когда Мустафа успокоился, Лала предложила;

– Папа, доставай своё любимое вино. Давай выпьем за то, чтобы всё закончилось хорошо, чтобы все были счастливы.

Мустафа подошёл к шкафу, где у него хранился изрядный запас хорошего местного вина, достал бутылку и два бокала, откупорил вино, разлил его. Один бокал протянул дочери:

– За тебя, Лалочка. Помни, ты – единственное, ради чего я живу на этой земле. Будь счастлива, дочь, – он залпом осушил бокал и налил себе второй. – За твою любовь, пусть она принесёт тебе благо, – так же залпом выпил второй бокал и вышел из комнаты.

Лала допила своё вино и убрала со стола. Через пару минут Мустафа вернулся и протянул дочери ключи.

– Это от чёрного хода. Я не поставлю его на сигнализацию. Сможешь спокойно поговорить с Сабиной. Уже конец рабочего дня, пойдём, я закрою магазин.

– Я выйду через подъезд во двор, не хочу никого видеть. Ты останешься в городской квартире? Я потом зайду.

– Хорошо, – Мустафа поцеловал дочь, и они вместе вышли – отец пошёл в торговый зал, а дочь тихонько выскользнула через заднюю дверь.

3

В понедельник в кабинете у адвоката Андрея Матвеева сидели Исмаил Рустамов и следователь, который вёл дело Мустафы Рустамова. Референт адвоката, молодой юрист, недавно окончивший университет и по совместительству выполнявший работу секретарши, принёс три чашки кофе, который он мастерски заваривал, и печенье.

Андрей сделал гостеприимный жест рукой, и посетители молча выпили кофе. Напряжённая обстановка несколько разрядилась.

– Если вы не возражаете, я продолжу, – сказал адвокат. – Вечером отец позвонил Лале и сказал, что Сабина придёт в офис. И здесь начинается самое интересное. Лала, будучи актрисой, легко могла копировать людей, походку, характерные движения, голос и интонации. За несколько минут до встречи она, переодевшись в отца, натянув его шляпу – лысый Мустафа никогда не выходил из дома с непокрытой головой, копируя его походку, вошла с улицы в подъезд, куда выходила вторая дверь магазина. Этого «Мустафу» и зафиксировали уличные видеокamеры. Через несколько минут они зафиксировали, как в подъезд вошла Сабина. В кабинете её ждала Лала. Скорее всего, она рассказала о своих переживаниях, но услышав уверения Сабины, что та никак не интересуется Рафиком, предложила распить мировую. Достала и открыла бутылку вина, поставила на стол два бокала. Потом полотенцем протёрла их, убирая с бокала Сабины отпечатки своих пальцев. Девушки выпили «за мир и дружбу», сели на диван, вероятно, спокойно болтая. Но Лала, как известно, человек, привыкший добиваться своего и убирающий все препятствия с пути. Сабина была не только препятствием, она оказалась скалой, отделившей Лалу от жениха. И её нужно было убрать. Лала изучала единоборства в Японии и Китае, и она наверняка знала сакральные точки на теле человека, воздействуя на которые можно отключить сознание. Дальше всё прошло по задуманной схеме. Сабина отключилась, причём перед этим у неё не было ни волнения, ни страха, на лице девушки осталось выражение спокойствия. Лала уложила Сабину на диван, потом убрала бутылку со своими отпечатками, вымыла и протерла свой бокал, а на стол поставила бокал и бутылку с отпечатками пальцев отца – днём она предусмотрительно убрала их в шкаф. Полная иллюзия, что Мустафа с Сабиной распили вино. Оставалась самая трудная часть – убрать соперницу с этого света. Кинжал был выбран заранее – на нём уже были свежие отпечатки пальцев Мустафы. Сила и точность попадания не удивляют – Лала занималась фехтованием. Убрав соперницу, она снова переоделась, превратившись на видеокamере в отца, захватила бутылку с вином, которую потом, скорее всего, выбросила где-то подальше, и спокойно вышла из магазина.

Это убийство поражает не столько дерзостью и хладнокровием, сколько тем, как дочь цинично и жестоко повесила его на отца, предав и подставив его. Что она делала потом? Думаю, позвонила отцу, сказала, что не придёт ночевать, потом позвонила дяде, – Андрей указал на Исмаила. – О чём они говорили, и как развивались дальше события, думаю, он сам расскажет.

– Зачем вам понадобилось это расследование? – хрипло спросил мужчина. – Вы сделали своё дело, Мустафу оправдали, зачем копали дальше?

– Меня обвинили в том, я помог убийце уйти от возмездия, получив за это большие деньги. Моя профессиональная честь была поставлена под сомнение. Я должен был защитить себя и разобраться в этом вопросе. Вы понимаете, что у меня нет никаких доказательств, их будет искать мой коллега, – адвокат показал на следователя. – Дело всё равно пошлют на доследование. Вы также понимаете, что Мустафа был бы согласен сам сесть за решётку, но защитить свою дочь. А вы... – Андрей подошёл к Исмаилу Рустамову и посмотрел в его глаза. Сейчас взгляд его проник до самой правды, и она соответствовала тому, о чём рассказал адвокат. – Вы взяли на себя тяжесть чужой тайны, но убийца остаётся убийцей, независимо от того, в каких родственных связях вы находитесь. Лала подло предала и осознанно подставила своего отца, для которого была смыслом жизни. Я даже не знаю таких слов, чтобы охарактеризовать эту девушку. Гнида? Мразь? Мне даже говорить о ней мерзко. Что её двигало? Любовь? Нет, любовь не толкает на убийство. Эгоизм, избалованность, ощущение своей исключительности и безнаказанности, своего превосходства и презрения к другим людям. Это страшный человек...

– А как вы догадались, как смогли так быстро установить истину? – спросил адвоката следователь. Он тоже понял, что коллега прав, но доказывание преступления ложилось на него, и он хотел каких-то подсказок.

– Бог помог, он всегда помогает правым, и помощь приходит, откуда её совсем не ожидаешь. Ищите и найдёте, коллега. Моя мама всегда учила меня смотреть людям в глаза, а преподаватель в институте советовал обращать внимание на детали и знаки. Попробуйте, именно здесь и лежит разгадка. Мой помощник сделал запись этой нашей беседы, и он передаст вам обоим сейчас копии. Желаю успеха, – он протянул и пожал руку следователю. Потом повернулся к Исмаилу Рустамову. – Я знаю, вам сейчас тяжело, но для чего-то же вы получили это испытание.

– Спасибо, что дали передохнуть в субботу и воскресенье. Хоть две ночи я спокойно поспал, думал что кошмар кончился. А если... Я могу снова к вам обратиться?

– Нет, – твёрдо отрезал адвокат Андрей Матвеев.

Инопланетянин

Вот уже вторую неделю в городе было что-то не так. Все говорили об этом, но никто не мог объяснить, что именно было не так. Не было никаких особых происшествий, парламент мирно творил новые законы, дети по-прежнему ходили в школу, полиция поддерживала порядок, который в эти дни никто и не стремился нарушать, рестораны баловали гостей изысканными блюдами, влюблённые целовались на каждом шагу. Но именно милая влюблённая девочка, выскользнув из объятий своего парня, выразила общее ощущение:

– У меня такое чувство, что за нами всё время кто-то наблюдает.

– Конечно, наблюдает, солнце моё! Мы же стоим в центре перекрестка!

– Нет, это не то. Мне кажется, словно моя мама всё время следит за нами. Изучает и хочет понять, что я нашла в тебе, и что это мы такое делаем, когда целуемся.

– Здесь нет твоей мамы, – парень снова потянулся к губам подружки, но замер. – Точно! Я тоже всё время что-то не то чувствую. Ты правильно сказала – кто-то изучает нас.

– Ну, и ладно, – девушка беспечно махнула рукой, и влюблённые скрылись в дверях кафе.

Я сидела за столом, сочиняя очередной рассказ и азартно выстукивая его на компьютере. Когда я работаю, меня мало что может отвлечь, а в тот вечер в доме я была одна. Я отключила телефоны, сеть wi-fi и всецело погрузилась в свой шедевр, который обещал стать бессмертным. Какое-то слово никак не ложилось в строку, и я задумчиво повернулась к окну, которое выходило на балкон. Сквозь стекло на меня смотрели огромные глаза. На треугольном лице. Длинная тонкая шея опускалась на квадратные плечи. Тонкая полоска разделяла лицо на две части, в нижней вершине треугольника было нечто, похожее на рот. Но такие подробности я разглядела позже, а первой моей мыслью было:

– Кто это и почему мне не страшно?

– Меня зовут Бого. Я добрый. Тебе не нужно бояться.

– Люсия, – почему-то соврала я, представляясь. – Ты кто такой?

– Можно войти? Неудобно разговаривать через стекло.

– Я не знаю...

– Вреда не будет. Зуб даю.

Я от неожиданности открыла рот, но потом догадалась, что про зуб это фигура речи. Инопланетянин уже где-то нахватался местных идиом.

– Ну, заходи, Бого, – пригласила я, и существо просочилось сквозь стекло в комнату. Запахло свежими персиками.

– Персики – это у тебя духи такие или собственный запах?

– Духи. Обычно это нравится. Изменить?

– Не стоит. Ты откуда? Из другого мира?

– Да.

– Так это контакт? Исторический момент? – я наполнилась гордостью за себя.

– Мы уже десять дней наблюдаем за вашим городом. Изучаем людей.

– И как мы вам? Нравимся?

– Интересно. У нас всё по-другому.

– Ещё бы, – ответила я, внимательно рассмотрев его. Прямоугольное тело без рук и ног плавно передвигалось по паркету. Было ощущение, что оно во что-то одето, так как поверхность его переливалась сине-зелёными цветами.

– Можно тебя потрогать? – спросила я.

– Да, конечно, – ответил Бого и протянул вдруг образовавшуюся руку. Она оказалась теплой и приятной на ощупь. Мне показалось, что она похожа на слайм, и я попыталась сформировать пальцы. Мне это легко удалось, причём показалось, что они сами вытягиваются из руки, повинувшись скорее моей мысли, чем движениям.

– Сколько пальцев хочешь? Я сделаю, – и на его руке появилось пять пальцев, потом десять.

– Стоп-стоп, оставь пять.

– Пальцев бывает у нас столько, сколько нужно для какого-то действия.

– Здорово. Мне всегда не хватает десяти пальцев, когда я печатаю. Мысль убегает вперёд.

– Ты хочешь больше? Помочь?

– Нет-нет, – испугалась я, – я уже как-то привыкла к своим. Больше будет перебор. А вас много у нас на планете?

– Нет, всего двенадцать. Мы разведчики.

– А где ваш корабль?

– У нас нет корабля. Мы попадаем в разные места Вселенной за счёт управления пространством. Но это требует много энергии.

– А что вам у нас нужно? Вы что-то ищете?

Бого как будто замаялся.

– Мы изучаем людей.

– Это я уже слышала. Говори честно, что вам нужно на Земле.

– Мы не можем врать. Люди могут, мы – нет, сразу начинаем растворяться. А правду не могу сказать.

Я поняла, если не может сказать правду, значит, затевается что-то против Земли или землян. Это мысль меня разозлила.

– Бого, что вам у нас нужно? Что вы ищете? – грозно сказала я, с негодованием глядя ему прямо в глаза. Он растерялся и задёргался, словно провинившийся школьник.

– Бого, что вам у нас нужно? Что вы ищете? – повторила я в третий раз, всё больше сердясь.

– Ты спросила три раза, я не могу не ответить. Но я не могу отвечать. Но я должен ответить, ты спросила три раза... – он задёргался сильнее, а меня вдруг осенило:

– Вам нужна вода? – инопланетянин замер, а потом с облегчением кивнул.

– Это источник энергии? – он снова кивнул.

– А высохшие озёра и моря – ваша работа? – он кивнул в третий раз.

– А на страдания людей вам наплевать? На засуху, на жажду детей? – я встала в позу обличителя. А он удивлённо ответил:

– Вы сами уничтожаете гораздо больше. Мы только лишь пристроились к вашим... – он замолчал, подыскивая слово, – беззакониям и безобразиям.

Слёзы навернулись мне на глаза, так как это была безжалостная правда. Я пошла к дивану и плюхнулась на него, в отчаянии закрыв глаза. А когда открыла, инопланетянин в оцепенении стоял напротив и смотрел на стену надо мной.

– Моя мать. Откуда? – глухо произнёс он, указывая куда-то вверх. Там висела небольшая картина с каким-то странным существом.

Рисунок художника Farhad Yalguzag

Полгода назад у нас в лицее выступал художник и показывал свои картины. На них были непонятные чудики с треугольными головами. Странные на первый взгляд, на второй они казались милыми и добрыми. Художник рассказал интересную историю, связанную с ними. Несколько лет назад он решил написать книгу. Размышления о жизни, о себе, о своём месте в мире. У обычных людей такие мысли тоже иногда посещают голову, но только у творческих это посещение выливается в желание поведать о них людям. Чтобы никто не мешал процессу рождения бессмертного откровения, художник забрался высоко в горы, нашёл там полузаброшенную деревушку без электричества, газа, водопровода, без мобильной связи и интернета. Конечно, такое сложно представить, но в нашем мире возможно всё. Художник запасся бумагой и ручками и стал писать книгу старым дедовским способом – вода пером по бумаге. Не знаю, как и чем он питался, но через некоторое время стал замечать, что в голове его появляются образы человечков с треугольными головами. Ещё через некоторое время они стали вступать с ним в беседу, а потом вообще начали учить жизни. В книгу вошли главы с их монологами и диалогами. Когда художник вернулся в большой мир, он как одержимый стал рисовать этих треугольных человечков. На той встрече в лицее я насчитала более пятидесяти картин, и ни одна не повторялась, ни в красках, ни в героях.

Мне понравилась картина, которая напоминала «Любительницу абсента» Пикассо. Художник продавал свои картины, причём совсем недорого, и я купила «любительницу» и ещё две – треугольную маму с двумя треугольными детишками и двух треугольных влюблённых.

И вот сейчас инопланетянин смотрел на «любительницу абсента» и признавал в ней свою маму. Я бросила взгляд вверх и поразились, как я сразу не заметила сходства Бого с изображениями на картинах, висевших на моей стене.

– Откуда?

– Художник нарисовал.

– Откуда он знает мою мать?

– Она приходила к нему.

– Что?!?! – почему-то гневно взревел Бого.

– В мыслях, не в теле, – поспешила я успокоить инопланетянина и кивнула на другие картины. – Их много приходило. Вот ещё ваши, ты их знаешь?

Бого перевёл взгляд. Потом невероятно удлинившейся до размеров указки рукой стал показывать на существа на картинах и называть их имена.

– А как они попали в мысли художника? – спросила я.

– Мне неизвестно. Но думаю, что это была другая разведка – психологическая.

А ты дашь мне эти картины? – без всякого перехода спросил он.

– С какой это стати? Вы воруете нашу воду, а я буду дарить тебе картины?

– У нас никто так не может рисовать. Мы вообще не можем рисовать. Петь не

можем... Танцевать не можем... У нас нет музыки, только техника. А у вас есть искусство. У нас нет даже такого понятия.

– Бого, так берите то, чем мы поделимся с радостью – своим искусством. А вы воду воруете, – снова упрекнула я его. И тут во мне зародился план спасения Земли.

– А если мы вам подарим ваши портреты, вы перестанете хозяйничать тут?

– О! Это было бы невероятно! Великолепно! Но не я один это решаю.

– Сделаем так. Ты берёшь портрет своей матушки как образец и рассказываешь обо всём товарищам. Если они в принципе согласны, обговариваем условия. Идёт?

Бого радостно потянулся к портрету, но я остановила его:

– Идёт? Ты не ответил.

– Я постараюсь убедить их, – сказал инопланетянин, потом бережно снял портрет, прижал к груди и исчез, шагнув сквозь стекла балкона.

Несколько минут я неподвижно сидела на диване, пытаюсь понять, было ли это наяву или же в каких-то грёзах. Однако портрета на стене не было. Я взяла трубку и набрала номер художника.

Через полчаса он сидел у меня в гостиной и доставал из огромной сумки портреты инопланетян.

– Вот, всё собрал. А где покупатель? – с наивной надеждой спросил он. По мере того, как я рассказывала ему историю с Бого, лицо его мрачнело всё больше и больше. – Почему для своих нелепых шуток вы выбрали ночь? И сегодня ведь не первое апреля.

– Это не шутка. И вы можете стать спасителем человечества.

Художник с жалостью посмотрел на меня.

– Вы, наверное, давно не отдыхали? Может, выпьете снотворного и заснёте эдак на сутки-другие?

– У меня с головой всё в порядке. Подождите немного, я чувствую, что он вернётся. Не торопитесь, – но художник уже собирал в сумку свои работы. Именно в этот момент сквозь стекло просочился Бого, предварительно вежливо постучав. – Заходи, Бого. Как твои переговоры?

Художник поднял глаза и от неожиданности резко отпрянул назад. Потом встал, осторожно подошёл к инопланетному гостю, потрогал его и обошёл вокруг.

– Я живой, – сказал Бого. – Это ты рисуешь наши портреты?

Художник сделал неожиданное – он обнял инопланетянина и разрыдался у него на груди.

– Я знал, что увижу вас наяву... Вы пришли... Вы со мной... Я вас так люблю...

– Они воруют нашу воду. И моря и озёра высыхают. И дети умирают от жажды, – я попыталась охладить его восторги. – И ещё они не могут врать.

– Я знаю, – художник продолжал обнимать и ощупывать Бого, а тот спросил:

– Можно остальные войдут?

– Все двенадцать?

– Они пришли все.

Я заколебалась, а потом разрешила.

– Да, пусть входят.

Сквозь стекло просочилось двенадцать инопланетян. Они были похожи друг на друга, но всё же разные, совсем как люди. Художник был в восторге. Он осторожно ощупывал гостей, а они, вытягивая из туловища руки, ощупывали его.

– Друзья, у нас дело планетарного масштаба. Обниматься будем, когда закончим его. Итак, я предложила условие – мы отдаём вам ваши портреты, которые стоят огромных денег, – при этом я наступила на ногу художника, который был готов дарить свои картины без всяких условий. – А вы взамен обещаете никогда впредь не воровать воду с Земли. И не вступать в сговор ни с каким правительством. Возможно, в дальнейшем откроются иные точки сотрудничества, но это условие – главное.

– Мы согласны, – сказал Бого. – Портреты, которые вы рисуете, стоят дорого у вас, а у нас они бесценны. Нас никто, ни в одном уголке Вселенной не рисовал. Мы можем создавать мыслеформы, но вот так, на бумаге или на холсте, никогда...

Я наклонилась к художнику:

– Может, вы попробуете их научить рисовать? За деньги. Или за золото. И этим поправите своё материальное положение?

– Не получится, я знаю. Кажется, они на генетическом уровне лишены такой способности.

– Господа инопланетяне! Уважаемый художник отдаст все портреты, которые он нарисовал. Вы навсегда, на веки вечные прекращаете воровать, – я дипломатично поправилась, – увозить воду с Земли. Она нам самим нужна. И оставляете нашу планету. У нас и без пришельцев проблем полно. Но если вы захотите перед отъездом получить новые портреты, то нужно будет заплатить. Золотом. По килограмму за портрет. Идёт?

Инопланетяне переглянулись, а Бого спросил:

– Почему вы так любите золото? У нас оно не ценится.

– Тем более. Думаю, такая цена вас не обременит.

– Мы согласны. Мы согласны. Мы согласны! – трижды повторили инопланетные гости, и я поняла, что обмануть они не смогут. Художник протянул им большую стопку портретов на бумаге размера А4. Они восторженно рассматривали их, радостно узнавали знакомых, переговаривались на своём языке, а художник наклонился ко мне и горячо зашептал;

– Я благодарю вас! Вы спасли Землю! А если они будут платить за портреты, то мы богаты – двадцать процентов ваши!

– О! Спасибо! Я вот подумала – а как мы будем продавать золото? Я сказала, не подумав.

– Не волнуйтесь, в нашей стране всё решается, тем более золотом.

На следующий день в городе всё стало по-прежнему – исчезло непонятное неприятное ощущение, что за тобой наблюдают и тебя изучают. Люди расслабились. Вы спросите, а как художник с новыми заказами, и как я со своими процентами от заказов? Поживём – увидим. Главное, мы спасли Землю!

ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ

ГАМИД АХМЕДОВ

Гамид Ахмедов, по его собственным словам, увлекается поэзией с раннего детства (в свое время даже вышла в свет книжка стихов двенадцатилетнего на тот момент поэта). За пару минувших с тех пор десятилетий наш автор получил профессию инженера-буровика, по которой и работает сегодня в одной из ведущих иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность в Азербайджане. Однако занятия поэзией не оставил до сих пор, так как, опять же по его собственному признанию, убежден, что «поэзия – лучший инструмент для самопознания...» Знакомство с поэзией начиналось традиционно: «школьные» Есенин, Маяковский... Из отечественных авторов – Мирза Шафи Вазех, Микаил Мушви́г, Бахтияр Вагабзаде... Позже пришли Бродский, Мандельштам, шестидесятники, Леонид Филатов... Каждый из этих, таких разных, поэтов оставил заметный след в душе и поэтических интонациях молодого автора.

Что хочется отметить при первом знакомстве с текстами Гамида Ахмедова?

В первую очередь, своеобразность авторской интонации, раскованность мыслей и чувств и культуру их изложения, умение заметить нюансы быстролетящего бытия и воплотить их в цепляющие читательское внимание образы... Гамид Ахмедов современен в самом позитивном смысле этого слова, органично и естественно являясь полномочным представителем своего века и поколения и в то же время духовным звеном в неразрывной цепи художников всех времен и народов. В заключение хотелось бы напомнить Гамиду и его поэтическим ровесникам – этим Икарам нового века, мечтающим о новых дерзких воспарениях – что творчество – это всегда полет без страховки, соответственно, чем лучше «оснащены» художники в своем ремесле, тем крепче их крылья и ярче проорывы. Тексты Гамида пока еще не свободны от некоторых стилистических и лексических «заноз», но все это преходяще, если есть желание по-настоящему работать над собой и словом, чтобы расслышать извечный «ветер времен» и воплотить его в новых ярких стихах.

Поздравляем автора с первой публикацией на страницах нашего журнала, надеемся на новые интересные встречи с его поэзией в будущем.

ВЕТЕР ВРЕМЕН или НОВЫЕ ИКАРЫ

Вдохновение

Я недавно узнал у лечащего врача,
что не гаснет оставленная мною свеча.
Но порой вдохновение, будто бы саранча,
поедает меня изнутри...
– Мне так больно, слышишь?..

По утрам манит джезва,
ночами – амфетамин,
а душа запечатана (надпись: «на карантин»)
Я смотался бы в Питер,
исчез бы в толпе картин,
наблюдал за закатами цвета мерло¹ на крыше.

¹ Известная марка красного французского вина; особый оттенок красного цвета.

На заре одевайся тепло, выходя во двор.
Мы порой волшебство не замечаем в упор:
гирлянды-созвездия, кардиограмма гор...
Приложи свои руки
к глазам моим на мгновенье.

Нарисуй мне рассветы,
подсолнухи, запах волос.
Мы в пути за собой оставляли следы колес.
Я прочувствовал горький привкус улыбок ее и слёз,
и тогда только понял,
что это и есть вдохновенье.

Исповедь иммигранта

Вокзалы остывали после жаркого,
прощаньями измученного дня,
и вечер наполнял пространство парка
прохожими и криками менял,
художниками, продавцами ваты,
танцорами и лепетом детей...
И бликами дразнил замысловатый,
кувшинками украшенный бассейн.
Пространство оживляли музыканты,
и в воздух проникал вечерний зной,
дрожавший, будто души иммигрантов,
тоскующих по родине весной.
Мой дом ветшал, его пустели арки,
своих соседей новых невзлюбя...
А вечер наполнял пространство парка
пронзительным отсутствием тебя.

Прощание

Поведай мне тайны –
слышишь, поведай мне тайны,
о которых не знает
никто из «нормальных»;
никто из обычных
встречных, прохожих, ненужных,
тех, кто трогает тело твое,
но не душу.
Поведай мне тайны –
а хочешь, просто отдай мне
сокровенные мысли,
мечты и страданья.
Там, где ты босиком
по песку и асфальту,
святая,
не успев понаделать ошибок
фатальных,
летаешь.

Расскажи о мирах мне,
что в памяти свято хранила,
о забытых местах,
где ласкает приливы светило.
О мирах, утонувших в бокалах
и смешанных с колой и Джеком...
Ты ведь знала сначала:
я не буду твоим человеком.
Поведай мне тайны.
Сегодня. Сейчас. У порога.
Оказалась летальной
та, что мы отшагали, дорога.
Оказалась ненужной
история в высохших красках.
Под глазами окружности,
словно узоры на масках.
Разбежались в пути
железнодорожные линии.
Мне тебя не найти
и не вспомнить забытого имени.

Сон

Во сне я часто вижу паука,
ползущего по матовой стене.
И тень моя, и бледная рука
его предупреждают обо мне.

Но он ползет –
упорно, как герой...
А я жестоко, будто напоказ,
его своей безжалостной рукой
сметаю вниз уже в который раз.

...Я просыпаюсь.
В окна бьет рассвет,
где буду я, как тот паук во сне,
уже примерно три десятка лет
ползти вперед по матовой стене.

Икар

Тебе прочили звезды счастливую участь побед,
Ты хотел быть обласканным путником этого мира.
Тебя звали подножия Фудзи, Родос и Пальмира,
И ты дал себе слово исполнить этот обет.

Рассекать океаны под вальсы штурвалов и волн,
С молодым капитаном на пару раскуривать трубку
Где, сражаясь с марлином¹,
корнями вцепившийся в шлюпку,

Не сдавался старик, и бессмертие этим обрел.

¹ хищная рыба, обитающая в тропических водах Атлантики, достигает в длину 5 метров, развивает скорость более 100 километров в час, на носу имеет мощное природное «копье».

Уехать зализывать старые раны в Тибет,
Чтоб со склона горы
 быть свидетелем гибели солнца,
А не просто глядеть из заляпанного оконца
На потоки машин, в темноте прорубающих свет.

Различать полуночные песни шаманов и змей,
В парагвайских степях наблюдать за погоней мустангов.
Прикоснуться руками сухими к Майянским останкам –
И почувствовать слезы и память планеты своей.

Ты ушел, окрыленный идеями, в ветер времен,
Несомненно, считая, что все это было не даром.
Ты взлетел к горизонту событий влюбленным Икаром,
Понимая,
 что после полета сгореть обречен.

Два дождя

1

Танцующая под дождем

Мир охватила паника, льют дожди,
а на бульваре танцует цыганка Шанти.
В глазах ее голубых отражаются блики небес –
они будто не замечают, что вмиг исчез
народ с опустевших улиц. Грядет война.
Диагноз поставлен –

 отныне земля больна.
Шанти босиком отбивает волшебный ритм,
и, не издавая ни звука, она кричит –
о жизни и смерти, о воздухе и огне,
о том, что болит внутри, но пришло извне.
О том, как горят мосты, освещающая путь,
о том, как мы помним эту боль наизусть...

...Но город был пуст,
 все попрятались на карантин.
Исчезло все,
 и остались только бульвар и Шанти.
И только танец спасал ее (и нас) от заката дней,
а бульвар засыпал под шум проливных дождей.

2

Тбилисский блюз

В Тбилиси сегодня играет дождь:
вниз по проспектам потоки, как ртуть.
Все то, что случилось там – не трожь,
все то, что закончилось здесь –
 позабудь.

Пусть эпилогом минорных нот
прольется на улицы светлый ноктюрн.
Все то, что случилось с нами – пройдет,
утонет в толпе незнакомых фигур.
Сегодня в Тбилиси ночной музыкант
со скрипки роняет мечты, миражи...
Я бережно их соберу в фолиант
моей постаревшей от боли души.
Мы прбжили август, упали в сентябрь.
Погода ни к черту, трамваи, мосты.
...Оставь на прощанье свой голос хотя б,
как память о лете,
пустой монастырь.

Любить

Быть из вселенных вовсе разных,
читать стихи после оргазмов
с тобой. И вместе петь баллады
о возрождениях Эллады,
о тени на холмах от вишен,
об очагах, что светом дышат
в домах старинных в лихолесье...
И навсегда с тобой быть вместе,
и рисовать пески, причалы,
места, где молодость встречал и
был беспечен и бесстрашен –
блестели золотом из пашен
глаза, горящие игриво.
Давай отправимся к заливам,
тебе там тихо прошепчу я,
что счастлив мимолетно чуют
в прибое терпкий запах моря,
и Боуи¹ слушать на повторе –
о снах космических скитаний...
Подключены порты питания,
и двигателей слышен стон:
«Ground control to Major Tom...»²

Киото при полной луне

Вечереет, луна побеждает в войне за Киото.
Горизонты рисуют пейзажи –
в них свищет охота.
А в Пуэбла³ шаман допивает настойку пейота⁴,
И поет о началах, и видит прозренья в огне.

¹ Британский рок-певец (1947-2016), автор песен, продюсер, художник и актер.

² Строка из известной песни Дэвида Боуи «Странный случай в космосе».

³ Город в Мексике.

⁴ пейот (пейотль) – растение из разряда кактусов, его настойка, издавна употребляемая индейцами в магических культах, обладает галлюциногенным эффектом.

Ни алкоголь, ни затуманенные мысли
Не помогают, не спасают от идей...
Там, в середине нулевых летали листья,
Клянясь друг другу быть подальше от людей.
Немые ливни бьют по крышам и асфальту,
Озона запахи (как следствие дождя).
Кривыми рифмами скребущий по базальту,
Ты был похож на иноземного вождя.
Поэты осенью, как правило, трусливы,
Поэты, в принципе, не любят перемен...
Ты помнишь ярко обозначенный вкус сливы
И то, как ты подняться пробовал с колен.
Но ты остался тем, кем был когда-то...
Грустно...

Мелькая слайдами, просрочена судьба...
И столько женщин примеряют на себя
Твои стихи, написанные Музе.

Акварель

И вот я опять исписался,
и больше себя не спасу –
я в тысячный раз оказался
в том сумеречном лесу.
И если великий Данте
геенну прошел «на ура»,
то я со своим «талантом»
исчезну в дыму костра.
И если пуста Гиппокрена¹,
и муза ушла в бордель –
скажите, какого хрена
мне тут разводить акварель?..
Мне жидкости этой не надо,
по горло я сыт водой...
Ты хочешь услышать правду?
По правде, я сыт тобой.
Весна ко мне подберется,
но вновь будет в черном, тварь,
и бабочки из колодцев
взлетят в ледяную хмарь.
И я не смогу, наверно,
оставить тебе даже роз –
пропивши жизнь по тавернам,
огрѐб я душевный цирроз.
Но счастлив, что есть Буковски
и книжки, что глушат хандру...
И что пишут стихи подростки
так, как я никогда не смогу.

¹ Священный источник на вершине горы Геликон в древней Греции, по преданию, забивший от удара копыта крылатого коня Пегаса; также источник вдохновения для муз.

САНАН ИСМАЙЛОВ

РАССКАЗЫ

Прообраз

Все же он слишком легко поддался на уговоры рассмотреть возможности переселения в другую колонию. Раздумывал недолго – сложно было противостоять напору этого незнакомого молодого человека. Конечно, на старом, давно насиженном месте делать было нечего, и он только сейчас осознал это. Но каким будет новое место? Старая колония располагалась на очень маленькой планете. Маленькой настолько, что первые переселенцы называли ее просто «Горным городком». Они с женой были среди первых поселенцев, и вообще-то он перебрался сюда как раз из-за нее – жене хотелось «разбить большой земной сад на другом конце вселенной». Но сейчас близкие разлетелись кто куда. Некоторые даже решили переселиться на Землю, жить по старым правилам, даже супруга с младшим сыном. Он остался один, но не скучал совершенно, однообразная жизнь его не тяготила. Да и жена не особо жаловалась на разлуку – ведь при необходимости он за несколько дней смог бы слетать и навесить её. Жизнь в Горном городке доставляла удовольствие – это было место, где люди счастливо жили наедине с воспоминаниями. Откуда же появился этот молодой настырный агент по набору персонала для новой колонии? Да еще с таким странным условием?

Он возник во время уже привычной велосипедной прогулки, когда старик остановился для краткого отдыха.

– Добрый день! Я представляю команду по набору персонала для нашей колонии. Совершенно новый тип, хотя самой колонии более двух десятков лет, – приветливо заметил агент, протягивая руку для знакомства. А потом, словно делясь сверхважным секретом, шепотом добавил: – Она экспериментальная.

– Ну и ну! – рассмеялся старик и отмахнулся от слов агента, восприняв их как очередную рекламу на билборде. – А я вот стараюсь избегать любых экспериментов. Возраст, здоровье – сами понимаете, все это ограничивает. Даже не решился слетать на Землю к супруге. Повременил. Мне и здесь хорошо. Да и врачи советуют быть осторожнее с космическими полетами. Даже кратковременная невесомость может вызвать у меня необратимые процессы. Я не особо рассчитываю на нынешние корабли. Они должны полностью исключать возникновение невесомости. Но мы только и слышим, что там не справляются с этой задачей.

– Да, я вас понимаю. Хотя, если придерживаться строгих врачебных предписаний, можно лишиться себя очень многого, – продолжал агент, словно не заметив, что старик уже собрался надавить на педали, и громко произнес: – Например, вы можете лишиться возможности встречи с тем, кого потеряли много лет назад. Скажем, со своим младшим братом.

Старик остановился, оперся правой ногой о землю и опустил взгляд.

– Откуда вы знаете про моего брата? – глухо спросил он, не поднимая головы.

– Я же агент, – уверенно ответил молодой человек. – В мои обязанности входит изучение рынка, чтобы подобрать клиентов. Давайте-ка зайдем вон в то кафе и поговорим. Думаю, нам найдется что обсудить.

К кафе старик шел медленно. Так медленно, что трудно было представить, что это тот самый человек, который, несмотря на преклонный возраст, каждый день со-

вершает часовые прогулки на велосипеде.

Нетерпеливый агент забежал вперед и открыл дверь кафе перед стариком. Тот же, весь поникший, даже не поблагодарил. Оба мужчины заказали кофе без сахара. Старик пригубил горячий кофе и явно не торопился развивать беседу.

– В каком возрасте погиб ваш брат? – спросил агент.

Старик опустил голову.

– Ему было чуть больше двадцати, когда все случилось.

– Я могу назвать его точный возраст, вплоть до количества прожитых дней, – самоуверенно сказал агент. Старик поднял голову и озадаченно посмотрел на молодого собеседника. Тот все так же уверенно продолжил: – Я же вам говорил, что изучаю потенциальных клиентов и готовлюсь на все сто процентов. Поэтому редко их подвожу.

– Я никогда не считал количество дней. Но знаю, сколько лет и месяцев. Меня бросает в дрожь, когда я думаю, как мало он прожил, – старик пригубил кофе и опять опустил голову. Затем дрожащим, еле слышным голосом продолжил: – Эти цифры так въелись сюда... – и он указал на виски.

– Я понимаю. А теперь представьте, что опять сможете его увидеть. Вашего брата. Совершенно живого.

Старик поднял голову и жалобно посмотрел на агента.

– Вас это не радует? Вы не хотите встретиться с ним? Совершенно здоровым! Молодым – в том возрасте, когда он погиб.

Вопрос агента застал старика врасплох.

– Хотите сказать, что я могу встретиться с человеком, которого давно нет? Который погиб десятки лет назад?

– Вот именно. Да хоть двести лет назад!

– И как вы собираетесь это сделать? Посредством спиритических сеансов?

– Мы таким шарлатанством не занимаемся. ДНК! Вот ключевое слово для многих достижений.

– Мой брат просил сохранить его ДНК? – старик начал приходить в себя. Он поднял голову и смотрел на агента глазами, полными слез.

– Да. Только не спрашивайте, почему он захотел этого. Я не смог найти какое-либо письменное объяснение. Ну, в общем, мы воссоздаем человека. И этот процесс проходит в два этапа. Первый – сугубо технологический, в котором я мало смысла, и эта часть процесса идет в специальных лабораториях, где работают высочайшие профессионалы. ДНК вашего брата будет использована в качестве материала для воссоздания физиологии, то есть целостного организма человека, – агент остановился. Пригубил кофе. – Пейте кофе, пожалуйста. Он уже не горячий. Не обожжетесь. Я смотрю, вас уже заинтересовало мое предложение. Это видно по глазам. Кстати, можете задавать любые вопросы. У вас есть вопросы?

– Нет, – уже в полный голос, но все так же растерянно ответил старик.

– Разве? А я думаю, они должны быть. Ведь речь идет о воссоздании вашего брата. Если весь процесс пройдет нормально, брат будет с вами рядом. Просто не представляю, как у вас могут не возникнуть вопросы. Задумайтесь, пожалуйста, – молодой человек выдержал паузу.

– Да, кажется, у меня появился первый вопрос.

– Давайте, я слушаю, – бодро отреагировал агент.

– А каким будет возраст брата, когда его восстановят или воссоздадут, как вы выражаетесь? – неуверенно спросил старик.

– Отличный вопрос. По данным нашего агентства, это первый вопрос, которые интересуют девяносто процентов наших клиентов. Если бы вы задали другой вопрос, я был бы удивлен и, наверное, исключил бы вас из числа потенциальных клиентов.

– У вас много клиентов? И как у них получилось все это? – несмело спросил старик.

– «Все это»? Что вы имеете в виду?

– Ну, думаю, встреча с давно погибшими близкими должна быть подобна некоему «эмоциональному взрыву». А это может быть опасно для человека моего возраста. Разве я не прав? – несмело спросил старик.

– Вы, конечно же, правы. Но вами будут заниматься отменные профессионалы. Позже я вам разьясню некоторые детали. Но все по порядку. Так вот, отвечая на ваш вопрос касательно возраста воссозданного брата... – тут агент сделал паузу в несколько секунд, широко улыбнулся и продолжил: – Здесь существует некий юридический аспект проблемы. Ни на одной планете, где живут люди, нет колонии, где закон позволил бы воссоздать человека из его ДНК. Даже на Земле такое не разрешено. Представляете, каким чудовищным является закон, составленный самими же людьми. Видите ли, чтобы воссоздать человека, необходимо присутствие самого носителя ДНК. Но если его или её давно уже нет в живых? Как они могут дать согласие и при этом засвидетельствовать его своим же присутствием? Да и зачем воссоздавать человека, если он жив? Так вот, сейчас юристы ищут лазейку в этом законе. Как же это глупо! – негромко рассмеялся молодой человек. Старик натужно улыбнулся в ответ. А агент торжественно продолжил: – И только в нашей колонии разрешено воссоздавать человека. Еще на заре становления руководство нашего поселения предусмотрело возможность воссоздания человека. Но такая возможность широко не рекламировалась, и потому желающих встретиться с умершими и воссозданными близкими не было много. Так вот, главное в этом деле – строительный материал. То есть ДНК! Разрешив воссоздание человека, наш закон в то же время разрешает воссоздать его только в том возрасте, когда он скончался. То есть вы не сможете заказать воссоздание пятилетнего брата.

– Ну что ж, такой возраст меня удовлетворил бы, – с надеждой сказал старик.

– Вот видите?! Это уже хорошо. Есть еще вопросы?

– Да. Скажите, а зачем вам понадобился такой старик, как я? Ведь если вы набираете людей для колонии, не лучше ли поискать их среди гораздо более молодых, у которых впереди будущее?

– Ваши вопросы однозначно указывают на блестящий ум. Не каждому пожилому человеку посчастливится обладать такой любознательностью. Я наблюдаю за вами уже две недели. Вижу, как вы катаетесь на велосипеде. Вы нужны нашей колонии. Молодых там полно. Да и переселенцев по-настоящему начали набирать лишь недавно. И недавно же осознали, что в колонии не хватает пожилых людей с опытом, у которых можно было бы многое перенять.

Старик улыбнулся. Молодой человек просиял в ответ и с задором продолжил:

– Так вот, первый этап процесса воссоздания вашего брата будет заключаться в создании физиологически целостного человека, у которого будут все черты вашего брата. Нос, цвет глаз, рост, тип крови, волосы. Одним словом, вы его легко узнаете. А вот на втором этапе нам понадобится ваша помощь.

– Моя? Чем же я смогу помочь? – насторожился старик.

– Да вы не беспокойтесь! Дело в том, что ваш брат – это же не просто тело. У него были мысли, эмоции, воспоминания, собственные взгляды на происходящее. Короче говоря, все уникальные особенности, которые отличали его от других людей. Мы должны будем вдохнуть в его физическое тело его же «я». Его воспоминания и переживания. Для этого мы наденем на вашу голову прибор. Чип вот такого размера, – агент показал кончик пальца. – И туда в течение месяца будут переписаны все ваши воспоминания о вашем брате. С самого детства. Школа, двор, совместные походы и игры, обиды друг на друга. Вкусные обеды вашей матери. Его друзья и подруги, которых вы знали. Понимаете? А потом мы перепишем все это в память вашего брата. И в результате вы встретите взрослого человека, в чьей памяти будут находиться ваши воспоминания о нем, его друзьях и повадках, привычках и эмоциях. Это

и будет одухотворением физического тела.

– Понимаю, – неуверенность возвращалась к старику. Воцарилось молчание. Старик опустил голову, а молодой агент уставился на него, попивая кофе. – Можно я задам еще вопрос? – с дрожью в голосе спросил старик.

– Естественно.

– А что, если мой брат... то есть воссозданный человек, очень похожий на моего брата, будет другим? Ведь столько лет прошло. Многие во мне изменилось. Вдруг я не смогу его понять и принять? Да и он, одухотворенный моими воспоминаниями, будет не таким, как я ожидаю.

Молодой человек хлопнул в ладони и громко рассмеялся. Старик вздрогнул.

– Да, не зря я сразу определил в вас клиента! Такие, как вы, жизненно необходимы нашей колонии. Вы обладаете прекрасным умом. Ваш вопрос гениален. И я просто обязан объяснить вам часть процесса, предусмотренную нашими специалистами. Перед тем, как встретить брата воочию, вы сможете увидеть его в фильме.

– Что? – удивился старик.

– Да. Почти как в старых фильмах. Вы увидите вашего брата, с его характером и повадками, построенными на ваших воспоминаниях. Человека, который исчез из вашей жизни много лет назад. Все ваши воспоминания, детские и взрослые, память о радостях и горестях, об обидах и примирениях, будут подытожены в близком вам человеке. И только после того, как вы просмотрите фильм и будете удовлетворены результатом работы, мы завершим его воссоздание, и он шагнет в настоящий мир. Он физически будет рядом с вами, со своими повадками и характером. Естественно, ему тоже придется нелегко признать в вас своего брата. Ведь вы так изменились.

Неуверенность еще сильнее стала давить на старика. Молодой человек встал из-за стола, подошел к собеседнику и слегка похлопал его по костлявому плечу.

– Вам стоит попробовать.

– Но я даже не решился переехать на Землю, к супруге. Планировал на будущий год. А сейчас взять и полететь на совершенно другую планету...

– Это все – ради брата. Очень близкого вам человека. И если не сейчас, то когда?

Старик нехотя кивнул.

Планета, на которой обосновалась колония агента, тоже была небольшой. И агент был прав – везде в глаза бросались молодые люди. Лишь изредка встречались пожилые мужчины и женщины. Они держались особняком и прятали взгляды, словно боясь выдать сокровенное. Воспоминания о покойном брате безостановочно крутились в мыслях старика весь последующий месяц после переезда на новую планету. Этому помогал также специальный препарат, предложенный агентом. Все его воспоминания, которые должны были «одухотворить» брата, воссозданного из ДНК, были удачно переписаны. Настал день, когда старику предстояло просмотреть фильм, в котором человек, идентичный его брату, покажет свой характер и настроение. Впечатление от просмотренного не должно оставить ни тени сомнения, что воссоздан именно его брат. И после этого он даст согласие, чтобы брат зажил настоящей жизнью.

– Располагайтесь в кресле и не переживайте. Вы будете под постоянным контролем врача, который следит за показаниями приборов, прикрепленных к вашему телу.

Старик сел в кресло, и женщина-доктор начала закреплять небольшие аппараты на запястьях старика.

– Этих двух приборов вполне достаточно для мониторинга вашего здоровья. При необходимости вам сразу же введут нужные препараты, – улыбнулась женщина.

– Вы в надежных руках. Они у нас вот такие спецы, – улыбнулся агент, показывая большой палец, поднятый вверх.

– Вы тоже будете присутствовать? – спросил старик у молодого агента.

– Конечно. Надеюсь, вы не против. Мы рядом с клиентами до самого завершения задачи, – уверенно ответил молодой человек и, не дождавшись ответа старика, обосновался в ближайшем кресле.

Свет в комнате выключили, и осветился экран, на котором появился молодой парень. На глазах у старика появились слезы. Младший брат на экране был точно таким, каким он видел его в последние дни перед его смертью. Вот он говорит с матерью на кухне во время ужина. Очень обходителен. Благодарит маму за вкусную еду, встает и целует ее. Сидит в гостиной, вытянув ноги, читает книгу, просит сестру не включать свет. Сестра все же включила, говоря, что он так портит глаза. Брат, что-то бормоча, встал и опять выключил. Ему нравилось читать в полумраке, как в детстве, с фонарем под одеялом. Вот братья рассматривают небольшой двухместный летательный аппарат, недавно купленный младшим. Он обстоятельно и терпеливо объясняет старшему брату все характеристики новой машины... Слезы наконец переполнили глаза и потекли у старика по щекам. Младший брат предстал перед ним точно таким, как он его помнил: внимательным, чутким, своеобразным.

Но тут на следующих кадрах на экране вместе с младшим братом появилась молодая женщина, которую старик не знал. Старик и молодой агент переглянулись с удивлением – в сцене почему-то не было старшего брата. А на экране младший брат, проходя мимо женщины, слегка задел её, и она уронила и сломала очки, которые до этого держала в руке.

– Извините, – быстро произнес младший человек, – и стал подбирать обломки очков. Девушка стояла неподвижно и улыбалась. – Я и представить не мог, что очки могут разбиться на несколько больших кусков. Мне казалось, они должны были разбиться на множество осколков, – смущенно выговорил младший брат.

– Они вообще не должны были разбиться, – с улыбкой сказала женщина.

– Я понимаю, – смутился брат. У него при смущении так стягивались мышцы лица, что уши казались оттопыренными. Возможно, он по привычке даже сильно покраснел, чего нельзя было заметить на экране.

– Нет, вы меня не так поняли. В наши дни очки не должны разбиваться вообще – они из очень прочного материала.

Молодая женщина протянула ладонь, и младший брат положил туда куски. Она шагнула в сторону и выбросила их в мусорный бачок. Это еще более смутило брата, и он опустил голову. Агент, заметив, что старик все больше удивляется увиденному, остановил показ фильма.

– Он никогда не рассказывал мне об этом случае, – потрясенно сказал старик, чем вызвал беспокойство у агента.

Но тот все же продолжил показ. На экране появилась сцена, как младший брат кричит на ту же женщину:

– Ты шантажистка! Тебе мало было всех удовольствий, которые мы доставляли друг другу. Ты утверждаешь, что забеременела от меня и хочешь родить ребенка. И это, скорее всего, ради моих денег или денег моих родителей! Я мог бы утопить тебя в море два дня назад, если бы тогда знал о твоём намерении.

Молодая женщина, жавшись, сидит на диване в какой-то серой комнате и плачет. Она хочет что-то сказать, но слова не идут из ее рта.

– Ты должна избавиться от этого ребенка! И я тебе заплачу. Я не хочу стать отцом в таком возрасте! Понимаешь – не хочу! – в бешенстве закричал он, повернулся и вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Старик оторвался от экрана и в недоумении посмотрел на молодого агента, сидящего рядом. Тот выглядел явно озадаченным и смотрел на экран с тем же беспокойством, что и старик. На экране та же молодая женщина по телефону связывается с младшим братом.

– Я избавилась от ребенка. И мне не надо твоих денег.

– Что?! – завопил младший брат. Казалось, он плачет. Спустя мгновение на экране появляется та же женщина и отвечает на его звонок.

– Я детоубийца. Не смогу так жить, – раздается крик молодого человека.

– Постой, я не... – отвечает женщина. Слышен сильный шум удара.

Старик, весь дрожа, рывком поднялся с кресла, не снимая приборов с запястий. К нему подскочила доктор и отсоединила аппараты. Молодой агент выбежал из комнаты и начал громко с кем-то говорить. Старик, пошатываясь, вышел в коридор и направился к лестнице. Чтобы не упасть с нее, он держался за перила обеими руками и спускался боком.

– В наш фильм просочились воспоминания какой-то женщины о вашем покойном брате. Чисто случайно! Ваш брат был не только таким, каким его помните вы. Другие могут иметь о нем воспоминания, отличающиеся от ваших. Это же нормально! Он не был идеален, – вслед старику кричал агент с вершины лестницы.

– Возможно, он совершил самоубийство. И был способен совершить убийство, – тихо произнес старик. Агент не услышал его и, видя, как старик продолжает медленно спускаться, махнул рукой.

– В нашем ведомстве, как и во всех, есть не очень добросовестные сотрудники. Один из моих коллег-агентов работал над тем же материалом, что и я, – убедительно рассказывал старику молодой человек.

– Над каким материалом? – тихо спросил старик.

– Так мы называем ДНК давно усопших людей. Понимаю, это звучит немного странно, но именно это слово мы используем в разговорах между собой. Так вот, коллега обнаружил ДНК вашего младшего брата и начал поиск того, кто был бы заинтересован в его воссоздании. Он вышел на ту молодую женщину, которую вы видели на экране. Мой злополучный коллега утверждает, что не знал, что я вышел на вас. Может, он действительно не знал. Но так получилось, что образ вашего брата создался, исходя не только из ваших воспоминаний.

– Возможно, брат покончил с собой. Направил свой воздушный аппарат прямо в море. Он считал себя детоубийцей. А вы не знаете, что стало с той женщиной, кто она?

– Имена и подробности жизни клиентов не разглашаются, – тихо, но твердо заявил молодой агент. Затем продолжил: – К следующему разу наше ведомство исключит эти технические неполадки. Нельзя, чтобы один и тот же материал был одухотворен разными людьми независимо друг от друга.

– Хватит, – старик уставился на молодого агента. – Дальше я пойду сам. Один.

Старик направился к небольшому кораблю, на котором отбывали люди из колонии. Там уже было человек десять-двенадцать. Все они, и мужчины и женщины, были преклонного возраста. Их лица не были отчетливо видны в тусклом салоне, и пассажиры явно старались избегать чужих взглядов. Во время всего полета царило молчание.

Космодром, где садился корабль старика, был очень большим и светлым. Встречающих не было, кроме одного мужчины у выхода. По мере приближения к нему, старик все больше осознавал, что этот человек поразительно напоминает его младшего брата. Буквально всем – чертами лица, ростом и телосложением! Даже его жестикация при встрече с пожилой женщиной, тоже сошедшей с корабля старика, была такой же.

Старик в остолбенении уставился на него. А тот указал на него подошедшей женщине. Женщина взглянула на старика, улыбнулась и медленными шагами направилась к выходу с мужчиной. В какой-то момент старик захотел догнать пару, но, вспомнив недавнее разочарование у агента по колонизации, пожал плечами и отказался от такой затеи. «Думаю, поездка все-таки была успешной», – решил он про себя и тоже направился к выходу.

Супруга

– Дорогая, я пришел, – весело заявил пожилой мужчина, поставил на кухонный стол два небольших пакета, затем зашел в гостиную и опустил коричневую сумку на пол рядом с креслом. А на круглый стол, где было аккуратно уложено множество книг, положил букет цветов.

– Добрый вечер, милый. Ты, как всегда, поздно. Некоторые в такое время уже ложатся спать, – раздался из спальни голос жены.

– Знаю, – виновато ответил муж. – Но я не могу работать дома в дневное время – мне предпочтительнее университетский кабинет. Дома же – только ночью.

– Понимаю, – тихо ответила супруга. – Еда на кухне, на столе. Угадай, что сегодня на ужин?

– По запаху чувствую. Нежная баранина с овощами. Твой бесподобный рецепт.

– Точно. Только ты извини, я не смогу подойти.

– Не беспокойся. Я поем, а потом, если не возражаешь, прочту тебе свою часть лекции, которую подготовила группа старших преподавателей для студентов-новичков. Кстати, я принес тебе цветы. Они на столе.

– Буду рада выслушать твою часть лекции. Приятного аппетита. И за цветы спасибо. Я сама поставлю их в вазу.

Мужчина, даже не переодевшись в домашнее, быстро уселся за маленький стол в кухне, положил в тарелку еду из кастрюльки, накрыл колени салфеткой и с аппетитом принялся за поздний ужин. Он сильно проголодался, поскольку, по своему обыкновению, пропустил обед, но с давних пор небольшая порция полностью утоляла его аппетит. Всегда предпочитал домашнюю еду, приготовленную женой. Хотя сама она была против такого подхода: «Обед лучше не пропускать, это вредно. Надо есть вовремя, даже если это приготовлено не дома».

Вечерняя трапеза отнимала у него минут пять-десять, и все это время жена не отвлекала его, не расспрашивала о делах. Еда действительно была вкусной и, закончив трапезу, он убрал салфетку с колен, удовлетворенно откинулся на спинку стула, опустил руки и закрыл глаза. Со стороны могло казаться, что он задремал. Но это было не так. Он продолжал смаковать удовольствие от съеденного, и ему нравилось так сидеть. Женщина по-прежнему молчала, зная по опыту, что даже если муж закончил есть, ей не стоит говорить первой. Это право она с удовольствием уступила ему. Мужчина открыл глаза через несколько минут.

– Дорогая, я много десятков лет ем то, что ты готовишь. И не перестаю удивляться тому, как вкусно у тебя все получается. Для меня это просто невысказано.

– Готовлю с душой, – рассмеялась супруга.

– Ты уверена, что сможешь выслушать мою часть лекции? Тебе не наскучит?

– Ни в коем случае, – уверенно ответила супруга.

– Хорошо. Кстати, можешь поправлять меня, где сочтешь нужным. Или вставь реплики, студенты так и делают, и мне нужна тренировка. Если бы я мог работать над лекцией дома, то прибежал бы к твоей помощи гораздо чаще. Как раньше, – мечтательно заключил мужчина. Женщина молчала. – Ну что ж, начну. Меня хорошо слышно в спальне? – мужчина достал бумаги из коричневой сумки и устроился на кресле за круглым столом.

– Вполне.

– Моя часть лекции называется «Обратная революция: от машин к людям»: «Во все времена люди старались обустроить свою жизнь, сделав ее комфортнее. Но если в самом начале под комфортом подразумевалось улучшение орудий труда или обеспечение необходимой пищи для выживания, то в дальнейшем стремление к комфорту стало перестраивать отношения между людьми. Неудивительно, что при этом

враг иногда превращался в друга, близкий человек – в неприятеля, а любовь вмиг становилась неприязнью. Хотя бывало и по-другому, скажем, любовь на всю жизнь».

Из спальни послышалось хихиканье. Муж слегка сконфузился и неуверенно спросил:

– Думаешь, молодые не поверят в искренность последних слов и нужно их убрать?

– Нет, слова о любви на всю жизнь надо оставить, пусть сами студенты решают – им виднее. Да к тому же машины сами тоже вносят изменения в отношения. Это неизбежно. Молодые сами разберутся.

– Ну, тогда продолжу. «Со временем возникла необходимость в комфорте для межлических отношений. Подумайте, ведь человек создал домашнего робота не только для уборки дома, стирки белья и...»

– ...приготовления вкусного обеда, – вставила супруга из спальни.

– Он так не смог бы, – еле слышно произнес муж.

– Не смог бы что? – ириво спросила жена.

– Готовить так, как готовишь ты, – тихо ответил мужчина. И, выдержав короткую паузу, продолжил: – «Одной из целей, возможно даже, главной, создания домашнего робота было видоизменение отношений между людьми. Люди пожелали сократить отношения с себе подобными. История предоставляет нам много аналогий. Например, известно, что в 20-м и 21 веках люди все больше и больше стали обзаводиться домашними питомцами – допустим, кошками или собаками».

– У нас не было ни того и ни другого, – раздался голос супруги.

– А ты хотела бы? – спросил муж

– Не знаю, – задумчиво ответила жена.

– Ладно, я продолжу, – так же задумчиво ответил муж. – «Содержание домашних питомцев обходилось порой недешево. Но люди шли на это: чистили лотки для кошек, выгуливали собак, покупали для них специальный корм и витамины. Но не для того, чтобы животные отвечали им тем же. А потому, что хотели иметь рядом кого-то, кто любил бы их бескорыстно и не строил козней за спиной, – как это делают иногда даже очень близкие. По сравнению с домашними животными роботы не только не требуют ухода за ними, но и сами обслуживают хозяев. А главное – роботы, и машины вообще, не требуют от людей специфической реакции, человеческих отношений. Они не плачут, не раздражают, не воруют, не изменяют. И имеют существенное превосходство над питомцами – у них отсутствуют животные инстинкты. Они не мяукают, как кошки, рано утром и не будят хозяев. Не лают, как собаки, на велосипедиста».

– Ты полностью исключаешь инстинкты и чувства у роботов? – спросила жена. – Даже в будущем?

– Да, – не слишком уверенно ответил муж и, не дождавсь ответа, продолжил лекцию. – «Из всей своей истории человечество извлекло самый большой и непреложный урок – человек есть наиболее ненадежное существо на свете. Поэтому лучше избегать человеческих отношений там, где это возможно, и заменять присутствие человека присутствием роботов. Использование роботов и машин первоначально было задействовано в научной сфере...».

Супруги не было слышно.

– Дорогая, ты не спишь? – спросил муж.

– Нет, конечно.

– Ну, тогда я продолжаю: «...в научной сфере, для опытов и экспериментов. Их положительные результаты подвигли людей использовать роботов и в экономической сфере. Ими стали заменять рабочих, и производительность труда резко возросла. Инвесторы не жалели денег, получая взамен огромную выгоду. В дальнейшем роботы проникли в социальную сферу и начали вытеснять людей. Выше я уже об

этом упоминал. И здесь хочу заметить, что динамика внедрения роботов и машин в человеческую жизнь менялась от одной страны к другой. Страны с большей коррупционностью и несправедливым разделом богатства более преуспели в этом плане, чем многие передовые в техническом отношении государства. Отношения людей друг к другу в первых странах подталкивали их к гражданской войне. И только внедрение роботов и машин помогло снять напряжение – благодаря роботам там смогли преодолеть коррупцию, потому что на ключевых местах отношения между людьми были заменены отношениями между людьми и машинами. Но что мы переживаем сегодня? Роботы стали внедряться в политическую жизнь. Их избирают депутатами парламента. Отныне депутаты будут неподкупными, поскольку не нуждаются в богатстве, и будут принимать законы исключительно в интересах народа».

– Как заманчиво, – весело втиснула реплику жена.

– В самом деле? – спросил с недоумением муж.

– Да, – засмеялась она.

– Интересно. «В планах уже предусмотрена замена роботами политических лидеров и судей. Думаю, что если человечество перейдет эту черту, обратной дороги уже не будет. Мы не просто не должны позволить этому случиться. Мы должны повернуть вспять отношения в обществе. Это и есть «Обратная революция». Нам надо восстановить человеческие отношения. Пусть они будут несовершенновыми. Но мы ведь уже знаем, как нужно жить правильно, и должны научиться так жить, но без роботов».

– Ты в самом деле хочешь избавиться от роботов? – насторожилась жена.

– Не совсем избавиться, а ограничить их использование. Думаю, так будет лучше, – неуверенно ответил муж, а потом добавил: – Может, доработаю лекцию сегодня ночью, у меня еще есть время.

– Будешь мне дочитывать, когда завершишь?

– Да, но уже завтра, наверное. Слушай, мне надо переодеться. Потом продолжу работу над лекцией. – Мужчина медленно вошел в спальню. – Я быстро, – сказал он.

– Знаю. Как всегда.

Мужчина переоделся в пижаму и неуклюже повесил на вешалку костюм. Собрался повесить вешалку в шкаф, но жена сказала:

– Милый, оставь на кровати. Я позже всё уберу.

– Спасибо, – сказал муж и так же медленно, как заходил, отправился в ванную, – я умоюсь. Потом немного поработаю над лекцией.

Мужчина зашел в ванную, закрыл дверь на защелку, взял полотенце и, прикрыв им лицо, тихо заплакал. Позже он вышел из ванной, подошел к круглому столу, отодвинул кресло и, откинув его спинку, лег спать.

А в спальне на большой кровати лежал робот размером с баскетбольный мяч. На нем была надпись: «От студентов технического факультета уважаемому профессору... P.S. Мы верим в совместное будущее людей и роботов. Поверьте и вы!».

Справа от кровати, на тумбочке, на каменной подставке была фотография жены профессора – пожилой женщины, чье лицо светилось добродушием и счастьем. Ваза со свежими цветами заслоняла цифры на подставке. Виден был только год смерти – «2125».

Ночью мужчина почувствовал, как его накрыли пледом, и нежные губы коснулись его лба. Ему спалось хорошо.